

Катриона

*Книга пятая. Саяна Черной звезды
пятая книга*

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Она — не та, с чьим именем на устах рыцари совершают подвиги и чью красоту воспевают менестрели. Зато она умна, энергична, властолюбива... Знакомьтесь — Катриона Ринавиэль Уитримана, принцесса Оитлона. В простонародье — утырка. И пусть от наследницы Оитлона сбегают все женихи — ее враги их обгоняют. И пусть никто, даже собственные родители, не любят — зато все боятся. Но все это не может сделать Катриону счастливой... пока в один далеко не прекрасный день ее не похищает Динар Грахсовен, правитель Даларии. Жизнь Кат круто меняется — она обретает любящего отца, друзей и массу неприятностей, главная из которых — любовь. Но Катриона разберется! На то она и принцесса особого назначения...

-
- [Звездная Елена](#)

-

Звездная Елена

"Катриона. Сияние черной звезды"

5 книга

Просыпаться не хотелось. Абсолютно. Не в первый раз для меня, конечно, но сегодня это нежелание было как-то по-особому сильным.

Рывком сев на постели, открыла глаза.

Возникло огромное желание мгновенно закрыть их обратно! А после желательно снова лечь, заснуть и более не просыпаться в этом кошмаре! Но учитывая обстоятельства моей жизни, я не без оснований подозревала, что следующий кошмар, может оказаться похуже этого. К тому же, эти громадные, размером с внушительное окно каждый глаза, имели уже знакомый мне желтовато-наглый оттенок, так что через несколько секунд я поздоровалась с колоссальной черно-коричневой чешуйчатой гадиной:

— Доброе утро, Тэхарс.

Дракон заметно скривился и мрачно спросил:

— Где истерика? Где заполошные метания по моей пещере? Можно хотя бы испуганный вопль, я не привередливый.

Пожав плечами, честно сообщила:

— Истерики не по моей части. Пожалуй, за всю мою жизнь подобное случалось со мной лишь единожды.

Явно заинтересовавшись, дракон уместил свою голову поверх сложенных на каменном полу передних лапах и поинтересовался:

— Это когда же тебя так?

Спустив ноги с кровати, я поняла, что здесь зверски холодно, поэтому потянув верхнее из трех одеял, закуталась в него как в мантию и направившись к выходу из пещеры, с невеселой улыбкой ответила:

— В день, когда наш великий и бессмертный объявил моему отцу о намерении прекратить свое холостяцкое существование посредством взятия меня в супруги.

Идти по холодному, покрытому инеем каменному полу пещеры было не слишком приятно, но едва я вышла на свет — все окупилось удивительным, потрясающим видом. Под утренним бирюзово-салатовым небосклоном величественные серые, покрытые голубыми снежными шапками горы смотрелись удивительно прекрасно. Белые горы, размером значительно уступающие своим собратьям, казалось покрывал не голубой,

а совершенно синий, ослепительно сияющий и искрящийся под огромным белым поднимающимся по небосклону светилom. Я поискала взглядом второе, черное светило и даже несколько удивилась, не обнаружив звезду, практически давшую мне имя.

— Черное светило восходит позже, но сияет дольше, — обдавая меня порывами теплого дыхания, сообщил подкравшийся сзади дракон.

Я приняла информацию к сведению, и подойдя ближе к краю площадки, посмотрела вниз, запоздало осознав, что фактически вижу... пусть будет поселение крылатого народа. Похоже пещера Тэхарса располагалась на вершине самой величественной из гор, остальные жили ниже. Значительно ниже. И сейчас отсюда, практически с высоты драконьего полета, я видела летающих внизу драконов, драконов убирающих снег из своих пещер, дракон, нутужно машущих крыльями и с трудом удерживающих в лапах что-то вроде быков, только больших и светло серых, чем-то похожих на наших древних туров. На одной из наиболее значительных горных плато стайка маленьких, как мне показалось, дракончиков старательно махала крыльями, внимательно следя за огромной синей драконницей, что стояла перед группкой и видимо командовала.

— Мелкотня, — с удивительной теплотой в голосе, прорычал все еще пребывающий в виде дракона Тэхарс. Затем отрешенно произнес: — Еще пять дней назад валялись кто-где, замерзшие, высохшие трупики, скинутые темными в пропасть и разбившиеся, недоразвитые в недоразвитых яйцах, а теперь смотри-ка, уже учатся ловить ветер.

Усмехнулся и добавил:

— Смотри на них, императрица, а ты говоришь «истерика»...

Он развернулся и ушел в глубь пещеры, тяжело ступая.

Обернувшись, проводила его откровенно раздраженным взглядом, а затем вновь вернулась к осмотру поселения драконов. Заметила странность — некоторые все продолжали и продолжали прилетать, судя по тому, что там восходило белое светило, то с востока. И вот драконы, большие и не очень, тащили и тащили этих несчастных туров. Пока я стояла, насчитала уже двенадцать штук.

— Запасают, — сообщил из глубины пещеры Тэхарс. — Сейчас освежают, выпотрошат, после сложат в ледник.

— Драконы запасают мясо? — искренне удивилась я.

— А то, — хмыкнул мой собеседник. — Редко когда удается отбить у орков часть стада. А сегодня вот, получилось. Там у орков этих случилось чегось ночью. Под утро уже прямо. Что-то серьезное, раз они стадо

бросили. — После чего обвинительно добавил: — И вот слетать бы, но за тобой сказано приглядеть. Вот, сижу, страдаю и от любопытства, и от похмелья.

Глянув через плечо, увидела только огромные сияющие в глубине пещеры драконьи глаза, остальное терялось во мраке, и безразлично сообщила:

— Я тебя не держу.

— Ты — нет, — подтвердил Тэхарс, — а вот слово данное Араздену крепче любой цепи.

— Ммм, — понимающе протянула я. И саркастично поинтересовалась: — Сейчас будет слезливая история о том, как когда-то в далеком прошлом наш великий и бессмертный спас вашу бесценную драконью жизнь?

— Нет! — возмущенно прорычал дракон.

— Серьезно? — не поверила я. — А откуда же тогда такая преданность кесарю?

Мне правда интересно стало. Тэхарс же, мрачно выдохнув, от чего пещера наполнилась дымом, не менее мрачно спросил:

— Аразден страшен в гневе.

Ну и собственно после этого любые вопросы были излишни.

Окончательно замерзнув, я вернулась обратно в постель, забралась под сохранившие мое тепло одеяла, устроилась полулежа и задала самый главный вопрос:

— А кесарь собственно где?

— Понятия не имею, — отозвался дракон. — Но сказал не отпускать тебя до его возвращения.

Мда.

— Отпускать куда? — скептически спросила я. — Вниз по склону босиком? Или просто в свободный полет?

Тэхарс оценил, и хмыкнув, сообщил:

— Сегодня полетят головы.

— Чьи? — мгновенно заинтересовалась я.

Не то чтобы мне не было все равно... Хотя будем откровенны — мне не все равно! Это моя империя, мои подчиненные и эллары тоже по большей части уже мои! Но дракон решил издевательски промолчать.

— Тэхарс! — я подскочила на постели. — Чьи головы?

Треклятая ящерица, которую при всем своем желании под деревцем не прикопаешь, выпустив струю дыма, изобразила сон, точнее его стадию, что-то между «сплю, крепко сплю» и «сдох, воскрешению не подлежу».

Появилось дикое желание пойти и пнуть со всей силы. Но я поступила проще — представила себе деревце подходящего размера, и наиболее удобную лопату!

— Таких лопат нет, а до деревца нужного размера не доберешься, — хмыкнул Тэхарс.

— Ты читаешь мысли? — спросила не особо удивившись, так как с его способностями уже сталкивалась.

— Только образы, направленные на меня, — усмехнулся дракон.

Оригинально, и объясняет его долгую продолжительность жизни.

— Так значит такие деревья есть? — устроившись удобнее, спросила я.

— Леса нарийских дриад, — Тэхарс приоткрыл один глаз, — я бы на твоём месте не стал туда соваться.

— И почему же? — действительно интересно стало.

— Там, — тоном уличного рассказчика начал он, — среди огромных лесов вспарывающих проплывающие облака верхушками деревьев, водятся самые прекрасные, и в то же время наиболее опаснейшие создания нашего мира — дриады.

Удивленно глядя на дракона, подумала о самом страшном. Оказалась права.

— Древесные девы.

— В смысле которые бревна? — невинно поинтересовалась я.

Хохотнув, Тэхарс продолжил:

— Разве что после смерти. При жизни же даже мы, драконы, стараемся не летать над их лесами — неизвестно из-за какого дерева прилетит стрела.

— Знаешь, складывается впечатление, что вы, драконы, в целом какие-то угнетенные создания. У орков воруете тайком, дриад опасаетесь, от нападения темных передохли практически полностью, — задумчиво ответила я.

Тэхарс поднял голову, внимательно посмотрел на меня суженными змеиными глазами, после чего выдохнул:

— Я промолчу о положении твоего народа, императрица.

Я парировала уверенным:

— Года не пройдет, как мой народ встанет с колен. А что будет с твоим?

Дракон промолчал.

— Почему вы воруете у орков? — задала я следующий вопрос.

— Делаем запасы. Сегодняшней добычи хватит на год всему крылатому народу.

— Что будет потом?

Тишина в ответ. То есть планов на будущее у драконов нет.

— Если вы зависимы от выращиваемого орками скота, почему не наладить постоянное сотрудничество?

Ответил он явно нехотя, но все же ответил:

— У орков сильные шаманы. При открытом нападении молодые драконы погибают. А старых осталось не так много, воскрешение коснулось лишь тех, кто погиб за год отсутствия Араздена.

Кивнула, принимая информацию к сведению и пояснила:

— Я не говорила о нападениях, Тэхарс, как впрочем и о войне, я сказала «наладить сотрудничество».

Глядя на меня почти с ненавистью, дракон прорычал:

— И как ты себе это представляешь, Черная звезда?

От его рычания пещера затряслась и стало дымно, но вот меня лично это не испугало ни капли — удобно все-таки быть под защитой кесаря. Столько причин для беспокойства исчезает сразу же.

Пожав плечами, спокойно ответила:

— Я себе это представляю осуществлением нормальных товарообменных отношений. У орков есть нужное вам мясо, у вас, возможно, что-то, что нужно оркам. К примеру, — скептически оглядела дракона, — быть может ваша шкура, если вы сбрасываете ее и меняете, или может быть что-то, что находится на вершинах гор и оркам до этих ресурсов не добраться, в то время как крылатому народу легко. Взаимовыгодное сотрудничество, Тэхарс, ведет к процветанию всех заинтересованных сторон, грабительские набеги — к вымиранию собственно грабителей. Учи историю.

Глядя на меня злыми прищуренными глазами, дракон спросил:

— История твоего мира учит тому, что грабительские набеги приводят к гибели крылатого народа?

— Не крылатого, а вообще всех в целом, — пояснила я. И тут же сочла необходимым добавить: — Есть, конечно, примеры успешного выживания при грабительской тактике. Это в смысле если вы, подкопив силы периодическим грабежом, в итоге нападете на орков, перебьете их, захватив тем самым себе оркские стада и начнете сами выращивать себе скот.

Вновь уместив голову на передних лапах, дракон задумался и надолго. И лишь после продолжительного молчания, произнес:

— Мой народ владеет магией. Но достигает ее к возрасту свыше тысячи лет. Из всех ныне существующих представителей моего народа,

этого возрастного рубежа достиг лишь я. Но среди орков есть шаманы, чья жизнь насчитывает ненамного меньший срок... И в отличие от нас, у них долгожителей больше.

— Взаимовыгодное сотрудничество, — с нажимом повторила я. А затем, после недолгого размышления, задумчиво предположила: — Или же сейчас вы не перебиваете весь украденный скот, а сохраняете в живом состоянии. Эдогар создаст портал, мои люди перегонят скот на подходящую территории и займутся его разведением. Полагаю, опыта в этом у них не намного меньше, чем у орков. Как видишь, мы нашли уже два варианта вполне успешного развития событий. Я бы, к слову, предложила использовать оба.

— И договариваться с орками после всего что было?! После тысяч лет вражды? Войн? Смертей? — взревел огромный, теряющийся в сумраке пещеры дракон.

Взревел так, что с потолка рухнуло несколько камней, но Тэхарс тут же прикрыл меня крылом, так что я, вполне ожидаемо, не пострадала, пострадал он и смахнув камни сидел и шипел от боли. Забавно, начинаю привыкать к своей неприкосновенности, еще немного и уверюсь в неуязвимости.

Едва дракон успокоился, наставительно произнесла:

— Не оглядывайся на прошлое, Тэхарс, думай о будущем. О будущем твоего народа. Поверь, если бы речь шла о будущем моего народа, я бы пошла на все.

Дракон хотел было ответить, но тут от порога раздалось насмешливое:

— К примеру, согласилась бы выйти замуж, да, нежная моя?

— Именно, — подтвердила я, глядя на дракона. — Но, искренне радуется, что Тэхарсу подобное не грозит.

— Естественно нет. — Произнес кесарь с издевкой добавил: — Он же не девушка.

Я обернулась ко входу, встретила взглядом ледяных, сверкающих глаз и улыбнулась. Улыбка сошла на нет, едва я увидела, что император Эррадараса использовал в качестве средства для передвижения — не портал, нет, это был огромный сверкающий золотой дракон, целиком и полностью состоящий из золотых искорок.

— Зарры?! — скорее утвердительно, чем спрашивая, произнесла я.

Кесарь отвечать и не стал, разумно рассудив, что риторические вопросы ответа не требуют. Но едва он вошел в пещеру, я поняла, что суть молчания заключалась в ином — Аразден безмерно, жутко, смертельно устал. Устал настолько, что едва мог передвигаться, но все равно шел.

Уверенной гордой поступью истинного повелителя всех доступных ему земель. Или не доступных...

Проследив за тем, как раздеваясь на ходу, кесарь прошел в глубь пещеры, где, подойдя к созданной природой чаше, начал ожесточенно омыwać лицо, шею, широкие, увитые мускулами словно канатами напряженные плечи, я поняла, что его непобедимое бессмертие столкнулся с неразрешимой задачей.

— Я был бы искренне рад хотя бы минуте свободной от твоих комментариев, — раздраженно и не оборачиваясь, произнес кесарь.

— Я была бы искренне рада отсутствию у вас способности слышать все мои комментарии, — не менее раздраженно ответила императору.

Похоже день не задался с утра.

Но это никоим образом не отразилось на моей готовности продолжить дискуссию. И пораскинув мозгами на тему — с чем же таким непобедимым мог столкнуться наш непобедимый, я вспомнила о реке, широкой магически непреодолимой полосой разделяющей этот мир на две половинки. И пожалуй, не знай я кесаря так, как его во всем этом мире пожалуй знаю только я, решила бы что созданный из смертоносных частиц дракон является ничем иным как попыткой впечатлить противников и восхитить союзников, но Араэдена я уже знала. И памятуя об императорском дворце в Праере, понимала, что впечатлять кесарь явно не планировал. Планировал преодолеть преграду.

— Эхей? — задала вопрос вслух.

Властитель Эррадараса не ответил. Пресветлый сейчас стоял, упиравшись руками в края этой образно говоря чаши, и опустив голову, кажется наблюдал за тем, как с кончиков его волос, едва ли не застывая на лету, капает вода.

— Да, — ледяным, не менее ледяным чем завывающий среди заснеженных гор ветер, голосом, подтвердил кесарь.

— Ммм, помочь? — даже не знаю, почему предложила я.

— Спасибо, справлюсь, — все так же холодно ответили мне.

Вот и чудненько, мне меньше проблем.

Но к слову о моих проблемах:

— Мой кесарь, если вы отмокли уже до нужной кондиции, я бы с радостью вернулась во дворец. — И добавила, на случай если забыл: — Дел прорва, я бы даже сказала непочатый край.

Ответом меня не удосужили.

Кесарь продолжал стоять так, словно ставил эксперимент по замерзанию воды на его собственных волосах, и такие мелочи как мои

желания интересовали его меньше всего. Что в принципе не удивительно, и даже уже вполне привычно, но от этого не менее обидно. В конце концов я уже даже не наследница, а полноправная императрица Сатарэна и абсолютно игнорирование необходимости для меня вернуться к работе, уже даже не то что обижает — бесит! У меня всего год, это смехотворно малый срок для задачи подобного масштаба, и терять время сидя в драконьей пещере я...

— Богиня моя, просто — умолкни! — вдруг прорычал кесарь.

Странное дело — пару минут назад рычал Тэхарс, да так что дым, огонь, сотрясающиеся стены, падающие камни, но в тот момент страшно не было, страшно стало сейчас. Я умолкла, кутаясь в одеяло и глядя на мускулистую кесаревскую спину с бессильной яростью, но старалась об этом не думать. Вообще ни о чем, связанном с императором, не думать.

Мысленно вернулась к разговору с Тэхарсом, ныне старательно прикидывающемся не драконом, а так, частью обстановки, и поняла, что кажется, не дала ему развить мысль на счет меня и бревен.

— Тэхарс, любезный, так, а что вы там говорили про леса нарийских дриад и невозможность вашего захоронения в указанном месте, по причине, цитирую «я бы на твоём месте не стал туда соваться»?

И едва вопрос отзвучал, поняла, что дракон не дышит. Вот до этого момента он хоть и прикидывался каменной обивкой, но дышал. А теперь из черных ноздрей не вырывалось ни облачка пара. И Тэхарс косил взглядом... не на меня. На кесаря. Кесаря, который медленно, угрожающе медленно повернул голову и посмотрел на заметно сереющего дракона. Кажется, про нарийские леса мне знать не полагалось...

— Тэхарса не убивать! — решительно потребовала я.

Дракон метнул на меня испуганный взгляд, кесарь даже не пошевелился, продолжая убийственно взирать на несчастного главу крылатого племени. И я откровенно занервничала.

— Мой кесарь, Тэхарс мой телохранитель, соответственно работает на меня, вы обещали интересоваться моим мнением в случае возникновения у вас очередного ближнеубийственного желания моих сотрудников. Доношу до вашего сведения свое категоричное «нет»!

Меня игнорировали. Дракон серел, практически сливаясь с камнем, кесарь, кажется, вымещал на нем всю свою ярость от провала, что вообще было зверской несправедливостью!

— Справедливость и животные — несовместимые понятия, нежная моя, — вдруг произнес кесарь.

И резко повернулся ко мне.

Серееющий дракон начал стремительно возвращать темно-коричневый окрас чешуи, что откровенно порадовало.

И тут пресветлый великий Араэден взбешенно прошипел:

— Потрясающее непостоянство, нежная моя!

— Это вы сейчас о чем? — невозмутимо поинтересовалась, старательно посылая Тэхарсу мысленные предложения свалить отсюда, пока у некоторых не пройдет очередной приступ убийственных намерений. Просто мне не хотелось, совершенно не хотелось лицезреть сгорание дракона заживо, хватало всех тех айсиров, которых кесарь уже сжег на моих глазах.

Замерла, заметив взгляд, которым в данный момент его бессмертие испепелял меня, нервно улыбнулась и вернувшись к его словам, заметила:

— Да я вообще в целом весьма потрясающая личность, мой кесарь. — и не выдержав, сорвалась: — Тэхарс, вы невероятно невосприимчивы к моим мыслеобразам, так что скажу прямо — вон отсюда!

Дракон темной опрометью бросился к выходу и спустя краткий миг его стремительного полета к горизонту, мы с кесарем остались одни. А впрочем о чем это я — не одни, нет. Остались я, кесарь и его ярость по поводу временного поражения.

Неожиданно губы кесаря дрогнули, и Араэден совершенно спокойным тоном поинтересовался:

— Временного?

— А вы в себе сомневаетесь? — удивленно спросила я.

И удивление было совершенно искренним.

— Нет, — холодно ответил император.

— Вот и я в вас совершенно не сомневаюсь, — печально сообщила ему.

Печаль была тоже совершенно искренней. Говоря откровенно — хотелось бы усомниться, да не приходится. В смысле поводов не было, нет, и, боюсь, не предвидится.

— Какая вера в меня, нежная моя, я поражен, — саркастично произнес император.

После чего вновь, развернувшись к уже использованной вдоль и поперек чаше, начал было умываться... ровно вот до того момента, как я про чашу подумала.

— Я не использовал ее вдоль и поперек! — с яростью прорычал кесарь.

И я начала старательно думать о красоте этих крайне странных на всю вершину и снег, ее покрывающий гор, о зеленоватом оттенке неба, о...

звездах. А почему я вдруг подумала о звездах?

— Кари, — позвал вдруг кесарь, отвлекая от мыслей о звездах, чтобы сообщить вконец печальные известия: — Я расширил границы моего восприятия твоего сознания на весь Эррадарас.

Едва не сверзлась с кровати. Видимо от радости.

— Ты так забавно злишься, нежная моя, — продолжил император.

И что бы это значило?!

— То, что ты злишься? — насмешливо переспросил кесарь.

— Расширение границ вашего контроля надо мной! — не поддалась я на подначку.

Меня... в очередной раз проигнорировали. Кесарь вновь принялся плескаться во вдоль и поперек пользованной воде... В ожидании посмотрела на императора, но мне ответили насмешливым:

— Я тоже поддаваться не намерен.

«А жаль», — раздраженно подумала я.

Продолжая издевательски молчать, властитель Эррадараса доплескался, после создал полотенце, тщательно его использовал, насмешливо поглядывая на меня при этом.

— Слово «использовать» звучит пугающе часто, — пояснил он мне причину своей насмешки.

— Оно вообще не звучит! — раздраженно ответила я.

— Логично, — проявил неожиданное согласие кесарь.

После чего прошел к постели, и я уже почти смирилась с тем, что нашей общей, по причине чего была несколько недовольна тем, что мою собственность таскают по всяческим пещерам совершенно без объяснения причин!

— Недовольная моя, причина слишком очевидна, чтобы я брал на себя труд ее озвучивать.

Всегда в глубине души знала, что он ленивый, но, чтобы настолько?! Хотя, чему удивляться после всего, что я видела в Праере.

— Ты невыносима, — от чего-то заметно сдерживая улыбку, произнес кесарь.

После чего лег в изножье кровати, повернувшись на бок и продолжая вытирать руки, выразительно посмотрел на меня. Я на него, обратив внимание на то, что на полотенце появляются, а затем практически сразу исчезают кровавые отпечатки. Присмотрелась к ладони кесаря и поняла откуда кровь.

— Это не стоит твоего внимания, кровотечение сейчас остановится, — учтиво сообщили мне. После чего император поинтересовался: — О

причине догадалась?

Откинувшись на подушки, поправила одеяло, максимально укутываясь, и проанализировала события вчерашнего дня. Итак, что у нас вчера было:

1. Обозвала этот мир — плюс во всем, включая последствия.
 2. Испытывала на себе одновременно два весьма сомнительных удовольствия: поцелуи кесаря и атаку темных — минус, но без последствий.
 3. В моей команде появился Адрас — несомненный плюс.
 4. Начала разбирательства с лордом Ларвейном, конкретно с ним мы и разобрались, с самим Лунным дворцом разбираться еще предстоит — плюс.
 5. Основала первый из свободных человеческих городов — плюс, жду последствий.
 6. Удалось провести успешные переговоры с гномами — плюс, так же в ожидании внушительных перспектив.
 7. Не удалось договориться с Акьяром — минус, но без последствий.
- Нежная моя, а ты в этом уверена? — снисходительно поинтересовался властитель Эррадараса.

— Не сомневаюсь даже, вы сами сказали, что все последствия возьмете на себя, соответственно лично для меня да, без последствий, — гордо ответила я.

А вот мысли в отличие от произнесенных слов были иными. Совершенно иными. Акьяр принц Ночного Ужаса грозный противник, слишком грозный, чтобы оставлять его в живых теперь, когда стало ясно, что союзником он не станет. Впрочем, вспомнив его вчерашнее послание, поняла, что... точно не станет. Я так поняла из темных самые нормальные это Адрас и Юранкар, остальные на всю голову странные, безмерно жестокие и да — имеют виды на гномских женщин.

— Извращенцы, — посмеиваясь, произнес кесарь.

— И не говорите, — вставила я.

— Я и не говорил, лишь резюмировал твои выводы, но...

Взгляд его серо-призрачных глаз заметно стал темнее, и кесарь произнес:

— Нежная моя, из всех моих... «братьев», — он выделил это слово интонацией, — Акьяр единственный кто, поставив цель, начинает фанатично ее добиваться. Не видя преград, не учитывая последствий, не замечая никого и ничего вокруг.

Да, я это поняла, причем практически сразу. Поэтому и готова была

практически на все, лишь бы перетянуть принца Ночного ужаса на нашу сторону. И будем откровенны — я понятия не имею, в чем был мой просчет. Акъяр принял вызов, явился во дворец кесаря, бросая уже собственный вызов и не мне, мы вполне мило беседовали... что пошло не так?! Где я ошиблась? Кесарь был прав, предупреждая об опасности игр с чувствами темных. Впрочем, чувства в целом никогда не были моей сильной стороной, мне в целом не следовало в это лезть. Вот только вариантов особо не было — так уж созданы мужчины, что их привязанность к семье можно уничтожить только одним способом — привязанностью к женщине. Что ж, по крайней мере я попыталась. А жизнь такая штука, что лучше сожалеть о содеянном, чем о том, что не успел сделать.

— Все так, — продолжая вытирать сочащуюся из-под его ногтей кровь, подтвердил кесарь. — И в чем-то твой просчет оказался верен — Акъяр со скандалом ушел из семьи, утратив всяческий интерес к устремлениям правящего рода и в целом к Тэнетру. Он вышел из этой весьма, до вчерашней ночи, увлекательной игры. А знаешь почему, нежная моя?

Помня все сказанное о принце Ночного Ужаса, предположила:

— У него появилась цель?

— Именно, — подтвердил кесарь, пристально глядя на меня.

Выразительно и с намеком.

— Нет... — прошептала, отказываясь верить в догадку. — Нет-нет-нет, только фанатичного темного мне сейчас и не хватало!

Тысячадохлых гоблинов и непрерывный Народный суд, это провал! Просто полный и абсолютный провал! И что мне делать?!

Я вскочила с постели, содрогнулась от продувшего казалось до костей ледяного ветра, вернулась, закутавшись в одеяло, села. У меня была паника. Просто паника! При этом никакого страха — за себя я не боялась совершенно, уже привыкнув к постоянной защите кесаря и чувству собственной неуязвимости в следствие этого, но, о, Великий Белый дух, борьба с Акъяром и усиление моей безопасности, во-первых, сожрет массу жизненно необходимого мне времени, а, во-вторых, жестко ограничит в передвижениях. Потому что Акъяр на «А», а значит противостоять ему в случае несомненных нападений смогут только Адрас и кесарь. Но вот на Адраса я бы сейчас рассчитывать не стала, Акъяр несомненно знает обо всех сильных и слабых сторонах брата и просчитает его на раз!

Дохлый гоблин!

— Да, в ситуации ты разобралась мгновенно, нежная моя, — кесарь

осмотрел пальцы, кровотечение на которых действительно прекратилось, перевел взгляд на меня и сообщил: — Но, как и всегда, упустила важный, и во многом фактически решающий нюанс. Впрочем, в этом вся ты.

Он поднялся, прошел к выходу из пещеры и встал там, продуваемый ледяным ветром, и казалось совершенно этого не замечающий.

А я ждала приговора.

И он последовал.

— Из дворца без меня ни шагу. В те редкие моменты, когда я буду действительно занят, ты будешь находиться здесь, либо в одном из семи убежищ, к строительству которых я уже приступил.

Это конец. Это просто конец.

— Я предупреждал, нежная моя, — обернувшись и глядя на меня, напомнил император. — В любом случае ничего фатального не произойдет, это я тебе гарантирую.

— Ничего фатального?! — сорвалась на фальцет.

И я бы еще сорвалась на что-либо, но под ледяным взглядом кесаря погиб не один душевный порыв, мой постигла та же участь.

— Ладно, — нервно выдохнула, — и сколько времени вам потребуется на то, чтобы убить Акьяра?

Кесарь не ответил.

Несколько секунд ветер продолжал развеивать его покрывшиеся на кончиках льдом пряди, овеивать тело императора изморозью, припорошивать сорванными видимо с ближайшей снежной вершины снежинками, которые скользили по смуглой для элларов коже, не касаясь ее... Но одно движение владыки Эррадараса и снег завьюжил вихрем вокруг него, а на теле пресветлого словно из самого этого снега соткалась белоснежная рубашка, темно-серые мятые брюки сменились алебастрово-белыми, сапоги остались все того-же гранитного цвета, серый, сверкающий камзол довершил образ.

В следующее мгновение пещера истаяла, обративший нашей, уже, к гоблинам, общей спальней, в центре которой на этот раз журчал фонтан, а у окна был сервированный к завтраку стол.

— Я жду тебя, нежная моя, — произнес кесарь, направившись к нему.

Медленно поднявшись с кровати, я, все еще зябко поеживаясь после ледяной пещеры, направилась ванную, размышляя о необходимости размещения кладки прямо в постели. Как минимум стоит спрятать под матрасом несколько книг, желательно из тех что являются образовательным минимумом в Эррадарасе. В таком случае, по крайней мере, скучать не придется. С другой стороны мне в любом случае скучно не будет, в

крайнем случае слетаю с Тэхарсом договариваться с орками, думаю договоримся.

После теплой ванной я завернулась в банный халат и отправилась было завтракать, когда в дверь осторожно постучали.

Кесарь, попивающий воду за столом, мгновенно поднялся и направился к двери, молча указав мне на столик. Причем дверь он не просто открыл, подойдя к ней, он вовсе скрылся за ней, прикрыв за собой.

Не то, чтобы меня расстроила перспектива завтракать в одиночестве, но мне же потом как-то полагается одеваться. И в отличие от одежды Рассветного мира в этом самостоятельное облачение представлялось мне смутно.

Завтрак был традиционным — кубики сыра белого, зеленоватого, синеватого цвета, варианты джема самых забавных расцветок, кусочки рыбы, судя по виду сырой, белые, абсолютно белые словно вареные булочки.

Я развлекала себя тем, что пробовала каждый сыр, беря маленький квадратик и макая его в очередной джем. Выходило странно, и безвкусно... есть не хотелось совершенно. Хотелось встать и заорать изо всех сил, пнуть что-либо, закрыться в ванной комнате и бить, бить, бить стену изо всех сил...

Отчаяние, в десятки, сотни, тысячи раз более жуткое, чем в момент, когда я оказалась за пологом Готмира, просто душила.

Но я справлюсь. Должна. Так что без вариантов! И без истерик. Вперед и только вперед. Не оглядываясь, не сомневаясь, не отчаиваясь.

Открывшаяся дверь вернула кесаря. Тот, пройдя через спальню, сел напротив меня, окинул взглядом горку надкушенных сырных кусочков в разноцветном желе, посмотрел на меня, усмехнулся, укоризненно покачав головой, и произнес:

— Гармония, нежная моя, во всем нужна гармония.

Он взял кусочек черного тонкого хлеба, расположил на нем кусочек сырой рыбы, полил все это темно-вишневым соусом, и подал мне. Не став возражать, попробовала, кивнула, полностью удовлетворившись вкусом, и прожевав, спросила:

— Что вы намерены делать далее?

— Собрал военный совет, — задумчиво ответил император, создавая бутерброд, подобный тому который сделал для меня. — Поэтому до середины дня ты можешь передвигаться по дворцу совершенно свободно, в императорской канцелярии тебя уже ожидают. Понимаю, что ты привыкла иметь возможность управления на местах, но до решения возникшей

проблемы это не представляется возможным.

Далее завтрак протекал в полном молчании. Кесарь ел быстро, явно торопясь, мне следовало бы поторопиться тоже, но я все не знала, как бы сформулировать вопрос... к счастью не пришлось.

— Просто скажи «рабыни», — несколько раздраженно произнес Аразден.

— Рабыни! — громко сказала я.

Тот час же открылась дверь и совершенно бесшумно явилось человек пятьдесят.

Молча посмотрела на кесаря. Тот, невозмутимо сообщил:

— Пятьдесят пять рабынь.

Вновь переведя взгляд на девушек, исключительно из вредности пересчитала — сорок девять. Сорок девять запуганных, бледных, местами, в смысле ладонями подрагивающих.

— Так, я не поняла, — произнесла пересчитывая повторно, — почему недобор? Где еще шестеро?

Рабыни дрогнули.

Я же вдруг вспомнила сказанное Тэхарсом «Полетят головы», и медленно, очень медленно повернулась к кесарю. Его императорское владычество продолжал совершенно невозмутимо завтракать, совершенно и полностью игнорируя мой взгляд. Я продолжала смотреть. Он молчал. Я понимала, что предъявляю сейчас претензии к тому, кто не принимал их на свой счет в принципе, считая себя истиной в последней инстанции, и все же...

— И все же, нежная моя, — вдруг посмотрел мне в глаза, на оитлонском произнес кесарь, — двое суток назад я пощадил Эдогара, сегодня Тэхарса.

Сложив руки на груди, так же на языке, который был языком моей души, иначе не скажешь, холодно спросила:

— И все же... сколько можно?

Кесарь медленно поднялся, швырнув салфетку на пол, вспышка портала и ледяное:

— Доброго дня, нежная моя.

Увы, день определенно не задался.

— Платье и вино, — приказала я.

Рабыни метнулись исполнять приказание.

Первый бокал я выпила сидя все так же за столиком, и крохотной серебрянной ложечкой доедая зеленоватое желе с мятным привкусом.

Второй уже в гардеробной, отметив что ткань второго, стягивающего платья, сегодня даже приятнее на ощупь и по восприятию, чем вчера. Затем последовало третье платье. После мои волосы расчесали и тщательно заплели.

А на третьем бокале в гардеробную, где уже приступили к обуванию императрицы, то есть меня, заявила свекровь.

Пресветлая Элиситорес вплыла белой лебедицей, остановилась в шаге от входа, оглядела меня с восхищением, рабынь с пренебрежением, бокал вина в моей руке с недоумением, собственно меня после всего этого с осуждением, и тогда я гордо подтвердила:

— Спиваюсь!

Возмущенная пресветлая возмущенно набрала воздуха, видимо, чтобы облечь собственное возмущение в словесную форму и... и определенно начала отсчитывать. Я ради интереса посчитала тоже — дошла до тридцати семи, когда пресветлая, наконец, произнесла:

— Но разве полагается пить той, кто несет дитя во чреве?!

Я подавилась! Закашлялась, и дабы облегчить свое состояние и факт испачкавшегося третьего платья, одним махом допила все вино до конца. Элиситорес... считала. Пока она отсчитывала про себя, пытаясь придать нашей беседе светский оттенок, мне сменили третье платье, и покров на голове, прежний я в приступе неудержимого кашля умудрилась так же облить вином. После чего я потребовала еще вина. В приказной и ультимативной форме, сообщив что, либо я получаю вино, либо я получаю вино. Впечатлившись возможностью дарованного им выбора, мне тот час же принесли требуемое, и даже в новом бокале.

Пресветлая перестала считать, гневно посмотрела на меня и гневно начала было:

— Звезда моя, вино — яд, позволенный лишь мужчинам, а ты...

— Примерно тоже самое, только в юбке, — устало сказала я. Потом, взглянула на себя и поспешила исправиться: — В смысле в первом платье, втором платье, третьем платье, куске тряпки на голове и ободком, сей кусь тряпки придерживающем. И на этом, полагаю, дискуссия окончена, потому что к тому моменту, как вы перестанете про себя отсчитывать секунды, положенные в свете для продолжения светской же беседы, я успею дойти до императорской канцелярии. Сиятельного дня, пресветлая.

С этим, изобразив полупоклон, я направилась к двери, одной рукой придерживая юбку, второй крепко удерживая бокал с вином.

Но едва, обойдя по дуге свекровь, я вышла в спальню, чтобы далее проследовать в коридор, меня остановил окрик решившей прекратить соблюдение этикета Элисситорес:

— Звезда моя, мне необходим твой совет.

И я остановилась. Медленно повернулась к матери кесаря, и вопросительно посмотрела на нее, ожидая продолжения. Пресветлая догнала меня, остановилась в шаге и понизив голос, произнесла:

— Пресветлая императрица, известно ли вам, что ваш супруг с момента возвращения не посещает императорский гарем?!

Сказано это было с такой интонацией, что звучало как: «Мой маленький мальчик вторую неделю нигоблина не жрет, отощал вконец, на ладан дышит». Но в общем и целом проблемой я лично не впечатлилась. Однако, судя по выражению лица Элисситорес происходило что-то даже не то чтобы из ряда вон выходящее, а вконец фатальное и близкое к концу света.

— Ммм, — глубокомысленно протянула я, делая еще глоток вина и чувствуя, как медленно, но верно, расслабляется моя глубокомысленность.

Сочтя этот звук высочайшей степенью выражения сочувствия, Элисситорес продолжила, срываясь на фальцет, прямо как я недавно:

— Это трагедия, звезда моя! Мой сын всегда отличался исключительным темпераментом!

Да ему триста лет в прошлом году стукнуло, всеми королевствами отмечали, собственно наплевав на летописи, гласящие что никакие не триста, а все триста двадцать семь, однако не суть — главное что кесарю явно не до темперамента уже.

Но вслух выдала все то же:

— Мм.

И снова была неверно понята, в смысле пресветлая продолжала искренне верить, что нашла в моем лице благодарного слушателя.

— Я предположила, — понизив голос почти до шепота, начала она, — что дело в его заточении в вашем мире, и изменившихся вкусах. Но накануне он даже не взглянул на человеческих наложниц!

Патетика, фальцет, страдание в глазах, и даже заблестевшие во все те же глазах слезы.

— Звезда моя, я понимаю, что мой великий сын... — она не стала договаривать, и сразу выдала: — Забота о мужском благополучии прямая обязанность супруги, Кари, ты должна мне помочь!

На этом благостное расположение расслабленного духа, дарованное хмельным напитком богов, дало сбой, и я нервно спросила:

— Простите, озаренная светом, помочь конкретно в чем?

И я была снова не понята. Вопрос, причем прямой же вопрос, был воспринят как мое абсолютное и бесповоротное согласие, после чего пресветлая, выпрямив спину, хотя на мой взгляд прямее было уже некуда, развернулась и поспешила прочь, пребывая в святой уверенности, что я последую за ней. Я... последовала. Из любопытства. И потому что захмелела уже на столько, что сильно тянуло на Динар... в смысле на приключения.

И они начались!

Приключения эти.

Они начались прямо в коридоре, когда я узрела не один, а целых два ряда охраны по стенам. И когда моя доблестная охрана вдруг скомандовав «Стоять» истыкала копьями пустое пространство вокруг меня и Элисситорес. Истыканное пространство обиженно промолчало, пресветлая испытание выдержала с присущим ей достоинством, а я не удержалась от замечания:

— Паранойя — заразная ты сволочь.

После чего пошла вслед за свекровью, по коридору воздух в котором продолжали протыкать насквозь впереди и позади нас. Да, будь Акъяр здесь истыкали бы его, несомненно, и если бы мухи летали им бы тоже было несдобровать, а так в целом смотрелось до крайности тупо.

С другой стороны, определенный смысл в этих действиях был: во-первых, все двигались, то есть если бы кто-то из стражей замер как вчера это было бы заметно, во-вторых, никакие чары невидимости не помогут, если в тебя одновременно с десятков копий воткнут, в-третьих, все равно глупо. Действенно, конечно, но глупо.

По продырявленному копьями пространству мы прошли в конец галереи, что было не далеко от нашей с кесарем спальни, всего каких-то шагов триста, после чего стражи распахнули переливающиеся серебром и поэтому отдаленно напоминающие зеркальные струи дождя двери. И мы попали в помещение, где охранниками выступали уже люди. В смысле мужчины. поголовно лысые абсолютно, без волоска на теле, эти одетые в прикрывающую внушительную мускулатуру кожаную сбрую индивиды разом опустили на колено при нашем появлении.

— Евнухи? — поинтересовалась я, в принципе сталкивающаяся с устройством либерийских гаремов.

Но то ли слово не верно перевела, то ли тема была запрещенная, в любом случае пресветлая не ответила и поспешила далее, в проход, двери к которому рабы уже услужливо распахнули. Я же подзадержалась, просто

очень заинтересовали эти человеческие индивиды. Совершенно лысые, они между тем были украшены неприметными с первого взгляда золотистыми кольцами. Кольца пронизывали их уши, основание носа, брови, у некоторых места на лице не хватало, и потому колечки были нанизаны уже на кожу рук, плеч, груди.

— Что это? — спросила я у ближайшего.

Раб дрогнул и стремительно опустился на колени. В смысле до этого стоял на одном, теперь устроился на обоих. Я полагала, он заговорит, после данного акта более удобного расположения, но нет, раб молчал.

— Это свидетельства его побед, пресветлая благословленная светом императрица, — вдруг раздался приятный женский голос.

Я повернула голову на звук и увидела самую красивую девушку из всех, что мне когда-либо доводилось видеть.

Лорианне до подобной красоты было, как ползком через Готмир, а, впрочем, нет — гораздо дальше. Девушка казалась идеальной. Прекрасная белая кожа, безукоризненной формы тело, точеные ножки, водопад сверкающих золотых волос, и лицо, на которое хотелось смотреть и смотреть. И сложно было сказать кто передо мной — человек или эллара. Для человеческой девушки она была слишком идеальна, для эллары — обладала излишне округлыми формами. Впрочем, я не так много видела девушек светлого народа, чтобы судить, так что вполне вероятно, что ошиблась. А вот что могла утверждать совершенно безошибочно — это была любовница кесаря. Вероятно, бывшая, если учесть стенания Элисситорес, но совершенно точно являющаяся ею достаточно продолжительное время. Просто у кесаря волей не волей перенимаешь этот замедленный поворот головы, эту уверенную властность, эту готовность сражаться за поставленную цель. У данной девочки цель была. Определенно.

Для людей моего положения подобное всегда предельно очевидно.

И целью самого прекрасного из когда-либо виденных мной существ являлось возвращение в постель императора... Прискорбно, конечно. Достаточно умная, чтобы не встречаться с матерью кесаря, достаточно смелая, чтобы свободно заговорить со мной, не взирая на явно имеющийся запрет (не зря же рабы молчат), предельно осторожная — она стояла возле глухой ниши, бросая на меня внимательные взгляды из-под опущенных ресниц, и готовая в любой момент скрыться в ней вновь. Значит просчитала, что Элисситорес направится за мной и выжидала здесь все это время. Умненькая девочка, и красивая же до безумия. Могла бы уйти из дворца, учитывая, что кесарь интерес к ней потерял, он бы не преследовал,

он вообще легко отпускал женщин, еще и одаривал напоследок, причем весьма щедро. А дальше такой красавице устроиться в жизни было бы не сложно... Но нет. Глупо. Весьма и весьма глупо.

— И как долго вы были его любовницей? — сделав глоток вина, прямо спросила я.

Полуодетая прелестница стремительно побледнев, напряженно ответила:

— Два.

— Года? — уточнила я.

— Месяца, — сникла она.

И что тут сказать?! Сказать было нечего, посему я просто спросила:

— От меня чего желаете?

Далее последовал не самый умный шаг — девушка рухнула на колени, заломила руки и собиралась устроить целое представление, правда шепотом, видимо, чтобы Элисситорес не увидела, но я пресекла это дело в зародыше, сообщив:

— Или вы поднимаетесь, или я прекращаю попытку вас выслушать.

Она не поднялась — подскочила. И сильно удивила меня промелькнувшим в прекрасных голубых глазах гневом.

— Откуда вы? — поинтересовалась, вновь делая глоток вина. — Рабыня?

Девушка, едва ли старше меня, а возможно ровесница, вскинув подбородок, гордо ответила:

— Я из свободных. Я пришла за ним сама, по своей воле! По собственной воле я здесь! Я... просто хочу увидеть его еще раз. Еще хотя бы один раз... молю вас, я...

В этот момент как-то совершенно неожиданно вернулась Элисситорес, постояла (да, снова отсчитывая про себя) и произнесла:

— Звезда моя!

После чего направила гневный взгляд на прекраснейшее создание, которое, будучи охваченное эмоциональным порывом, не успело укрыться от ее зоркого взгляда. А взгляд у моей свекрови оказался более чем зорким — за долю секунды она оглядела всех коленопреклоненных рабов так, что сходу стало ясно им все это с рук не сойдет — сойдет ударами кнутов со спины, с парочкой слоев кожи заодно, затем пресветлая глянула на девушку. И в этом взгляде читалась смерть. Просто смерть. Исключительно смерть.

— Как она вам? — решила я вмешаться. — Миленькая, правда?

Свекровь взглянула на меня с некоторым недоумением.

— Думаю взять к себе в услужение, — продолжила я, невинно

улыбаясь, — такая хорошенькая, смотреть приятно, правда?

Не знаю, как тут со вкусами у пресветлых леди, но судя по тому, как скривилась Элисситорес, эту конкретную девушку красивой она не считала. Но и открыто спорить со мной поостереглась.

— Звезда моя, — осторожно начала было пресветлая.

— Не обсуждается, — моя улыбка стала шире и лучезарнее.

И мы друг друга поняли мгновенно.

— Как пожелаешь, звезда моя, — пролепетала Элисситорес.

— Спасибо, пресветлая матушка, — в тон ей ответила я.

Нам обеим понравилось. Мне ее покладистость, ей мое обращение.

Далее мы прошли в гарем и мне понравился ассортимент. Ассортимент был широк, внушителен и наделен многочисленными достоинствами. Для лучшего лицезрения всего масштаба имеющегося ассортимента, прелестницы, и виденная мной в предбаннике гарема девушка внешне уступала тут поголовно практически всем, выстроились в ряд. Такой изысканный, одетый лишь в драгоценности, откровенно смущающий меня обнаженными телами ряд.

Прикрыв «ассортимент» бокалом вина, дабы избавить себя от лицезрения выставленных на показ всех частей тела, я сдержанно спросила у пресветлой:

— Простите, озаренная сиянием, не могли бы вы поточнее сообщить, в чем конкретно я должна оказать вам посильную помощь?

Взглянув на меня, как на самое недогадливое существо в мире, Элисситорес с легкой ноткой раздражения ответила:

— Указать на тех, кто имеет шансы привлечь внимание моего сына, звезда моя.

Мда...

Я постояла, глядя на вино и не глядя на голых девушек, потому что не знаю, как им за себя, а вот мне за них было стыдно.

— Звезда моя, тебя что-то смущает?

Голые женщины!

Но вслух любезно-учтиво-лживое:

— Эти украшения, совершеннейшая безвкусица.

— О! — воскликнула пресветлая. И тут же с энтузиазмом предложила:
— Приказать снять их?

Только не это! И я уже собиралась было намекнуть Элисситорес, что была бы рада увидеть девушек в чем-нибудь более существенном, чем украшения, но не успела.

В следующее мгновение распахнулась дверь, являя на пороге обители

разврата собственно то, ради чего в этой задрапированной обители разврат и ставился во главу угла. Но почему-то с появлением главного действующего лица вместо разврата здесь воцарился страх, причем жуткий, и все прелестницы разом рухнули на пол, еще и согнулись, так что прикрыли все смущающее меня, позволив окинуть взглядом предбанник гарема... И тут я поняла странное — здесь были зеркала. Здесь повсюду были зеркала. Множество зеркал во всю стену, в которых должны были отражаться эти прелестницы. Много, много зеркал... Ныне задрапированных тканью.

— Во дворце траур? — поинтересовалась, игнорируя появившегося кесаря и, будем откровенны, не совсем трезвой походкой, направившись к ближайшему зеркалу.

Чтобы вздрогнуть, едва оно вдруг взорвалось тысячей осколков, изодрав прикрывающую его ткань, и не коснувшись меня ни единым осколком. Наверное, следовало остановиться, но я, движимая каким-то странным чувством, медленно направилась к следующему — оно взорвалось сверкающей россыпью, как и первое. Та же участь постигла третье, четвертое, пятое, шестое, седьмое, восьмое, девятое зеркала... А я, совершив круг, вновь вернулась к двери, подошла к императору и почему-то спросила:

— Вина, мой кесарь?

Он молча, глядя мне в глаза, отобрал у меня бокал, и тот исчез, словно его и не было.

В затем меня вдруг накрыло странное ощущение, словно здесь никого больше не было, только я и кесарь. Я и он. И ничего между нами, включая едва ли не подрагивающий от напряжения воздух, этот мир, мой мир, звезды... вообще ничего. Я и он... жуткое ощущение. И жуткое осознание.

— Зеркала закрыты из-за меня? — спросила вслух, хотя прекрасно понимала, что задай я этот вопрос мысленно, была бы услышана.

Но я спросила вслух, на их, светлом языке, и краем зрения отмечая, как вздрогнула Элисситорес, невольно подтвердив мое предположение.

— Что ж, — я стоически перенесла и это, — надеюсь, хотя бы родной... в смысле не родной отец узнает меня при встрече.

— Едва ли, — разрушил остатки моей надежды великий и бессмертный.

Я встретила очередной удар судьбы даже не пошатнувшись. Есть вещи, о которых внутренне догадываешься, просто стараешься не думать... Вот и я старалась не думать, почему еще в Рассветном мире моя кожа стала бледнее на порядок... И почему тот же Юранкар не признал во мне

человека до тех пор, пока я не сняла покров с головы...

— Так, — медленно произнесла я, — сегодня будет скандал.

— Сегодня я занят, нежная моя, — мгновенно ответил кесарь.

Неодетые девушки заметно оживились, даже перестали смотреть исключительно в пол и подняли осторожные взгляды на нас. Элисситорес же начала зорко высматривать, на кого падет взгляд кесаря. Взгляд упорно держался на мне, к нашему общему искреннему сожалению.

— И чем же вы будете заняты, позвольте поинтересоваться? — собственно поинтересовалась я.

Кесарь смотрел на меня совершенно без улыбки, холодно и даже несколько зло. Я в упор на него.

— Ты пьяна, нежная моя, — тихо произнес он.

Безразлично пожала плечами, и развернувшись, направилась к выходу. Впрочем, дойдя до дверей, развернулась и произнесла на языке элларов:

— Пришлите ко мне вашего секретаря.

— Зачем? — холодно спросил император.

— Внесу в ваше сегодняшнее расписание мою истерику, ваше императорское величество.

Ледяной взгляд в ответ.

— А вы полагали, что двадцати однолетняя девушка, пусть даже это и я, безразлично воспримет изменения в собственной внешности? — возмущенно спросила, повысив голос. И завершила уже совершенно спокойно: — Истерика неизбежна. Но так как в данный момент мне есть чем заняться, мы перенесем ее на время ужина. И мне совершенно плевать — заняты вы сегодня или нет. Ко всему прочему я планирую как минимум три скандала. Для первых двух повод уже имеется, для третьего — найду. Жду вашего секретаря. Доброго дня, мой кесарь. Пресветлая матушка, полагаю теперь, когда ваш сын имеет возможность лицезреть весь представленный ассортимент, я вам уже не требуюсь.

Высказав все это, я вышла преддверье разврата, в котором рабов мужского пола уже не наблюдалась, взглянула на ожидавшую меня блондинку и приказала:

— За мной.

И несмотря на то, что ее мечта, цель и идея фикс находилась сейчас совсем рядом, девушка поспешила ко мне, с опасением поглядывая на двери в гарем, которые захлопнулись, едва я вышла. Что, впрочем, не удивительно — кесарь всегда считал, что разврат и я вещи несовместимые, даже срамную книгу отобрал в свое время. Так что да, я совершенно не удивилась.

Удивление вызвало иное — мы с моей новой знакомой едва ли шагов на сто отошли от входа в гарем, как оттуда, распахнув двери, выскочила Элисситорес и едва сдерживая слезы, опрометью бросилась в сторону витой лестницы, что для леди даже в моем понимании было не слишком приемлемо, а стражники так вообще потрясенно застыли. Но оружие не выронили, молодцы, хвалю.

А вот затем случилось страшное.

Отдаленный вскрик и алые брызги, окрасившие противоположную от дверей стену, трех застывших стражей и пол... Я даже не вскрикнула, в отличие от сжавшейся возле меня девушки. И не содрогнулась в отличие от стражей. Я просто поняла, что терпеть далее не намерена!

— Отправляйся в мои покои, скажи рабыням чтобы нормально одели тебя, — приказала блондинке.

И уже собиралась пойти... убить кесаря к примеру, как девушка, вдруг рухнув на колени, схватила меня за полу платья и торопливо зашептала:

— Нет, нет пожалуйста, пресветлая императрица, есть лишь одно преступление, за которое он не щадит никого, не...

Договорить она не успела — в галерею вышел кесарь.

Высокий, выше всех присутствующих стражей в доспехах, неотвратно надвигающийся на меня, словно ледяная глыба... Хотя, о чем это я? Да любой айсберг по сравнению с кесарем просто образец теплоты, обаяния и нежности!

— Твое красноречие поражает, нежная моя, — продолжая идти ко мне, насмешливо произнес кесарь.

Он улыбался. Ласково. Убийственно ласково. А в его глазах за вечными льдами бушевало ледяное пламя ярости. Кесарь был взбешен. Взбешен настолько, что с его приближением, по стенам галереи поползли черные трещины, заставившие в ужасе застыть стражников. Впрочем, они и так не дышали с момента появления императора. И у меня в целом складывалось ощущение, что в Эррадарасе в принципе дышать перестали с появлением кесаря!

Все, кроме меня.

Потому что лично я, внезапно поняла, что несмотря на пугающее приближение супруга, едва сдерживаюсь от вполне обоснованной злости. И я не знаю, что это, вино, или мое терпение истощилось окончательно, но не дожидаясь приближения кесаря, в данный момент являвшегося олицетворением самой смерти, я в разгневанно произнесла:

— Да сколько, к демонам, можно всех убивать направо и налево?!

В гнетущей тишине мой голос разлетелся словно крик, но это не

остановило ни меня, ни продолжающего идти ко мне императора.

— Вы! — вот теперь это был почти крик. — Вы монстр! И внешне, и внутренне, и морально и вообще абсолютно и полностью! Для вас чужая жизнь — пыль под ногами, вы ее даже не замечаете! Вы... вы готовы убивать на право и на лево без жалости и сожаления! Вы...

Кесарь медленно подошел ко мне, так близко, что, тяжело дыша я невольно касалась вздымающейся грудью его тела, так же медленно наклонился, пальцем подцепив за подбородок, вынудив практически запрокинуть голову и издевательски поинтересовался, глядя мне в глаза:

— А много ли сожаления испытала ты, нежная моя, глядя вчера на останки лорда Ларвейна?

По спине прошелся холод.

А потом такой жар, и это был уже не гнев, меня охватила ярость.

— Смерть лорда Лунного дворца была необходима и неизбежна. Он стоял на пути развития Сатарэна, я отдала приказ убрать его с пути! Это было исключительно политическое решение, и у этого убийства были объективные обоснованные причины!

Кесарь улыбнулся, и склонившись почти к самым моим губам, тихо произнёс:

— А почему ты решила, что я убиваю без причины?

Он задал вопрос на оитлонском, и мое сердце на миг дрогнуло, впитывая слова родного языка как тепло солнечного луча, но я подавила этот отклик железным усилием воли, и тихо ответила, исключительно на языке пресветлых:

— Потому что с самого моего детства, я знаю вас как безжалостного убийцу, не щадящего никого и ничего вокруг, убивающего за малейшую провинность и даже не за неповиновение — за один лишь намек на него. Помнится, однажды вы сказали, что не нуждаетесь в оправданиях — так их и не существует! Ни единого оправдания для вашей чудовищной и не поддающейся пониманию жестокости. А что касается лорда Ларвейна, помнится он начал первым, предприняв попытку организации моего убийства. Так что по большому счету я лишь нанесла удар, не дожидаясь пока владетель Лунного дворца меня убьет. Пытались ли вас убить мои служанки, эти несчастные девушки в гареме или к примеру Тэхарс?! Сильно сомневаюсь! Так что не стоит даже пытаться нас сравнивать, мой повелитель! Мы разные. Вы разрушаете, я созидаю. Вы — смерть, я — приемлемое существование для тех, за кого несу ответственность! Вы — монстр, а я просто вынуждена отдавать приказ об устранении тех, чье дальнейшее существование может стоять моей империи слишком многих

жизней!

И развернувшись, я покинула кесаря, ощущая безумное желание попинать хоть что-то, раз уж пинание супруга возможным не представляется.

* * *

В императорскую канцелярию практически ворвалась, даже дорогу нашла сама и с первого раза. Войдя, торопливо пересчитала своих служащих, игнорируя их общее пожелание мне сияющего дня, и лишь осознав, что все на месте, облегченно выдохнула.

— Утро не задалось? — лениво поинтересовался сидящий у окна в темном, словно подчеркивающим его расу кресле, Адрас.

И я пошла к нему. Остановилась в двух шагах, сцепив руки за спиной и глядя в окно.

— Ммм, — протянул принц, — все так плохо?

— Если учесть, что «хуже некуда» наступило с момента появления в этом мире, то полагаю термин «плохо» можно уже не использовать вовсе, — тихо ответила я.

— Понятно, — кратко ответил принц Мрака.

Едва ли ему было что-то понятно, но от его попытки поддержать, мне стало немного легче. К сожалению, только немного. Глядя в окно, я заметила движение внизу, опустила взгляд и застыла — несколько стражников вытаскивали из озера в саду доспехи. Пустые доспехи. Тех стражей, что еще только вчера охраняли дверь нашей общей с кесарем спальни... Тэхарс был прав, абсолютно прав, сказав: «Сегодня полетят головы». Кесарь никому не простил вторжения Акьяра во дворец. Даже тем, кому просто нечего было противопоставить принцу Ночного Ужаса. Абсолютно нечего. Но оправдания императора не интересовали, чужие жизни так же... О, Великий Белый Дух, я надеюсь Акьяр никогда больше не сумеет проникнуть сюда, иначе Араэден половину прислуги изничтожит в приступе неконтролируемой ярости.

Адрас поднявшись, встал рядом, так же сцепив руки за спиной, проследив за моим взглядом, мрачно произнес:

— Кьяр.

— Вам известно, что он был здесь вчера?

— Я вызывал императора, — просто ответил принц.

И удостоился моего более чем удивленного взгляда.

— Новое магическое образование в заброшенной шахте у гномов блокировало большинство каналов связи, я задействовал кровную, — совершенно спокойно пояснил Адрас. И так же безмятежно, словно говорил о чем-то совершенно несущественном, продолжил: — Охрана дворца допустила ошибку. Они обязаны были реагировать на любые странности, но не предприняли никаких действий едва вы пропали с порога собственной спальни. Наказание оправдано.

И он, повернувшись, прислонился бедром к подоконнику и сложив руки на груди, посмотрел на меня. Не просто посмотрел — пристально всмотрелся, после чего вынес совершенно верное заключение:

— Вы не считаете его действия оправданными.

— Нет, — не видела смысла лукавить.

— Вы дитя иного, видимо гораздо более доброго, мира, — задумчиво произнес принц Мрака. — Нам с Араэденом пришлось выживать в этом, и мы знаем цену любой, даже кажущейся сущей мелочью, ошибки.

Горько рассмеявшись, я указала на грудь извлеченных из озера с плотоядными рыбами доспехов, и недоуменно спросила:

— Неужели это справедливое наказание, тем, кто просто не осознал сути происходящего?

Поведя плечом, Адрас протянул руку и на ней вдруг появилось яблоко. Большое, красное, блестящее сочное яблоко. Принц Мрака ловко, как фокусник повернул его ко мне другой стороной и я заметила маленькое пятнышко гнили. Оно было совершенно безобидным, видимо просто на месте удара начало портится.

— Как бы поступили в вашем мире с таким яблоком, Катрина? — спросил Адрас, допустив ошибку в произношении моего имени, но я не обиделась.

Взглянув на темного, просто ответила:

— Отрезали бы гнилое и съели. Или использовали для приготовления к примеру яблочного пирога, или сока, или джема.

Адрас кивнул, принимая мой ответ и задал очередной вопрос:

— То есть в вашем мире этот фрукт был бы подпорчен только частично?

— Да... — неуверенно ответила, не понимая на что намекает темный.

Принц Мрака больше не намекал — алым сиянием появившийся в его правой руке кинжал, замах, удар и яблоко разложилось на ладони двумя половинами. Двумя прогнившими изнутри покрытыми черными потеками половинами. Яблоко было испорчено совершенно и полностью.

— Это реалии моего мира, Катрина, — жестко произнес Адрас. —

Мира, в котором четыре пятых всех ягод — отравы, две трети насекомых — ядовиты, гниль пожирает изнутри, а любая ошибка становится фатальной.

Я стояла, до боли сцепив ладони за спиной и молча смотрела на яблоко.

Я поняла.

Поняла гораздо больше, чем вероятно хотел показать Адрас. Я поняла все!

Вновь повернулась к окну, несколько секунд смотрела на деревья, с отчаянием понимая, что мне никогда не доведется увидеть среди них любимого папочку, а затем произнесла:

— Эдогар.

Мой верный глава императорской канцелярии подошел мгновенно, уже предусмотрительно держа наготове лист для записей.

И я продиктовала:

— «Именем света, озаряя Эррадарас сиянием своей милости, я, Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана из великого рода Астаримана, приказываю Вам незамедлительно явиться во дворец его императорского величества Великого Араэдена Элларас Ашеро из рода Архаэров». Число. Место для подписи. Разослать всем владельцам великих дворцов.

Эдогар напрягся и очень осторожно высказался:

— Ваше пресветлое величество, сияющая императрица, мне бы не хотелось вас огорчать, но, боюсь, власть императора лишь номинальна и владельцы великих дворцов вправе сохранять нейтралитет и не подчи...

— Исполнять, — я вновь повернулась к окну.

Едва Эдогар с поклоном удалился, Адрас предпринял осторожную попытку повлиять на мое решение и произнес:

— Катрина, я боюсь ни один сиятельный лорд не явится по вашему приказанию. Пресветлый Эдогар совершенно верно заметил — они вправе сохранять нейтралитет, и не обязаны подчиняться приказам императора Ашеро.

Улыбнулась в ответ. Абсолютно безрадостно. И пояснила:

— Вы сообщили мне гораздо больше, чем осознаете. Я все поняла и сделала выводы.

Затем, обернувшись к своим подчиненным, начала отдавать приказы:

— Эдан, подготовьте тронный зал к приему гостей. Юрданар, подготовьте копии предыдущих посланий с информацией о предательстве, Лео...

Внезапно открылась дверь. Вошел крайне старый сухонький старичок, которому старательно поклонились все присутствующие кроме меня.

Светлый, откровенно пугающий количеством шрамов на видимых участках тела, и тремя поперечными с рваными зазубринами отметинами на шее, подошел, поклонился мне и раскрыв имеющуюся у него в руках папку, произнес:

— Пресветлая императрица, меня зовут Эшран, я секретарь его величества. Великий император, как вы и просили, прислал меня, для внесения изменений в его расписание. Присядете?

Я отрицательно покачала головой.

— Замечательно, — деловито продолжил самый старый из всех видимых мной светлых. — Итак, вы просили внести в расписание его озаренного светом императорского величества вашу истерику.

Выдав все это, секретарь кесаря обернулся к деликатно отошедшему, но с интересом наблюдающему за происходящим Адрасу со словами:

— Ваше темнейшее высочество, должен оповестить вас о смене времени проведения военного совета на более позднее.

— Ммм, — протянул принц Мрака, — и насколько позже будет собран совет?

— Это мы сейчас выясним, — заверил его старичок. И повернулся ко мне. — Итак, пресветлая императрица, сколько времени вам потребуется для истерики?!

Я промолчала, прекрасно понимая, что все происходящее ничто иное, как форменное издевательство.

— Да, — старик перевернул несколько страниц, — так же, его императорское величество сообщил, что нам с вами необходимо запланировать время для трех... Я не ошибся, речь идет именно о трех семейных скандалах?

Даже так...

— Вы не ошиблись, — мило улыбаясь, заверила я.

Мой повелитель желает позабавиться? Сейчас позабавимся! За его счет!

— Вы позволите? — исключительно из вежливости произнесла я, так как одним быстрым движением с легкостью отобрала ежедневник у секретаря.

И узрела совершенно очевидное — в ежедневнике ничего не было! Одни абсолютно пустые страницы и один не в меру ехидный секретарь, который явно пользовался уважением, но вот моего пока не заслужил.

— Ну надо же, как много дел, как много забот, — листая пустые страницы, язвительно проговорила я.

Мило улыбнулась нахмурившемуся Эшрану, после чего, с совершенно

пустым ежедневником, направилась к своему рабочему месту. По пути вернувшись к раздаче распоряжений:

— Никар, подготовьте мне семь копий основ пресветлого законодательства. Эмирен, обеспечьте неизменность каждого сборника.

Один из моих магов, несколько неуверенно заметил:

— Пресветлая императрица, вы опасаетесь, что великие лорды попытаются внести изменения в законодательные сборники?

— Я не опасюсь, я знаю, — придерживая платье и присаживаясь за стол, ответила ему.

— Боюсь, — светлый с забавным тонким хвостиком, несколько замялся, — моих сил и знаний недостаточно, чтобы противостоять великим лордам.

Продолжающий стоять у окна Адрас мгновенно отозвался:

— Я помогу.

— Спасибо огромное, — совершенно искренне поблагодарила я.

Принц Мрака стал настоящим подарком судьбы, и это радовало.

Я же с самым суровым видом взялась за писчее перо, и проигнорировала подошедшего секретаря кесаря.

— Ваше императорское величество, — нервно начал эллар.

— Пресветлый Эшран, — моя улыбка из милой трансформировалась в ядовитую, — любой блеф, если уж вы взялись за него, следует доводить до логического конца. Наслаждайтесь процессом.

И я взялась вымещать всю свою злость на кесаря!

Откровенно говоря о чем-то подобном я мечтала еще со времен правления в Прайде, когда я носилась как угорелая с одного совета на другой, а он занимался демоны его знает чем... в смысле убийство Динара планировал. И говоря еще более откровенно мне тогда очень обидно было, что я тружусь изо всех сил, а кто-то денно и нощно пропадает то по любовницам, то в лаборатории, и это при том, что у него в Прайде на окраинах даже рабство оставалось... А хотя, о чем это я, рабство у его бессмертия вообще везде! Куда ни плюнь — везде рабы! И не плюнешь, в силу воспитания, то все равно одно сплошное рабство! А все потому, что некоторым, похоже, заняться нечем. Сейчас исправим.

— Эдогар, мой ежедневник где? — спросила я, не обнаружив последний на своем столе.

У меня кстати ежедневник имелся! В отличие от некоторых.

— Я полагаю, это излишне! — откровенно разозлился старик.

— Рада за вас, — саркастично ответила я.

И начала писать.

В Эрадаррасе в отличие от Рассветного мира в сутках было двадцать пять часов. То ли по причине любви к красивым числам, то ли из-за особенности их естественного освещения, но двадцать пять, и по сто минут в каждом часе. Точнее это для меня были минуты и часы, для них капельки и лучи света — как по мне так поэтично, конечно, но не понятно, поэтому я использовала привычные мне обозначения. В своем ежедневнике я не расписывала по минутам и часам все, к, сожалению всего несколько дней правления и отсутствие возможности досконально разобраться в устройстве мира, а так же ограничения наложенные кесарем не позволяли свести все к привычному точному планированию. Но это что касается меня, а вот на расписании дражайшего супруга я собиралась разгуляться основательно.

Подъем в шесть утра, зарядка, которая полезна даже бессмертным, так что переживет, купание в ледяной реке (хотела написать в пруду с плотоядными рыбками, но не стала), завтрак с бесценным насильственно вывезенным из другого мира кадром, и самое важное «планирование сети дорожного покрытия Эррадараса». Далее шло менее важное — планирование военного наступления на Тэнетр, это в качестве запасного плана, если темные выживут после моей торговой экспансии. После чего вновь шло строительство дорог. В конце дня я внесла пять минут на мою истерику, и два часа на снятие напряжения в императорском гареме, затем сон, желательно там же, где напряжение снимал.

Читающий все это через мое плечо Эшран уже давно зло сопел, но кто он и кто я — пресветлому приходилось терпеть.

Второй день был расписан куда подробнее, но в основе опять же были дороги! Дороги, дороги и такие нужные мне дороги. Пару часов выделила на «Безуспешные попытки преодолеть Эхею», и окончательно обнаглев четыре часа уделила «Поискам Акьяра во имя освобождения из плена вашей паранойи бесценного насильственно вывезенного из Рассветного мира кадра». После, подумав, добавила час на исследование паранормального явления у гномов. В конце концов он исследователь, вот пусть и исследует. Затем в обязательном порядке посещение гарема, с припиской (порадуйте матушку, не игнорируйте обитель разврата, Элисситорес волнуется), после чего вновь пожелала спать где придется, в смысле с кем придется, то есть там, где возляжет с кем-нибудь, там пусть и спит.

После чего, посчитав совершенное достаточным, закрыла ежедневник и торжественно передала его Эшрану со словами:

— Дальше вы сами. И знаете, на будущее, я бы посоветовала вам более

ответственно относиться к своим обязанностям и не возлагать их на вашу пресветлую императрицу. Да озарит светило путь ваш вон из моей канцелярии.

И улыбнулась. Очень мило, да.

Пресветлый с достоинством поклонился и последовал туда, куда собственно послали.

А я, повернувшись к моим заинтересованным происходящим сотрудникам, спросила:

— Эдогар, послания готовы?

Он принес мне их все, адресованный каждый владельцу определенного замка. Я подписала каждое, а так же, взглянув на часы, указала время — час пополудни. Сейчас была половина. В конце каждого послания поставила только подпись, без соответствующего перечисления моих титулов, не видела смысла повторяться. После чего, вернув Эдогару, приказала:

— Разослать.

Тот взглянул на письма, на меня, поклонился и направился к Литарену, владеющему нужным для соответствующего действия навыком. Далее последовала процедура — Эдогар ставит письмо на серебряный поднос, Литарен сжимает виски, письмо исчезает у нас и появляется перед адресатом. Эдогар ставит следующее письмо, ну и так далее...

Я не видела смысла наблюдать за процессом, у меня и так вполне хватало дел. Мой король преступного мира Юранкар, прислал смету на постройку той части города, которую он был готов взять на себя (завысив цену раза в три), что я указала в начале ответного письма, которое взялась писать по ходу дела. Так же темный сообщил, что ночью среди рабов едва не вспыхнули беспорядки — несколько гладиаторов решили, что вполне достойны лучших женщин и попытались присвоить себе бывших наложниц. Были биты. Наложницами, которые не испытывали никакого желания снова возлагаться на ложе и их семьями, которые организовал мастер Соно. У меня все-таки чутье на великолепных предводителей. Юранкар докладывал, что нападавших связали и держат в яме до моего появления.

И вот мне бы сейчас появиться, и карающей десницей исполнить свою публично заявленную угрозу, но нет, увы, я вляпалась в ситуацию с Акьяром и теперь вынуждена ждать кто меня первый убьет — кесарь за своеволие, или принц Мрака, потому что поставил это своей главной жизненной целью! Нет, я конечно верю в кесаря и точно знаю, что он разберется с ситуацией, вопрос только в том «Когда»?!. Потому что мне

действовать нужно было уже вот прямо сейчас, а я сижу здесь!

В этот момент распахнулась дверь, и на пороге появился сияющий секретарь императора. Пресветлый Эшран, патетично выдержав паузу встал в проходе и удостоился моего насмешливого:

— Да ладно, вползайте уже.

Патетики, пафоса и сияния тут же поубавилось, после чего старик зло прошел через всю канцелярию, подошел, сдержал желание швырнуть в меня ежедневником, заставил себя поклониться и с поклоном протянул мне собственно то, ради чего пришел. Поблагодарив милой улыбкой, взяла ежедневник, раскрыла, прочла написанное внизу со всем тщанием составленного мной расписания, всего одну строку на оитлонском:

«Я буду спать с тобой, нежная моя, и это не обсуждается».

Несколько секунд я печально взирала на данную фразу, постукивая кончиком пера по столу. Хотелось написать что-нибудь издевательское, типа «только сначала помыться не забудьте», но имелась одна маленькая проблема — мне как бы сейчас нужен был кесарь. Минутки на две, но нужен. В принципе, у меня есть Адрас, он тоже на «А», то есть посильнее всех великих лордов будет, но он один, и я не была уверена, что справится. А вот в кесаре сомневаться не приходилось...

Внезапно прямо рядом со мной открылся портал и оттуда на оитлонском же раздалось:

— Иди ко мне.

Мгновенно поднявшись, шагнула в переход, и вышла в темном, достаточно мрачном помещении, декорированном в основном картами, по большей части магическими, по меньшей отрисованными и воняющим свежей краской, и судя по тому, что я уже достаточно хорошо знала Эррадарас, а местность отраженную не узнавала, это были карты Тэнетра. Так же в помещении имелся стол, за которым до моего появления сидели сторонники кесаря, в составе семи сверкающих магией пресветлых, двух песочных демонов, приветственно махнувшего мне рукой Тэхарса, одного странного вида синего шипастого мужика и двух орлов. У орлов имелись не стулья, а жердочки. Массивные такие бревна в смысле, потому как орлы по размеру раза в два меньше дракона в драконьей ипостаси были. И еще здесь имелась дева. Внушительная, плечистая, ростом с кесаря дева, с листочками в заплетенных волосах, древесной корой вместо брони и злым пронзительно зеленым взглядом на меня, дева к слову тоже встала, правда после внимательного взгляда кесаря. Короче тут шел военный совет. Причем судя по лицам крайне серьезный.

Но не смотря на всю эту серьезность, на меня император посмотрел с

веселой улыбкой, что как-то не вязалось ни с его личностью, ни с обстановкой, и продолжая говорить на ойтлонском спросил:

— Что ты хотела?

Карты Тэнетра! И желательно не с гарнизонами и прочей военной радостью, а с мануфактурами и прочими производственными мощностями. Но говорить я об этом не стала, даже отдавая себе отчет в том, что кесарь и так все слышал, и произнесла:

— Я тут маленькое групповое убийство запланировала. Не согласитесь ли поучаствовать?

Великий усмехнулся, все так же весело глядя на меня, и просто сказал:

— Позовешь.

И никаких вопросов? Серьезно?

— А смысл? — поинтересовался кесарь. — Я тебе полностью доверяю, созидаящая моя.

И что тут скажешь? Нет, я бы в принципе сказала, но учитывая, что весь военный совет простаивает, естественно промолчала. Разве что не удержалась от вопроса:

— А по какому поводу совет?

— Уничтожение Акьяра, — перестав улыбаться, ответил мой великий супруг.

— Ясненько, — стараясь вообще ни о чем не думать, тут же ответила я. И добавила уже на языке элларов: — Светлых идей вам, замечательных озарений, быстрее разрешения проблемы. — И обращаясь к кесарю: — Мне позволительно вас покинуть?

— Тебе позволительно все, нежная моя, — на языке элларов ответил кесарь.

Повинуясь скорее интуиции, чем любопытству, я метнула взгляд на древесную деву — деву заметно перекосило после слов императора.

— Тэхарс, рада видеть, — своеобразно поздоровалась с драконом.

И изобразив реверанс, покинула военное собрание, через открывшийся портал.

А вот едва вернулась в канцелярию, рухнула на стул, нервно постукивая пальцами по столу. Мне очень не понравилось происходящее. В смысле — кесарь не солгал, это я понимала совершенно отчётливо, то есть весь этот совет имел целью именно обсуждение уничтожения Акьяра. Насколько же принц Ночного Ужаса силен? Мне пора начинать переживать за свою безопасность?.. Подумала, и тут же отбросила эту мысль. За мою безопасность смысла переживать не было, ею занимался кесарь, а значит я абсолютно и полностью под защитой. Да и проблема не в этом — проблема

в том, как много времени император затратит на уничтожение сводного брата. То есть сколько времени потеряю я...

— Катрина, вас что-то тревожит? — Адрас подошел совершенно неслышно.

— Да, — честно ответила я. — Очень тревожит то, сколько времени мне придется безвылазно просидеть в этом дворце, пока кесарь решит проблему с вашим мечтающим убить меня братом.

И мне вот после этих слов просто выть захотелось. Да, я решу проблему с Великими лордами уже сегодня, минут через десять, главное — Адрас объяснил мне принцип, все остальное теперь дело техники. Я возьму под контроль Эррадарас, это уже не проблема, но я хочу кардинально иного. Мне нужны человеческие города, человеческие мастерские гильдии, а это требует личного присутствия и контроля. Личного, демон раздери!

И тут вдруг Адрас осторожно, как мне показалось, задал вопрос:

— Катрина, позвольте поинтересоваться, а что заставило вас полагать, что Къяр мечтает убить вас?

Погруженная в переживания о судьбе моего народа, я не сразу осознала смысл сказанного. Когда же до меня дошло, я подняла взгляд на принца Мрака, и переспросила:

— Что?

Темный подошел, присел на край моего стола, поглядывая на меня сверху вниз, сложил руки на груди и поинтересовался:

— Катрина, я прошу прощения за вопрос, который вероятно покажется вам интимными и возможно даже недопустимым, но... у вас в принципе были хотя бы какие-нибудь отношения с мужчинами до брака с моим братом?

Нервный смех вырвался как-то даже против моей воли. Подуспокоившись немного, совершенно честно ответила:

— Вы будете удивлены, но до «отношений» с вашим братом я даже успела дважды выйти замуж. Первый раз по любви и согласию за прекраснейшего из ракардов, второй раз путем коварного обмана со стороны моего любимого чело... не совсем человека.

Левая бровь Адраса недоуменно изогнулась.

— Долгая история, — пришлось признаться мне. — И да — это никоим образом не повлияло на решение вашего брата выбрать меня в жертвы... в смысле в жены.

Потрясенно покачав головой, принц Мрак задумчиво произнес:

— Катрина, вы невероятны.

Я безразлично пожала плечами, занятая совершенно другими

мыслями. К сожалению, безрадостными. И тут Адрас сообщил:

— Къяр не собирается вас убивать. Более того, он скорее отдаст свою собственную жизнь, лишь бы с вашей головы не упал ни один черный волосок. Он влюбился в вас, Катрина. Влюбился настолько сильно, что эта любовь напрочь смела проклятие высшего лорда, исполнив пророчество...

Он не договорил. Он просто не смог договорить, потому что всю императорскую канцелярию огласил протяжный полный страдания стон. И это был мой стон!

И закончился этот стон моим же осточертелым:

— Только не пророчество! Мне кдохлым гоблинам еще очередного пророчества не хватало! О, Великий Белый Дух, за что?!

Я вскочила с места, взбешенно пнула стул, подошла пнула еще раз, вымещая всю злость, после обошла его, подошла к окну, и снова сцепив руки за спиной, посмотрела в окно. Там довытаскивали последние обглоданные доспехи и теперь грузили все на телеги, запряженные шипастыми тварями, видимо собираясь вести на переплавку. В озере плескались счастливые, сытые, жирненькие плотоядные рыбки, напрочь отбивая возникшее у меня желание пойти и утопиться в этом милом озере.

— Катрина? — осторожно позвал Адрас.

Я не отреагировала, продолжая смотреть на рыбок и думая о себе плохо, причем очень плохо. Очень, ко всемдохлым гоблинам плохо! Кесарь предупреждал. Прямо сказал, что чувства темных не то, с чем следует играть, а я в очередной раз подошла к этому миру с мерками моего собственного. И ведь расчёт был верен, абсолютно верен, я не просчиталась ни в чем — я урод, Акъяр урод — мы реально мгновенно нашли общий язык и происходи дело в Рассветном мире я получила бы верного соратника и надежного помощника. Но увы! Это треклятый Эррадарас, и итог у невинного флирта плачевен. До безумия плачевен. Дьявол! Я потеряю как минимум месяц, как максимум три-четыре. Потому что Акъяр фанатичен в деле достижения цели. Кесарь, естественно, фанатичнее, тут даже сомневаться не приходится, но потенциал принца Ночного Ужаса огромен и даже кесарю потребуется время, для его уничтожения.

И вот в этот крайне тяжелый для меня момент, секретарь императора осторожно подал голос путем «Кхе-кхе». Я обернулась, после чего посмотрела на секретаря, на стол, на валяющийся стул... Стул плавно поднялся, и вернулся на свое место.

— Спасибо, Адрас, — искренне поблагодарила я.

— Не за что, — мягко отозвался темный.

Я прошла, села за стол, взялась за ежедневник кесаря, и под его строкой «Я буду спать с тобой, нежная моя, и это не обсуждается», так же на оитлонском написала: «Паршиво, конечно, что я опять вляпалась в гоблин его знает какое треклятое пророчество, но по факту на данный момент мы ослабили Тэнетр уже на двух принцев. Адрас с нами, Акъяр, как я понимаю, откололся от семьи как минимум в вопросе моего жестокого убийства. Понимаю, что не мне вам советовать, но возможно, стоит направить все силы на решение вопроса с преодолением Эхеи и вторжением в Тэнетр? Это как максимум. А как минимум, я повторно настаиваю на создании разветвленной сети дорог, либо перепоручении решения данного вопроса мне. А так же... раз уж принц Ночного Ужаса не собирается меня убивать, как на счет того, чтобы слегка... ослабить мой домашний арест?»

Написав все это, молча передала ежедневник секретарю, который, хмурясь и опять подглядывая, явно был недоволен тем, что ни слова понять не может из написанного.

— Да озарит... — начала было я.

— Да я уже понял, что пошел вон, — огрызнулся пресветлый.

И собственно пошел вон.

Когда за ним закрылась дверь, я взяла лист бумаги, и начала стремительно писать:

1. Ограничение количества охраны

2. Всех наследников во дворец в качестве заложников

На душе было несколько мутно, но террор если и устанавливать, то быстро, решительно и безапелляционно. И церемониться со светлыми я более не собиралась. Я власть этого мира, и пора брать себя в руки.

3. Управление на местах, с практикой ежедневных отчетов.

Над четвертым пунктом я только начала думать, когда дверь распахнулась и снова появился секретарь кесаря. Вот только двигался на этот раз пресветлый Эшран как-то дёргано, как марионетка. В руках у него была роза, совершенно изумительного серебристого оттенка с багряно алыми стеблем и лепестками, а ежедневник в котором содержалась наша с кесарем переписка, совершенно бесцеремонным образом удерживался секретарем подмышкой.

До меня старик не дошел, что не удивительно. Все великолепно усвоили урок кесаря и на странности в поведении секретаря внимание обратили. В помещении императорской канцелярии одновременно вспыхнули три портала, из двух выступили два воина в серебристых сверкающих доспехах, в третий они оба уволокли пытающегося

сопротивляться лорда Эшрана.

Когда порталы закрылись в канцелярии молчали все. Это было потрясенное и весьма напряженное молчание, но говорило оно о многом.

— Пресветлый Эшран не из тех, кого можно легко подчинить своей воле, да? — поинтересовалась я.

— Да, пресветлая, — хрипло подтвердил Эдогар.

Адрас, продолжающий стоять у окна, отозвался задумчивым:

— Къяр по силе равен отцу, и в любой из схваток превосходил даже Араэна.

Меня посетило желание побить голову о стол. Какой просчет! Боги, какой же жуткий просчет! Если бы не это дурацкое пророчество, какой бы союзник у меня сейчас был бы! Дохлый гоблин пожри треклятые законы бытия этого мира!

Может попытаться еще раз? Может...

Блеск портала, вышедший из него молодой пресветлый, низкий поклон и сообщение:

— Зал подготовлен, пресветлая императрица.

— Благодарю, Эдан.

Еще один блеск портала, и появившийся Литарен сообщил очевидное для меня, и явно неожиданное для всех остальных:

— Лорды прибыли, пресветлая императрица.

Я подавила победную усмешку. Затем приказала Эдану и Эмиру:

— Встретить и сопроводить в тронный зал.

Оба пресветлых, поклонившись ниже обычного, исчезли в порталах, спеша выполнить поручение.

А я, вновь посмотрела на составленный список.

Жалость к тем, у кого я сейчас отниму все, и даже жизнь в случае сопротивления? Ее не было. Попытки оправдать себя? В оправданиях я не нуждаюсь. Сегодня это будут Великие светлые лорды, спустя время я поставлю на колени и темных. Без вариантов, без сомнений, без сожалений. Я власть Сатарэна, кесарь его сила. Так есть и так будет.

— Эдогар, позаботьтесь о том, чтобы перекрыть все пути отхода Великим светлым лордам, — приказала, поднимаясь из-за стола.

Посмотрела на Адраса, принц Мрака просто молча подошел ко мне, предложив руку. Но прежде, чем он попытался открыть портал, я произнесла:

— Боковой коридор от входа в тронный зал.

Темный удивленно хмыкнул, но и исполнил мое пожелание в точности — из портала мы вышли возле служебной двери, по бокам входа,

предварительно потыкав воздух, замерли стражники. Там, за дверью, слышались голоса, неизменно с паузами и прочим соблюдением этикета, но все же говорили пресветлые определенно на повышенных тонах. И это не удивительно — они маги, и к этому моменту они уже должны были определить, что путь из дворца им закрыт, как и возможность использовать порталы. Полагаю, для решения этого вопроса Эдогар обратился к кесарю. Еще, искренне надеюсь, что с секретарем кесаря все в порядке. И что я справлюсь.

Отпустила локоть темного, отдернула платье, поправила рукава, покров, вскинула подбородок. Глубоко вздохнула и приказала:

— Открывайте двери.

Я вошла уверенно и решительно. Взгляд направлен четко вперед, плечи расправлены, подбородок слегка приподнят. Никакого страха, никаких сомнений, ни намека на робость. Это я в совет Альянса Прайды входила, каждый раз морально готовясь к схваткам, продумывая стратегии, до последнего сомневаясь в своих решениях, каждый раз опасаясь сделать неверный шаг... Здесь не боялась. Мир не мой, раса не моя, и мне плевать на мнение Великих пресветлых лордов. Их мнение просто не имело никакого значения. Я точно знала — будет, по-моему, и точка.

По выложенной стертым до блеска серебристым камнем дорожке, я величественно проследовала к тронам, мысленно напомнив себе в дальнейшем поблагодарить пресветлого Эдана за то, что ныне к обоим тронам вели ступени.

Поднялась не оборачиваясь. Миновав лестницу, развернулась, оправила платье одним четко выверенным жестом, и опустилась на свой, немногим более скромный чем у императора, трон. И вот только после этого обвела внимательным взглядом заметно ошарашенных моим появлением светлых. Светлых, коих присутствовало втрое больше, чем полагалось. Простая арифметика — Великих дворцов и соответственно лордов в Эррадарасе семь. Мы с кесарем занимаем Радужный, таким образом остается шесть. Но из всех присутствующих единственным, кто явился без сопровождения был удостоившийся моего приветственного полукивка уже знакомый мне лорд Ларвейн-младший, владелец Лунного дворца. Остальные же предпочли прибыть с охраной. Но разгадывать кто из них кто не приходилось — лорды Серебряного, Туманного, Золотого, Снежного и Хрустального дворцов выделялись и статью, и блеском серебристых камзолов, на коих лишь кружева имели тот оттенок Великого дворца, и высокомерными взглядами. Я уверенно выдержала каждый из них, отстраненно рассуждая о том, что все светлые на одну морду лица.

Красивую, матовую, сверкающую многогранными глазами морду лица. Я не особо видела в них личности. Так, просто серая... в смысле серебристая масса одинаковых лиц, на которых за показным высокомерием и выпячиваемой силой, отчетливо читались их намерения. Мне даже не потребовалось умение читать мысли, чтобы четко увидеть, что лорд Серебрянного дворца, прибывший в сопровождении двух охранников и дочери, эту самую дочь собирается подсунуть кесарю. Я уже достаточно долго находилась в это мире, чтобы понять, что к примеру выточка на третьем верхнем платье, подчеркивающая очертания груди, это практически намек на готовность эллары ко всему. Нет, в остальном все было как и всегда, разве что покров чуть меньше, поэтому открыта большая часть лица и самый верх изящной тоненькой шеи, но ни у меня, ни у Элисситорес третьи платья ни в коей мере не подчеркивали очертания тела, а в их великой пресветлой книге «Шепот шагов дочери света», пусть я и просмотрела ее крайне поверхностно, не было ни слова об изменениях в нарядах леди после брака. К примеру, у Динара в Далларии такие традиции были, там замужним леди полагалось собирать волосы, в Оитлоне, как в более прогрессивном государстве ничего подобного не было, а вот в Хорнии замужние женщины не носили платья светлых тонов. Но Эррадарасе изменений в нарядах не практиковалось. То есть налицо присутствовала попытка откупиться дочерью. В Прайде, к слову, подобное срабатывало и не раз — красивых женщин кесарь любил и не скрывал этого, поэтому нередко за грехи подвластных правителей расплачивались дочери или жены. Видимо политика «не скрывания интереса к противоположному полу» наличествовала и в мире светлых, так что не удивлена, нет. Удивлен был владетель

Серебрянного дворца лорд Сагэр, заметно удивленной и несколько смущенной, но ничуть не испуганной выглядела и его прелестная дочь, а вот я нет. Ни грамма удивления. Вот кто меня действительно удивил, так это владетель Туманного дворца. Лорд Тагран прибыл с сыновьями. Причем ладно бы с законорожденными, но лишь один из четверых имел стандартные элларовские очи, у остальных же со светлордовских морд на меня взирали драконьи, песочно-белые неясного кого, и совершенно черные с алым зрачком темные очи. И вот казалось бы с чего лорду Таграну таскаться сюда с целым выводком отпрысков? Но одно невольное движение плечом занервничавшего от моего задумчивого взгляда законнорожденного сына мгновенно отразилось на трех явно на стороне зачатых. И все сходило стало ясно. В Истрии практиковалось нечто подобное — вместе с наследником росло трое-четверо друзей телохранителей, с раннего детства

наученных защищать жизнь будущего правителя до последнего. Светлые, и я уже даже не удивляюсь, пошли еще дальше — тут похоже один папашка, для начала зачал, а впоследствии и воспитал себе четырех идеальных телохранителей. Оригинальное отношение к потомству, но опять же — не удивлена. Скорее легкий оттенок разочарования, на фоне общего безразличия ко всей расе светлых. Владелец Золотого дворца лорд Гейром прибыл с секретарем и двумя телохранителями, чем сразу заполучил мое расположение. Я даже удостоило его пресветлость одобрительной полуулыбкой. Владелец Снежного дворца прибыл в сопровождении двух сыновей и двух дочерей. Причем светлые леди, к моему искреннему изумлению, были выбриты наголо и одеты в мужскую одежду. У каждой имелись ножны, почему-то пустые, и доспехи, скрывающие фигуру полностью. Леди являются воинами? На севере так принято, или это личное извращение лорда Вентэра? Не существенно. И я обратила внимание на последнего из Великих лордов. Владелец Хрустального дворца лорд Хайтмар прибыл лишь с другом. Насколько я понимаю, так же явно владельцем, и, если я правильно определилась с ориентацией по цвету кружев, это был лорд Кеанран, владелец не столь великого, но тоже весьма существенного Гранитного дворца.

Что ж, все были в сборе.

Но начинать я не торопилась. Не то чтобы выдерживала паузу, честно говоря просто ждала собственного главу императорской канцелярии. Лорд Эдогар под задержался и причина его задержки стала ясна, когда торопливо поднявшийся и вставший по левую сторону трона пресветлый, передал мне ежедневник кесаря. Открыв, я с трудом сдержав улыбку, прочла всего одну фразу:

«Ты восхищаешь, нежная моя».

Значит все мои выводы были абсолютно верны.

Я закрыла ежедневник, передала его принявшему папку с поклоном Эдогару, и произнесла то, чего присутствующие ожидали менее всего:

— Я — Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана урожденная Астаримана и законная супруга его пресветлого императорского величества Великого Араэдена Элларас Ашери из рода Архаэров, отныне и навеки единоличная, полновластная и абсолютная Власть в Эррадарасе!

Великие лорды застыли. Возмутиться, перейти на повышенные эмоции или просто ответить им не позволял этикет. Необходимость отсчитывать и все такое... Они были скованы рамками прописанных в их великих книгах воспитания, для меня рамок и границ не существовало вовсе. И потому я продолжила:

— О том, кто вы, мне известно. Лорд Сагэр, — я посмотрела прямо в глаза владельца Серебряного дворца, и продолжила, последовательно глядя на каждого из называемых: — лорд Тагран, лорд Гейром, лорд Вентэр, лорд Хайтмар и лорд Кеанран. Как видите, представления излишни.

И тут лорд Сагэр, видимо наименее воспитанный из всех присутствующих, воскликнул:

— Но позвольте!..

Так и подмывало ответить «Не позволю», но передо мной был не Илери, а потому никаких пикировок, есть только я и мое решение.

— Я не интересовалась вашим мнением, лорд Сагэр, — осадила владельца Серебряного дворца. — Как, впрочем, и мнением всех остальных.

И я повторно оглядела всех присутствующих. Они были даже не то чтобы возмущены — потрясение откровенно читалось на их лицах и неверие в происходящее отражалось в глазах, но... мне было все равно. Абсолютно все равно. И холодно глядя на тех, кто называл императора лишь первым среди равных, но дочерей подкладывать под кесаря при этом ззорным не считал вовсе, я продолжила:

— Лорды, я буду предельно откровенна: у вас существуют лишь два пути — первый полное и абсолютное подчинение сейчас и в дальнейшем, второй — смерть.

Вот практически и все. Далее им оставалось лишь потрясенно осознавать произнесенное мной, мне внимательно отслеживать их реакцию. В минус ушли абсолютно все, кроме владельца Золотого дворца, впрочем это был умный мужик, сразу видно, никто другой даже не потрудился секретаря с собой захватить, а так же загадочно усмехнувшегося, словно он что-то подобное и предполагал владельца дворца Гранитного. И теперь мне оставалось просто ожидать нападения от того, кто станет первой показательной жертвой. Лорда Таграна выдали подергивающиеся от охватившей его ярости крылья носа, еще до того, как он подал сыновьям знак, дернув мизинцем.

— Я не рекомендовал бы! — прозвучал от двери голос принца Мрака.

И сыновья владельца Туманного замка замерли, но лишь на миг — уже в следующий все четверо начали формировать нечто сферическое зелено-болотное явно угрожающего вида. Я лишь улыбнулась, глядя на то, от чего побледнели все присутствующие, включая Адраса и попытавшегося закрыть меня собой Эдогара. Народ, откровенно говоря, просто не знал, с кем связывается... а зря.

— Лорды, — сдвинув Эдогара с траектории обзора, произнесла я, — искренне сожалею, что вы не обратили внимания на одну намеренно подчеркнутую мной деталь — я Власть Эррадараса, но вам не стоило забывать о том, кто его Сила.

И вольготно устроившись на троне, я мысленно позвала «Мой кесарь?».

Великий император ослепительной вспышкой появился на соседнем троне. Величественный, великолепно, надменный, замораживающе ужасающий и расслабленно ироничный. Он практически издевательски осмотрел застывших с его появлением Великих лордов, попутно уничтожив зелено-болотную сферу даже не напрягаясь, затем обратил все свое величественное внимание на меня и с едва уловимой тонкой иронией поинтересовался:

— И кто посмел выказать тебе неповиновение, нежная моя?

О, я понимала причины его иронии, сама с удовольствием позвизжала бы на данную тему, но... суть в том, что как это не называй, необходимостью, или же попыткой избежать жертв в будущем, но по факту мне нужно было вынести приговор. И я его вынесла:

— Лорд Тагран.

Владетельный пресветлый упал как подкошенный. Просто рухнул, и уже на полу из его приоткрытого, словно в смертельном крике рта потекла тонкая струйка крови. Светлые содрогнулись, я видела, как потрясенно взглянул на кесаря даже стоящий все там же у двери принц Адрас, Эдогар и вовсе стал абсолютно белый. Казалось до них, находящихся в курсе того, что император Араэден вернул себе империю за пару часов всего, осознание силы и мощи кесаря дошло только сейчас. И на их лицах отразился панический ужас... я прямо себя как дома почувствовала. В смысле в здании Альянса Прайды, когда на наши заседания кесарь являлся. Вот тогда у всех айсиров были вот точно такие же выражения на лицах, и я... я понадеялась, что одной показательной казни будет достаточно. Но взгляд на кесаря, и его насмешливая, явно говорящая об обратном усмешка. Да, он был прав, это не Рассветный мир. Эррадарас не прощал даже не то что жалости — намека на нее. Но я последовательно взглянула на тех, кому исключительно из соображений целесообразности следовало бы так же вынести приговор, но я... я не смогла. Просто не смогла. Особенно после того, как увидела откровенную мольбу о спасении, пусть даже в чуждых мне пресветлых глазах владетеля Хрустального дворца.

— Нежная моя, — кесарь заговорил на Оитлонском, — жалость в Эррадарасе недопустима, мне казалось, ты поняла это.

Я поняла, да. Я все поняла, причем очень отчетливо. Так же отчетливо, как осознавала — лорд Сагэр и лорд Вэнтэр это угроза, причем прямая и требующая уничтожения. Но я... я не кесарь. Даже если очень пытаюсь им быть. Я поступлю иначе!

Вновь выпрямившись на троне, я демонстративно брезгливо взглянула на труп лорда Тагран, после чего перевела взгляд на его законнорождённого сына и произнесла:

— Примите мои поздравления со вступлением в наследство, лорд Тагран.

Молодой эллар поднял на меня потрясенные глаза и пробормотал:

— Я нне... не... не ннаследник, по сстаршинству я...

— Лорд Тагран, — уверенно перебила его, — моей милостью и властью дарованной мне моим великим супругом, я назначаю вас новым владельцем Туманного дворца. Поздравляю, со вступлением в наследство.

И они осознали. Все и разом. Эллары вообще оказались на удивление сообразительными ребятами. Более чем сообразительными. В руке одной из дочерей леди Вэнтэр сверкнул синим инеем призванный клинок, а через мгновение он уже окрасился кровью не ожидавшего удара владельца Снежного дворца.

— Готова служить вам, моя императрица! — рывком извлекая клинок и опускаясь на одно колено, произнесла совершенно лысая эллара.

— Примите мою благодарность и поздравления, леди Вэнтэр, владетельница Снежного дворца, — скрывая усмешку, ответила я.

Исходя из того, что мне уже было известно об этом мире, я только что нарушила все писанные и неписанные правила Эррадараса, отдав власть женщине. Но судя по тому, как безропотно приняли ее поступок братья и сестра, леди Вэнтэр определенно была лидером в этой семье. Причем лидером, истово ненавидящим отца... и я даже не хотела знать что стало причиной этой ненависти. Уж точно не претензии по поводу невнимания со стороны папочки.

— Это анархия! — выпалил вдруг лорд Сагэр.

— Ваше высказывание в корне неверно, — равнодушно отозвалась я, — это не анархия, лорд Сагэр, это установление абсолютной монархии. Осознаете разницу?

Он осознал. И в следующее мгновение очень медленно, словно каждое движение давалось ему с невероятным трудом, опустился на колени. Сначала на одно, затем на оба, покаянно опустив голову. Он понял, кто является тут следующей показательной жертвой и предпринял все возможное, дабы избежать этого, надеясь на мою милость.

— Решать тебе, моя императрица, — насмешливо произнес кесарь.

Произнес на языке светлых, и я отметила как содрогнулся лорд Сагэр.

— Мой пресветлый и великий император, — ответила, тщательно подбирая слова, — власть должна быть милосердна к тем, кто осознал свои ошибки.

Мысленно добавила «И к слову приволок вам свою дочь, если вы не заметили».

Кесарь ответил снисходительной усмешкой, а затем величественно поднялся. И на колени, кроме Великих лордов и одной уже Великой леди рухнули все. Великие ограничились покорно склоненными головами.

— Пусть сияние озарит ваш светлый разум, — не скрывая издевки произнес император Аразден.

Затем, повернувшись ко мне, произнес:

— Моя императрица.

— Мой император, — я слегка склонила голову, в знак уважения и благодарности.

Вспышка и кесарь исчез в портале.

А я подумала о том, как безумно хочу бокал вина. Много, много, безмерно много бокалов... жаль, выпивка не поможет... она в принципе никогда не помогает.

— Эдогар, позаботьтесь о дополнительном законодательном своде, — начала я отдавать приказы. — Эдан, трупы не лучшее украшение для тронного зала, вы не находите? Юрданар, раздайте владетельным лордам законодательные сборники.

Пока выполнялись мои приказания, с тоской взглянула на Адраса. Принц Мрака ответил полным сочувствия взглядом. Едва заметно улыбнулась в ответ, и произнесла одними губами:

— Все только начинается, вам стоит присесть, это будет долго.

Темный отрицательно мотнул головой, и остался стоять там же, разве что прислонился плечом к колонне, и руки на груди сложил. А я, если честно, была очень благодарна ему за то, что не ушел... и за поддержку тоже.

А потом мы приступили к работе. Я оставляла за Великими лордами право управления на местах, однако накладывала жесткие ограничения. Предельно жесткие, но у наместников императора должны были наличествовать безупречная репутация, безукоризненная преданность, абсолютная готовность выполнять приказы. Ежедневные отчеты о проделанной работе, ежедневное присутствие на утреннем обсуждении планов развития империи в канцелярии. От идеи потребовать присутствия

заложников в императорском дворце я отказалась — кесарь был той силой, с которой не решился бы спорить даже безумец, соответственно просто не требовалось.

Работали быстро. Максимально быстро. В итоге за шесть часов были решены основные вопросы и я отпустила Великих лордов. На сегодня отпустила.

Когда опустел тронный зал, Эдар с Эдогаром перенесли обратно в канцелярию столы, за которые я была вынуждена усадить светлых, чтобы успевали все записывать, в наполненном светом, торжественностью и безграничной усталостью помещении остались только я, Адрас и стража.

Мне хотелось выпить. Еще безумно хотелось к Юранкару и затем в человеческий город узнать, как дела... Вот только никак.

Я величественно поднялась, медленно спустилась по сверкающим ступеням и остановилась. Всего на миг. На один очень краткий миг. Ощущая, как безумно кружится голова и пересохло в горле.

— Катрина? — позвал, стремительно подошедший Адрас.

Я вновь пошатнулась, но все же устояла.

— Полагаю, вам следует отдохнуть остаток дня, — произнес, придерживая за локоть принц Мрака.

Вздохнув, и ощущая, как все сильнее кружится голова, спокойно ответила:

— У меня нет на это времени.

Не став спорить, Адрас произнес:

— Время обеденной трапезы.

— Я вас не задерживаю, — заставила себя улыбнуться. — Но если можно, попрошу о любезности — не могли бы вы перенести меня в канцелярию?

Портал привычным сиянием появился передо мной, и я шагнула, придерживаемая принцем Мрака. Вышла на пороге канцелярии, поблагодарила темного, и жестом подозвав Эдогара, направилась к карте. Мое упущение — я все еще не изучила ее столь досконально, как требовалось. Карту Оитлона я могла нарисовать с закрытыми глазами, карту Эрадарраса к сожалению еще нет. Мелькнула отстранённая мысль попросить кесаря помочь с запоминанием, но я мгновенно ее отбросила — сама справлюсь. Как и всегда.

Первое, что меня интересовало — Снежный дворец. Важно было понять — потребуется ли помощь леди Вентэр в окончательном установлении ее власти.

Крутанув карту Эрадараса, я отыскивала внушительный Снежный

дворец, находящийся словно под охраной двух внушительных гор, отметила, что в принципе он находился неподалеку от владений драконов, по крайней мере гряда гор с северной стороны от замка показалась мне знакомой, после стремительно увеличила карту. И крайне своевременно.

При приближении, с высоты птичьего полета, открывалась вполне ожидаемая картина.

Там, во дворе Снежного дворца, разворачивалось прелюбопытнейшее зрелище — двое могучих элларов в меховых плащах, удерживали провозглашенную ныне мной леди Вэнтэр, практически выворачивая ей руки, и лицо светлой было искажено болью, часть воинов из собравшихся более чем четырех сотен угрожающе сияла магией в сторону родственников моей наместницы.

— Призвать воинов? — раздался за моей спиной голос Эдогара.

Я промолчала, сильнее увеличив картину происходящего и глядя в лицо эллары.

— Пресветлая императрица? — настойчивее позвал глава моей канцелярии.

Если бы дело происходило в моем мире — я бы вмешалась не задумываясь. Но это Эрадаррас. Проклятый мир, в котором за слабость приходится платить и весьма высокую цену. Леди Вэнтэр это было известно. Как, впрочем, и то, что едва ли в ее родном замке с радостью воспримут известие о гибели прежнего Владетеля. У любого режима власти есть как противники, так и сторонники — это неизменный закон. И леди Вэнтэр не могла не понимать, что по возвращению ей придется столкнуться с теми, кто встанет горой за сохранение своих, полученных при ее отце, привилегий. Дальше все просто — если не понимала, значит глупа, а мне неспособные просчитать простейшие последствия своих действий наместники не нужны вовсе. А если просчитала, но не способна дать отпор — значит слаба. Нужны ли мне слабые наместники? Вопрос риторический.

Один из удерживающих леди Вэнтэр элларов внезапно толкнул светлую, а едва та попыталась встать, ударил наотмашь железной перчаткой. На заиндевелый белый каменный пол Снежного замка упали капли алой яркой крови. Два шага и ударивший пресветлую эллар, вновь швырнув ее, повторно пытающуюся подняться, наступил на горло девушки ногой,

пригвозждая к ледяным камням, и обведя победным взглядом всех находящихся вокруг, заговорил, старательно выпячивая грудь.

На этом моя выдержка дала сбой. Впрочем, будем откровенны — я

никогда и не отличалась никакой особой выдержкой. И даже понимая, что гораздо разумнее было бы сейчас не вмешиваться, а в дальнейшем работать напрямую уже вот с этим, совершенно мерзким отродьем, приняв как данность его правление в Снежном дворце... не смогла.

— Эдогар, портал! — приказала, зазвеневшим от гнева голосом, не отрывая взгляда от откровенно душившего леди Вэнтэр ублюдка.

И сама же остановила его, когда девушка, змеей изогнувшись, выскользнула из-под сапога светлого, и приподнявшись, нанесла удар в его незащищенный бок, мгновенно призванным ледяным мечом. Второй из одетых в меховые плащи кинулся было к ней и...

И потрясенно застыл, глядя как первый, рывком извлекает меч из своего бока и перерезает горло.

Себе.

Сам.

В ужасе взирая куда-то вперед.

Я сместила картинку и посмотрела на кесаря, ледяным взглядом сопроводившего самоубийство сначала одного из напавших на пытающуюся сейчас встать леди Вэнтэр, а потом и второго, который так же зачарованно глядя на кесаря, молча перерезал себе горло. После чего император Эррадараса молча перевел взгляд на застывших во дворе замка элларов. И еще четверо, не сказав ни слова покончили с собой. Когда они рухнули, обагрив кровью заиндевевшие плиты, возле меня вспыхнул портал и мой супруг молча протянул мне руку.

Я последовала к нему со всей величием, на которую была способна и встала практически рядом, но на пол шага позади, как и полагается императрице, чтобы слышать:

— Приказы моей любимой супруги — не обсуждаются. Назначения моей любимой супруги — не обсуждаются. Любое желание моей любимой супруги — принимается как истина. Считайте мое появление — предупреждением. Первым и последним.

После чего мне указали на портал.

И я покинула весьма и весьма холодное место, ощущая, что основательно продрогла.

Но в жар кинуло мгновенно, едва последовавший за мной Властитель Эррадараса одной рукой обняв меня, второй крутанул карту, безошибочно отыскав Туманный замок. Здесь вмешательства не потребовалось — четверо сыновей лорда Тагрона действовали как один, формируя четыре грани непробиваемого магического щита. У тех немногих, а именно сторонников старшего из сыновей прежнего Владетеля Туманного замка, не

было и шанса.

— Устала, нежная моя? — убедившись, что новый глава замка держит ситуацию под контролем, неожиданно мягко спросил кесарь.

— Относительно, — ощущая настоящее желание опереться об императора, ответила я. — Что с моим домашним арестом?

— Принц Ночного Ужаса еще жив, — последовал ответ.

— И что мне делать, если он решит жить вечно? — раздраженно поинтересовалась я.

— Риторический вопрос, — насмешливо ответил кесарь.

Представила себе перспективу оставаться в этом дворце вечно... В смысле год, но это почти то же самое что вечно...

— Отправляйся в спальню, тебе требуется отдых, — холодно приказал Великий Араэден, убирая руку с моей талии.

— Едва ли вы в праве отдавать мне подобные приказы, — не оборачиваясь, и прокручивая карту в поиске человеческого города, парировала я.

Кесарь остановился, и стоя все так же за моей спиной, склонился к моему виску, чтобы едва слышно выдохнуть:

— Я интересовался твоим мнением?

— Нет, — с грустной усмешкой на оитлонском ответила я, — не припомню подобного никогда за всю мою жизнь. Я полагаю, мой кесарь, вам в принципе не свойственно интересоваться чьим-либо мнением. И, — обернувшись, взглянула в ледяные, искрящиеся гневом глаза, — вы, кажется, были заняты?

И мило улыбнулась, недвусмысленно намекая, что у кого-то кажется был военный совет по устранению причины безвылазного содержания меня в данном унылом временами покрывающемся черными трещинами и кровью помещением, ошибочно именуемым дворцом. Хотя я бы назвала его иначе.

— И как же? — зло спросил кесарь.

Я промолчала, и вербально и мысленно.

Мне не хотелось сейчас ни спорить, ни отстаивать свое право тратить отпущенное мне время так, как я считаю нужным.

И в этот момент раздался стук в двери, а затем приоткрыв ее, стражник произнес:

— Леди Вентэр.

— Пусть войдет, — мгновенно разрешила я.

В канцелярии царила сосредоточенная работа, скрип перьев по бумаге и готовность следовать и далее выбранному императрицей режиму.

Несколько выделялся лишь Адрас, вольготно устроившийся у окна, с яблоком и ножом, коим кромсал фрукт, таким образом видимо решив пообедать. И несколько разбавляя ту тяжелую атмосферу напряжения, что присутствовала здесь вместе с присутствием собственного кесаря.

И именно кесаря мгновенно увидела леди Вентэр, мгновенно рухнувшая на колени, едва вошла.

— Встаньте, — приказала я, — вы женщина, к тому же Великая леди Снежного дворца.

Девушка, а она была достаточно молода, поднялась, держа голову опущенной. Я отстраненно отметила разбитую губу, которую похоже старательно припудрили, а быть может и залечили, остановив кровотечение, но в целом выглядела эллара не лучшим образом.

— Пресветлая императрица, Великий император... — она запнулась, избавив нас от витиеватого описания титулов и собственно наших сияющих личностей, видимо хорошо усвоив урок, преподанный мной в тронном зале, и набрав побольше воздуха, резко произнесла: — Я прошу прощения, за случившееся. К моему искреннему сожалению, мне не было известно о том, что на отце присутствует артефакт, сигнализирующий о его смерти братству Льда. Они действовали достаточно быстро и за шесть часов захватили власть во дворце, перебив моих сторонников. Я готова понести наказание.

И она вновь рухнула, правда уже на одно колено.

— Братств... Льда? — переспросила я.

— Да, — не поднимая головы, ответила леди Вэнтер, — семь тысяч пресветлых воинов, чьи помыслы чисты как снег, а сияние отражает свет белого светила. В молитвах и покаянии, они достигают высшего уровня силы и могущества.

А я вдруг вспомнила, как во время захвата дворца, против кесаря вышло два... снежных воина с ледяными клинками. В смысле сначала был один, а после ранения первого рядом возник второй, но не суть.

— Эдогар, — произнесла, повысив голос, — почему никто не сообщил мне о наличии семи тысяч предателей на территории моей империи?

Кесарь на мой вопрос отреагировал странной усмешкой, Адрас перестал есть яблоко, заинтересованно наблюдая, а глава моей канцелярии сдержанно пояснил:

— Братство Льда покинули территории Эррадараса едва император Араэден взошел на престол после смерти своего... отца, объявив правителя недостаточно... светлым. Поэтому формулировка «предатели», несколько... — он замялся.

— Эдогар, — достаточно мягко прекратила я его попытки оправдать не оправдываемое, — оформите в приемлемой, но не слишком уважительной форме мой приказ явиться ко дворцу всем... ледышкам. В ином случае я объявлю их изменниками родине и обвиню в противодействии Свету.

И тут кесарь произнес на оитлонском:

— Сложно обвинить в противодействии Свету тех, кто отказался подчиниться императору из-за тьмы в его крови, нежная моя.

— Ничего, я справлюсь, — заверила супруга.

Внимательный взгляд сверкающих глаз и неожиданный вопрос все так же на оитлонском:

— Семейный скандал остается в силе?

— Несомненной, мой император, — устало ответила я. После оживилась, внезапно осознав, что тарелки не обязательно бить, ими вполне можно швыряться, причем желательно в кесаря!

— Ты же понимаешь, что это бессмысленно? — поинтересовался супруг.

— Мечтам всегда свойственна некоторая бессмысленность, — отозвалась я, странным образом ощущая приближение.

Приближение чего-то...

Распахнулась дверь и занимающий весь ее пролет частично обращенный в дракона Тэхарс глухо произнес:

— Нашли.

Сверкнул портал, поглотив кесаря, второй утянул Адраса, дракон же, весело подмигнув мне, развернулся и ушагал, видимо собираясь взлететь, как только снесет какую-нибудь стену, а я... была бы полной дурой, не воспользуйся подобным шансом.

— Эдогар, отправляйте послание. Леди Вэнтэр, вы прощены.

И все это, проговорила, величественно, но крайне быстро, шагая к двери. Выйдя в коридор обнаружила что да, я оказалась полностью права и часть стены Тэхарс снес, но это было не главное.

Подобрав юбки и игнорируя протыкающих воздух стражей, я промчалась по первой галерее, спустилась на два этажа, миновала еще один длинный переход и вскоре вбегала в нашу с кесарем спальню. Там, облаченная в просторное белое платье, даже на вид являвшееся более удобным чем мое, на полу возле окна сидела прежняя любовница кесаря, заплетая свои длинные рыжеватые волосы, а призрачно подобные рабыни наводили идеальный порядок, в итак идеальном помещении.

— Все вон, — влетая в спальню, приказала я.

Рабыни теньями метнулись прочь, подскочившая было девушка,

опустилась вновь, пригвожденная моим пристальным взглядом.

— У нас очень мало времени, — закрывая дверь, произнесла я. — И, если ты хочешь жить, я хочу знать все, абсолютно все о человеческих поселениях на островах Эхеи.

Девушка посмотрела на меня огромными, невероятно голубыми глазами и тихо спросила:

— Что именно желает знать моя императрица?

И я поняла, что моя фраза «я хочу знать все» несколько ускользнула от ее сознания, видимо потерявшись на фоне сказанного перед этим «если хочешь жить».

Подойдя к столику, указала на стул рядом с собой, а затем не дожидаясь, пока девушка подойдет, налила немного воды на блестящую поверхность столешницы и пальцами вывела подобие изгиба реки.

— Начни с того, какова численность свободных людей. За счет чего вы выживаете? Кто торгует с вами, помимо темных?

Аджана отвечала по началу не охотно, но в дальнейшем все более увлекаясь описанием мест, в которых родилась. А я старалась не думать, бездумно вырисовывая карту на столе, готовая смахнуть капли воды в любой момент и в то же время запоминая расположение островов, впитывая всю информацию и привязывая ее именно к этим движениям.

Итак, жители Свободных островов, общая численность — свыше пятидесяти тысяч человек, численность населения неуклонно растет. Основные занятия — земледелие, изобретательство, рыболовство. Есть возделываемые поля, и ил дарованный Эхеей позволяет выращивать большие урожаи. Система подъема воды из реки обеспечивает полив. За счет нехватки земли, в небольшие огороды превращены крыши домов, а в столице Свободных островов и вовсе сады устроены многоярусно. Торгуют люди в основном с орками и гномами, и тех и других удивительным образом не трогают чудища, живущие в глубине реки. А вот элларов они жрут. Причем жадно, охотно и крайне изобретательно — Аджана описала случай, когда огромная зубастая рыба выбросилась на берег, сожрала двух светлых, прибывших на остров с целью торговли, и после вновь вернулась в воды реки. Именно по этой причине светлые если и строят мосты, то на предельно возможной высоте, либо вдали от человеческих поселений. Справедливости ради стоит отметить, что речные монстры точно так же поступали и с темными. Воды Эхеи несли и еще одну опасность для наделенных как светом, так и тьмой — искупавшийся в водах реки эллар или тэнэтриец терял магию сроком на месяц минимум. И не важно было ли это полномасштабное купание, или на проходящего по мосту к острову

мага просто плеснула хвостом проплывающая мимо гигантская рыба. Забавный факт — если в реку свалится человек или его дитя, те же самые монстры, что радостно пожирают друг друга или наделенных магией, мгновенно помогут выбраться из воды, причем обращаться будут бережно и осторожно.

Сказать, что после рассказа Аджаны я была удивлена, это ничего не сказать. Уже сформированная система представлений об Сатарэне медленно, но верно раскалывалась на части... Сначала гномы, теперь вот люди и отчаянно защищающая их река. И неведомые орки, которые, как оказалось вполне лояльно торгуют вот с людьми. И откровенно вымирающие драконы...

И я, не имеющая никакого понятия, что с этим всем делать. И каким серым гоблином этот мир можно объединить в принципе?!

В момент, когда Аджана радостно рассказывала о столице, в которой те самые висячие сады в семь-десять ярусов, раздался стук в дверь, после чего послышался голос Эдогара, сообщившего о прибытии снежных светлых я так понимаю монахов.

Но даже эта новость не заставила меня собраться, как впрочем и нежелание снежных войти во дворец, который создала по их мнению Тьма. Но ничего, я не гордая, поэтому приказав Эдогару переправить Аджану к свободным островам, отправилась на встречу с воинами гор.

* * *

Пройдя по уже традиционно истыкаемым копиями пространству, я спустилась на самый нижний уровень дворца и вышла на террасу, откуда открывался вид на более чем две сотни условно монахов. Видимо в противовес явившимся по моему указу, на самой террасе сверкали готовые применить магию в любой момент стражники, все эллары из моей канцелярии, имя которых начиналось на Э и Ю, что свидетельствовало об обладании магией, так же находились здесь, готовые в любой миг защитить свою императрицу.

Я же, гордо и величественно ступая, подошла к самому краю лестницы, свысока оглядела напрягшихся снежных и... и на этом мой запас сил кончился. Презрев все нормы и морали, а так же напрягшихся и явно выступающих против моего произвола сопровождающих, я спустилась по десяти ступеням, устало села на последнюю, оглядела стоящих полукругом явно потрясенных таким поворотом событий братьев Льда и удрученно

спросила:

— Как вы здесь выживете?

До меня просто только сейчас, начало доходить очевидное. «Это реалии моего мира, Катрина. Мира, в котором четыре пятых всех ягод — отравы, две трети насекомых — ядовиты, гниль пожирает изнутри, а любая ошибка становится фатальной». Я тогда решила, что я поняла все. Но оказалось нет — я использовала полученную мудрость лишь в отношении политики.

А проблема была глубже.

Проблема в принципе оказалась гораздо глубже.

— Это не ваш мир, — прошептала я, — и этот мир вас ненавидит, искренне и откровенно.

Я заметила, как напряженно переглянулись снежные, но отметила это лишь где-то на границе осознания. Я думала о другом — о том, что к примеру ел кесарь. Пища была переработана, цвет ее был изменен практически до неузнаваемости. Здесь не было натуральных тканей, то что видела я, было создано определенно не из льна или шерсти, это было что-то иное, явно магически созданное. И в то же время — я видела человеческих рабов одетых в плохо выделанную льняную пряжу... И я видела то, что едят местные гигантского размера гномы — простую еду, никаких перетертых и приготовленных до неузнаваемости продуктов... И сад. Тогда, гуляя здесь с Акьяром, я даже не подумала, а ведь он произнес крайне примечательную фразу «Это магически созданный сад, хищная живность обычно избегает подобных мест».

И до меня лишь сейчас дошел тот факт, что все, причем абсолютно все светлые селятся либо на территориях Великих дворцов, либо в непосредственной близости возле них. Я была убеждена, что причиной тому является отсутствие дорог, но похоже ошиблась — слабые светлые держались ближе к сильным элларам похоже исключительно по одной причине — так было безопаснее.

— Пресветлая императрица, — покашляв, привлек мое внимание один из монахов.

В смысле на монахов они не походили вовсе, конечно, это были суровые воины в меховых плащах, по большей части белых, отличающиеся гораздо более широкими плечами чем все иные эллары, имевшие поголовно белый цвет глаз и носящие хвосты из сотни заплетенных косичек на затылке, а также слегка искрящиеся белой магией, но... учитывая озвученное леди Вэнтэр они были монахами, или чем-то вроде. А значит вполне годились для выслушивания моих страдальческих мыслей.

— Все ужасно, — честно сообщила я обратившемуся ко мне монаху. — Все просто ужасно.

И брат Льда, не остался глух к моим страданиям. Он, выйдя из строя ему подобных, подошел, сел рядом и участливо спросил:

— Что именно, пресветлая императрица?

Я развела руками, подбирая слова, и в итоге они полились почти нескончаемым потоком:

— У вас нет ни экономики, ни внедренного законодательства, ни дорог, ни системы налогового обложения, вас ненавидит весь этот мир, причем столь рьяно, что старается уничтожить любым способом, даже яблоки вам травит так, что смотреть страшно. Смешно сказать — целая река явственно демонстрирует эларо и тенетро убийственные намерения, отчаянно защищая людей. О, Великий Белый Дух, расскажи я что-либо подобное на совете Альянса Прайды айсир Хайто и прочие правители попадали бы с мест от неудержимого истеричного смеха... Но вот я здесь, и то, о чем невозможно даже подумать — просто суровая реальность! Как это понять и принять?! Как с этим работать?! У меня всего год на создание крепкой сильной единой империи, а у вас тут похоже многовековая война без правил даже не с людьми, гномами и самими собой — вас сам мир ненавидит до невозможности! — а затем, искоса взглянув на участливо внимающего мне брата Льда, обиженно заявила: — Да еще и вы предатели!

Льдистый вскинулся было, но прежде чем он заговорил, я категорично ответила:

— Здесь из явно противодействующих только две стороны — Эрадаррас и Тэнетр. Светлые и темные. Все, других вариантов нет! А вы взяли, и всей своей излишне мускулистой компанией предали Эрадаррас, просто ушагав в горы, когда ваш император нуждается в вашей помощи. И это предательство, уважаемый пресветлый брат Льда, пусть пассивное, но предательство. И вам с этим жить. Пусть даже в ваших горах, хотя я понятия не имею что там можно делать, в этих вечно голубых снегах.

Терпеливо выслушавший меня монах, свирепо раздувая ноздри, зло произнес:

— Это не НАШ император! В нем течет кровь темных!

— Серьезно? — я повернулась к нему и издевательски поинтересовалась: — А где были вы, великие и могучие воины Голубых Льдов, когда этот арахнид... ммм в смысле Архагарандар Властитель Ночи умыкнул вашу светлую императрицу и надругался над ней?

Лицо сидящего на ступени рядом со мной пресветлого окаменело.

— Где были вы, многочисленные и непревзойденные воины, когда он,

огромный сильный мужчина, ломал сопротивление отчаянно надеющейся на спасение юной пресветлой эллары?

Я протянула ему свою руку, дернув рукав платья вверх и продолжила:

— Посмотрите на мои руки, уважаемый пресветлый Снежный воин, — вы видите насколько тонкие у меня запястья, насколько слабы пальцы. Сравните с вашей рукой, а после ответьте мне, что слабая женщина, может противопоставить возжелавшему ее мужчине?

Ледяной бросил взгляд на собственную ладонь — внушительную, раза в три превышающую размер моей, на проступившие от частого напряжения вены, на отчетливо заметные мышцы. И спрятал ее под полый мехового плаща.

Что ж, я тоже натянула рукав, а после добавила:

— То, что Элисситорес была пленена не ее бесчестье — а ваше. Исключительно ваше. Вы не защитили свою императрицу, вы не спасли ее, вы ее бросили. И после этого заявлять, что рожденное дитя не ваш император — просто мерзко. Мы имеем тех правителей, которых заслужили. Вы своим бездействием и слабостью, заслужили императора с примесью темной крови. Примите это с честью и смойте с себя позор трусливого невмешательства!

Они все стояли, потрясенно и как-то даже виновато глядя на меня. Но тут из задних рядов раздалось:

— Элисситорес обязана была убить это дитя, едва оно появилось в ее чреве!

— С чего бы? — повысив голос, поинтересовалась я. И продолжила так же громко, и не менее издевательски: — Знаете, интересная попытка перекинуть всю вину на жертву. Потрясающе просто! Значит из-за того, что вы ее не сумели защитить, она пострадала и испытала то, чего я бы не пожелала даже врагам — насилие. Жестокое, издевательское насилие. И вы же, те кто обязан был, но не спас, не защитил, требуете, чтобы она, жертва, еще и убила собственное дитя. С какой стати вы решили, что за ваши ошибки и вашу трусость, расплачиваться должна вновь она?! Пресветлые, это какая-то извращенная мораль, вы не находите? И вот если бы я лично оценивала вас по вашим высказываниям, то могла бы с уверенностью утверждать, что передо мной стоит кучка ленивых, трусливых, лживых и не готовый принять на себя ответственность озабоченных темных!

Эллары окаменели, став как-то разом выше, прямее и суровее.

Но если бы они были главной моей проблемой, увы нет. Я с ужасом осознавала, что за год, построить единую могучую империю становится все более и более невыполнимой задачей. И ее мне стало отчетливо ясно,

почему для элларов были построены магически созданные дороги, с таким уровнем защиты, что любой иной ступивший на них превращался в пепел... И тут же, сходу, я вспомнила как сама вступила на светлую вымощенную камнем дорогу... и в пепел я не превратилась... Я теперь светлая?

Глухо застонав, спрятала свое бледнеющее лицо в ладонях. Я — эллара. Следовало бы догадаться раньше, возможно... К примеру, еще тогда, когда после укуса кесаря так стремительно начала бледнеть моя кожа... Или когда во дворце мне не довелось узреть ни единого зеркала. Или... А, впрочем, какой смысл винить себя? У меня толком не было никаких исходных данных, чтобы прийти к нужному выводу.

— Пресветлая императрица, вам плохо? — осведомился сидящий рядом со мной видимо глава братства Льда.

— Очень, — прошептала я.

Знала бы я, что за этим последует — возможно промолчала бы.

Но братство Льда, то есть как я понимаю его верхушка, вдруг сделала невероятное заявление:

— Мы знаем, что вы стали предметом желания принца Ночного Ужаса! — заявил кто-то в толпе.

— Мы искупим свою вину! — добавил еще один из снежных.

— Мы защитим вас, — негромко, но очень решительно сказал сидящий рядом со мной глава братства.

И я конечно была очень расстроена, но внезапно поняла, что теперь никто не будет тыкать копьями воздух вокруг меня и подумала — а почему бы и нет? Все же такая военная мощь где-то в горах пропадает даром, а тут будут при деле.

— Айсира Катриона, — протягивая руку сидящему рядом со мной воину, представилась я.

— Светоч Экхатар, — ответил он, осторожно пожимая мою ладонь.

А затем встал, чтобы резко опуститься на одно колено, чему последовали и все остальные снежные, и на пороге кесаревского радужного замка раздались слова клятвы, из которой я лично мало что поняла, кроме того, что теперь все они будут служить мне до последней капли крови. Отстраненно подумала, что я только что уела кесаря и обзавелась личной гвардией...

Причем судя по тому, что на этих пресветлых были такие же плащи, как на тех, которые под полными надежд взглядами напали на кесаря, гвардия у меня вовсе не слабенькая, а очень даже вполне приличная.

В эпический момент завершения произнесения клятвы появился

Адрас. Принц Мрака несколько опешил, моя снегольдовая охрана несколько угрожающе засверкала, я же величественно поднявшись, представила народ друг другу:

— Великие пресветлые стражи, познакомьтесь, это наш темный брат. Ваше темнейшее высочество принц Мрака, познакомьтесь — это великие воины, что отныне станут верной охраной своей пресветлой императрице.

После чего я подала руку поднявшемуся при появлении Адраса пресветлому Экхатару и шепотом призналась:

— Знаете, в моем мире после подобных клятв полагается закатывать как минимум обед, как максимум пир, а у вас как принято праздновать великие союзы?

— В молитвах и уединении! — гордо отвечивал монах.

Посмотрев на него со смесью сомнения и удивления одновременно, предложила компромисс:

— А давайте разок попробуем отпраздновать, по-моему? Для вас это будет чем-то новеньким, а я просто жутко голодная, м?

Великую трапезу организовали в одном из находящихся на первом этаже залов дворца, имевшем вид террасы с полукруглыми выходящими на сад арками. Мне очень повезло, что магия пресветлых позволяла создавать предметы, иначе столов на всех бы не хватило, а так вскоре за массивными длинными столами расселись мои новые охранники из Ледяного братства, все мои работники канцелярии, приглашенный лично мной Юранкар, за которым Эдогару пришлось смотаться и несколько представителей его полулегального братства. Я просто решила, что толпу мужиков если что-то и может объединить, то исключительно совместная попойка. По крайней мере в моем мире, но посмотрим, может что-то выгорит и в этом.

Мне же накрыли за отдельным столиком, куда я пригласила Эдогара, Акьяра, Юрданара и естественно нашего ледяного Экхатара. Снежны несколько занервничал, узрев что сесть ему придется за один стол с неверными... в смысле темными, но я посадила его справа от себя, как защитника и покровителя, и пресветлый преисполнился гордостью и доверием. Рядом с ним сидел Эдогар, следом Юрданар и уже по левую руку от меня за этим круглым столом сел Адрас. Принц был заметно задумчив, и едва подали вино, я все же спросила:

— Что случилось?

Помедлив мгновение, исключительно для того, чтобы оглядеть присутствующих за нашим столом, темный в итоге решил, что все свои и просто устало уведомил:

— Это была ловушка. Все его горное убежище, оказалось ловушкой.

— Мдам, — протянула я, — жаль горы.

На меня несколько недоуменно взглянуло сразу четыре пары глаз — и серые на белом фоне и красные на черном.

— Только горы? — переспросил Адрас.

Пожав плечами, равнодушно ответила:

— Там был кесарь, соответственно едва ли пострадал кто-либо еще. — И мгновенно поинтересовалась: — Я права, не так ли?

Адрас галантно склонил голову, подтверждая.

Затем, спустя один бокал вина, который тут же был вновь наполнен рабынями, принц Мрака вдруг произнес:

— Катрина, ваша вера в Араздена не может не восхищать. Счастлив мужчина, чья женщина настолько уверена в его силе.

Медленно попивая вино, отстраненно заметила:

— В силе, безжалостности, жестокости, решительности, упорстве, готовности идти до конца и никогда, ни при каких условиях не сдаваться... Так что там с горами?

— Несколько разрушены до основания, остальные повреждены, — уведомил Адрас.

Пожав плечами, произнесла:

— Как уже было сказано — жаль горы.

После чего, доев бутерброд с рыбным жуткого вида паштетом, я перешла к сути сегодняшнего собрания.

— Итак, лорды советники, — откинувшись на спинку стула и держа в руках едва ли початый бокал вина, начала я.

«Лорды-советники» были явно неготовы принять на себя подобное звание, но кто их спрашивать будет, обозвала и точка, дальше пусть сами выкручиваются.

— Мы начнем с главного, — продолжила я, — того, что потрясло меня до глубины души — этот мир вас, мягко говоря, не одобряет!

«Неодобренные» переглянулись. Между тем в зале начинал нарастать шум, снежные поднимали тосты, темные пили, мои канцелярские работники не отставали, стражи у дверей откровенно завидовали. Адрас, заметив, что я несколько поморщилась, от слишком громкого шума разговоров и выкриков, грациозно провернул ладонь, словно очерчивая круг в воздухе и самым невероятным образом вдруг стало тихо. Для нас тихо. Судя по движениям губ и в целом всех остальных приступивших к активным возлияниям, они себя продолжали преотлично слышать, а вот у нас воцарилась блаженная тишь раннего вечера, стрекот далеких кузнечиков, трель певчей где-то в саду птицы, плеск воды в озере, шелест

листвы деревьев...

— Спасибо, — искренне поблагодарила я.

Адрас лишь улыбнулся в ответ, демонстрируя, что ждет продолжения моих слов. И я продолжила прямым вопросом:

— Как в целом светлые и темные попали в этот, весьма враждебный к вам мир?

Эдогар и Юранкар промолчали, но так, словно позволяли тем, кто был выше по положению высказать свою версию. Адрас так же не спешил говорить, более того, учтиво полу склонил голову, предоставляя слово Экхатару.

Пресветлый ледяной брат начал с тяжелого вздоха, из-под кустистых белых бровей бросил напряженный взгляд на меня, а затем сказал невероятное:

— Есть те, кто способен ходить тропами звезд...

— Кесарь? — уточнила я.

На меня глянули уже с нескрываемым неудовольствием, и монах продолжил в том же эпическо-пафосном духе:

— Те, кто способен убивать взглядом...

— Кесарь, — уже уверенно сказала я.

Взгляд ледяного брата стал еще суровее, но продолжил он так же пафосно:

— Те, по чьей воле гора способна вмиг сравняться с землей...

— Да я же говорю — кесарь! — не выдержала уже я.

— Нет, Катрина, пресветлый Экхатар имеет ввиду высших, — мягко подсказал Адрас.

Собственно, пресветлый ответил на это полным благодарности кивком темному принцу, которого по идее ненавидел, и вскинул руку. Тот час же над ней запылали четыре точки, расположенные крестом, они увеличивались, формируя четыре планеты.

— Тримиан, — сообщил потрясенно взвизгивающей на это все мне пресветлый Экхатар. — Величайший мир, состоящий из четырех связанных между собой планет.

Верхняя планета в имеющемся кресте вспыхнула ярче, привлекая мое внимание. Притягивая все мое внимание!

— Высшую точку Тримиана именовали Звездный дом, — продолжил пресветлый. — Это был странный мир — планета, полностью покрытая водой, и островки суши, удерживаемые облаками и силой, что окружала этот мир, заставляя его сиять, наделяя невероятным могуществом его жителей, питая магией два остальных мира.

— Два? — уточнила я.

Просто оставшихся миров в этом кресте было три.

— Два, — подтвердил Экхатар.

И в удерживаемой им наглядной конструкции стало отчетливо видно, что три верхних мира были связаны энергией, которая циркулировала как по равнобедренному треугольнику. Нижнему миру не доставалось ничего из этой силы...

— Жители верхнего мира, обитатели Звездного дома — именовались высшими, — продолжил пресветлый. Два иных мира носили названия Эрадаррас и Тэнетр.

— А нижний мир? — тихо спросила, уже начавшая догадываться обо всем я.

— Никак, — не скрывая иронии подтвердил мое предположение Адрас.

Протянув руку, я осторожно коснулась пальцем той самой нижней планеты. Я уже поняла, где мы сейчас находимся. Поняла со всей очевидностью.

— Мои предки возомнили себя богами, — очень тихо сказал пресветлый Экхатар. — Но истинные боги населяли Звездный дом и они не простили... Это была бойня. Одни города опускались на морское дно, унося жизни всех своих жителей, другие взмывали в небеса, столь резко, что даже те, кому удавалось зацепиться за пронизавшие жилища горы, захлебывались собственной кровью в разреженном воздухе... Спасти удалось лишь тем, кто находился в столице светлой империи. Ценой собственной жизни великий император Амир Элларас из рода Ашери, открыл портал в нижний мир. Я читал старые, написанные на языке древних летописи, в которых описывались воспоминания очевидцев тех событий. Все они как один свидетельствовали, что мир наших предков, тот, что освещало лишь одно светило, был полностью уничтожен.

И маленькая планетка в кресте миров взорвалась, разделившись на сверкающие части, исчезнувшие во мраке иллюзии... Бах и все...

Из услышанного я сделала один очевидный вывод — короче светлых отсюда выставить не удастся. Что печально.

Второй вывод явился на долю секунды позднее и я сделала очевидное замечание:

— Звездный дом населяли тупые, неадекватные самовлюбленные гоблины.

— Нет, его населяют высшие, пресветлая императрица, — поправил Эдогар.

— Определенно гоблины. Причем тупые, неадекватные и самовлюбленные. — И тут же обратилась к Экхатару: — Итак, вы оказались на Сэтарене. Что было дальше?

Пресветлый, потрясенно взглянув на меня, сдавленно переспросил:

— На Сэтарене?

— Да, — кивнула я, и сделав еще глоток вина, пояснила: — Кесарь обозвал мой мир, я его, мы квиты. Так что было дальше?

Пресветлый Экхатар странно поглядел на меня, затем продолжил:

— Безымянная планета взбунтовалась, едва мы начали строить Эрадаррас.

— О, я тоже взбунтовалась бы, начни кто-то менять мое имя и меня са... — начала я и осеклась.

Потому что изменили. И меня саму, и мое имя, но... Но разве это уже имеет значение?

— Взбунтовалась в каком смысле? — тихо спросила я, стараясь не думать о том, насколько мы с этой планетой кажется похожи.

— Небо начало источать яд, — произнес Экхатар, — но эллары адаптировались к нему.

Я вдруг вспомнила о том, сколько раз мы... в смысле люди там, и всяческие короли, а вовсе не мои предки... в смысле если бы в этом были замешаны мои предки, их потомков и соответственно меня бы уже не было, но не в этом суть — кесаря пытались отравить. Много, неисчислимое количество раз. Но он немислимым образом переваривал любой яд. Начинаю понимать почему — это у элларов в крови.

— Дальше, — попросила я.

— Планета притянула то, что осталось от нашего прекрасного мира и использовав притяжение Черной Звезды выпустила из недр Эхею, разделив территории надвое, — продолжил пресветлый.

Надвое? Я вспомнила рассказ Юранкара о людях на Тэнэтре и поняла — там людей больше. Гораздо больше, чем здесь, на этой половине. Более того, теперь я знала, что людям пересечение Эхеи не грозит ничем, и возникает вопрос — для чего эта удивительная планета сама себя расколола? Она спасала людей. Она просто сделала все, для того, чтобы спасти людей... Она еще не знала, что на свободные территории хлынут темные.

— К слову вопрос, — я повернулась к Адрасу, — а чем ваша раса не угодила высшим?

— Это... долгая история, Катрин, — внезапно попытался уйти от ответа мой фактически деверь.

Удивленно приподняв бровь, я, немного поразмыслив, пришла к выводу:

— На этой планете вы появились гораздо позднее светлых, не так ли? Так же, могу предположить, что ваша численность значительно, причем крайне значительно превосходит численность пресветлых. И, судя по вашей попытке замять тему, бегством вы это не считаете.

Адрас выслушал меня с улыбкой, а затем спокойно спросил:

— Исключительно из любопытства — как вы пришли к выводам о нашей численности?

Ответила предельно честно:

— Армия элларов массово использует людей, но в армии Тэнетра я не заметила ни одного представителя человечества.

Принц Мрака приподнял бокал, отсалютовав мне в знак признания моей правоты, и произнес:

— Темные по численности превышают элларов примерно в двадцать раз.

С шумом выдохнул Эдогар, прикрыл пустые снежные глаза, переживая потрясение Экхатар, кивнул, подтверждая информацию Юранкар, ничуть не удивленная я, вернулась к тому, с чего начали:

— Значит запланированное отступление? — и я в упор посмотрела на Адраса.

Темный, улыбнувшись мне, произнес:

— Катрина, мое нежелание рассказывать вам эту историю, основано лишь на опасении, что вы, фактически эллара, а светлые берегут своих женщин от подобных историй.

А вот это уже удивило.

— То есть в деле замешана женщина, — мгновенно догадалась я.

Адрас едва заметно улыбнулся, отпил глоток вина и задумчиво разглядывая как свет, преломляясь, отражается в хрустальных гранях, произнес:

— Темные редко познают любовь. Нам доступны страсть, желание, наслаждение от обладания...

— Гхм! — раздраженно призвал к порядку Эдогар.

Однако, словно не заметив этого, Адрас так же задумчиво продолжил:

— Но любовь, чувство абсолютного единения с той, под чье дыхание невольно подстраиваешься, чьи мысли являются отражением твоих собственных... — он перевел взгляд на меня и тихо добавил, — недостижимая мечта.

Он помолчал, вновь переведя взгляд на собственный бокал, и тихо

продолжил:

— Любовь — дар, самый бесценный для любого из детей Ночи. И потому, когда в сердце принца Ночи распустился огонь любви, старейшины приняли решение о спасении моего народа.

Что?!

— В смысле? — совершенно ничего не понимая, спросила я.

Вновь глянув на меня поверх бокала, Адрас объяснил:

— Принц Ночи полюбил женщину высшего.

Что ж, после этого я промолчала. Я молчала долго и старательно. Потрясенно глядя в свой бокал и надеясь найти там хоть какой-то ответ на тему: «До какого гоблина надо было быть настолько тупым, чтобы позариться на бабу одного из тех, кто запросто взял и целую планету уничтожил исключительно из-за оскорбления своих тонких тщеславных чувств!». Нет, определенно после этого у меня даже тени сомнений в том, что мы завоюем Тэнетр не осталось. Их в принципе и так особо не было, но теперь то...

— В вашем мире любовь ценится меньше? — вдруг поинтересовался Адрас.

— Ценится?.. — переспросила я.

Помолчала, и глядя исключительно в собственный бокал тихо ответила:

— Власть — это ответственность. Ответственность за свой народ, за благополучие зависящих от твоего правления людей, за наследие предков.

Помолчав, я продолжила, вопросительно произнеся:

— Любовь?.. Несомненно, дар... — отголоском боли, мне вспомнились серые глаза Динара, я подавила это воспоминание и продолжила: — Но у всего есть своя цена. И если ценой выступают жизни близких и тех, кто зависит от тебя... Да о какой любви может идти речь, если на кону миллионы жизней?!

Выпив вино почти до дна, я честно призналась:

— В моем мире, «старейшины» или иные власть имущие, приняли бы совершенно иное решение. Такое, после которого упомянутый принц Ночи, если уж был настолько безголовым, мечтал бы исключительно о воссоединении этой самой головы с телом. Секунд так двадцать... Или сколько там в целом умирают темные?

Мне не ответили, за моим круглым столом царило потрясенное молчание, а темные, равно как и светлые, смотрели на меня откровенно потрясённо. Я могла бы взглянуть не менее потрясенно в ответ, особенно если учесть, то что мне уже было известно и о светлых и о темных, но

какой смысл. И едва рабыня вновь наполнила мой бокал, я задала всего один вопрос:

— Истинный Тэнетр уничтожен?

Адрас молча склонил голову.

— Помянем, — мрачно сказала я, делая большой глоток вина.

И не пьянея ни капли, мрачно посмотрела на ту сверкающую модель Тримиана, что все еще светилась, созданная главой Ледяного братства. Это, конечно, больше был не крест миров. Увы. Теперь мы имели лишь верхнюю и нижнюю планету. И проблему. Еще пока не явную, но являющуюся лишь вопросом времени. Потому что, насколько я поняла, высшие не терпят ничьих попыток сравняться с ними в их божественной силе. А начало всей этой застольной беседы уже недвусмысленно давало понять, по крайней мере мне, — кесарь Бог.

И не то, чтобы я была крайне сведуща в теологии, но, боюсь, мои выводы были абсолютно верны. И подозревая жестом одну из рабынь, я, мило улыбаясь, приказала:

— Доставить в мою спальню двести-двести пятьдесят тарелок, так же не буду возражать против примерно ста бокалов, и, пожалуй, парочки бутылок вина. В конце концов, полагаю, именно парочка бутылок вина придаст семейному скандалу как минимум оттенок грандиозности, вы со мной согласны?

Рабыня выразить согласие не посмела, как, впрочем, и возразить хоть в малейшем.

Я же, вооружившись пером и бумагой, переданным мне по моей просьбе Эдогаром, начала с главного:

— Лорд Экхатар, по какой причине вы вмешались во внутренние дела Снежного дома?

* * *

К тому моменту, как появился кесарь, я уже допивала вторую бутылку вина, вольготно устроившись на нашей, увы, совместной постели. Рядом с ней ровными стопками высились заготовленные для скандала тарелки, белые, судя по виду фарфоровые, если тут конечно есть фарфор, по другую сторону от все той же кровати таким же образом высились хрустальные, искрящиеся от сияния зажженных свечей бокалы. Да, я была во всеоружии.

— Я вижу, — ледяным тоном уведомил меня кесарь.

— Я рада! — ответила, салютуя ему бокалом.

Великий Араэден сопровождал это мое действие пристальным взглядом злых суженных глаз, а едва я вновь наполнила свой бокал из бутылки, что продолжала держать в правой руке, в то время как левая была занята собственно бокалом, начал медленно расстегивать пуговицы на от чего-то мокрой рубашке.

— Итак, — произнес он, делая шаг к сидящей мне, — я вижу, нежная моя, ты воистину жаждешь... побеседовать.

Выразительно обвела бутылкой и бокалом окружающее пространство, после чего кивнула, и сделала, между прочим абсолютно обоснованное, заявление:

— Нам конец!

Кесарь, остановился, несколько странно поглядев на меня, после чего, вновь возобновив как движение в направлении постели, так и неторопливое расстегивание собственной рубашки, с плохо скрываемой иронией, поинтересовался:

— И чем же обосновано твое заявление, нежная моя?

Пьяно отсалютовав императору, громко возвестила:

— За нового... — тут я подумала, что кесарь определенного не новый.

Решила исправиться и начала было:

— За молодого...

Вспомнила, про то самое пафосное торжество в честь его трехсотлетия, которое всеми королевствами праздновали в прошлом году, и поняла, что тоже не подходит.

— За становление нового... — с этой фразой тоже было что-то явно не так.

Молча выпила еще глоток вина, вздохнула и спросила:

— Мой кесарь, что вам известно о высших?

Араэден подошел, снял с себя расстегнутую уже рубашку, после сапоги, затем поднялся на постель, прошел по ней и опустился передо мной. Сел, молча отобрал у меня бокал, сделал глоток и спросил:

— Что ты имеешь ввиду, напуганная моя?

— Напуганная? — растерянно переспросила, глядя как кесарь делает еще глоток вина.

— Именно, — подтвердил император, движением головы отбрасывая на спину влажные платиновые волосы. — Ты пьяна, но в твоих глазах ни намек на безрассудство, ты пытаешься говорить громко, но практически шепчешь, и язык... Кари Онеиро, звезда моего сердца, ты говоришь на оитлонском, а значит опасаясь быть услышанной кем-то, кроме меня. Что напугало тебя, нежная моя?

Я хотела ответить, но почему-то мысль зацепилась за совсем иное:
— Кари Онеиро... — проговорила я. — Черная звезда, разделившая эту планету на две части...

Несколько поморщившись, кесарь тихо произнес:

— Разделившая мою жизнь на до и после.

Под его внимательным взглядом, я опустила свой собственный, но лишь на миг. Уже в следующий, я задала вопрос, который открыто могла задать только кесарю:

— Почему высшие увидели противников в элларах?

Снисходительно улыбнувшись, Владелец Эррадараса слегка насмешливо поинтересовался:

— Уже не считаешь их тщеславными гоблинами, нежная моя?

— Вы постоянно за мной следите? — несколько враждебно поинтересовалась в ответ.

Кесарь ответил все той же полуироничной-полуснисходительной улыбкой, которой улыбался, кажется, лишь мне. Или это все вино и я просто напилась до гоблинов.

— Ты знаешь ответ, — произнес вдруг кесарь, улыбаясь уже несколько иронично.

— Вы сейчас о высших или ваших улыбках? — уточнила я.

— Первое, — вновь делая глоток вина, пояснил император. — Что касается второго... полагаю, мне следовало бы давно прояснить этот вопрос... но не будем о грустном.

Не будем, так не будем. И я перешла к главному:

— Нам конец!

Все так же иронично улыбаясь, кесарь сделал глоток вина, и неожиданно предложил:

— Сдадимся без боя?

Раздраженно глянув на него, отобрала бутылку, поднялась, сходила за вторым бокалом, вернувшись рухнула на подушки, и налив себе вина ехидно заметила:

— Сомневаюсь, что высшие примут нашу капитуляцию.

Правда с попыткой выпить ничего не вышло — прическа, полураспущенная еще ранее, окончательно распустилась, отказываясь держать себя в рамках тех нескольких шпилек что все еще имелись на моей голове, и теперь одна прядь совершенно бесовским образом свесилась на мое лицо, несколько мешая попытке бывшей Оитлонской наследницы банально спиться.

— Пфф, — дунула я на прядь, но ей это нисколько не помешало

мешать мне и далее.

Катриона, ты напилась и скатываешься в тавтологию!

— Мой кесарь, — предприняв еще одну попытку избавиться от волнистого локона попыткой сдува, позвала я. — Вы не могли бы, одно мгновение, снова поддержать бутылку?

Владелец Эррадараса молча протянул руку, но вместо того, чтобы лишить как я и просила меня собственно бутылки и тем самым освободить мою руку, как-то очень нежно отвел прядь, открывая мое лицо, скользящим движением коснулся щеки, задержался на подбородке и как-то бессильно уронил ладонь.

Я встревоженно проследила вот за этим его движением, нервно сделала глоток вина и напряженно спросила:

— Что-то не так, мой кесарь?

Сама поняла, насколько идиотский вопрос задала, усмехнулась и добавила:

— Помимо того, что вам, как я понимаю, не удалось преодолеть Эхею и Акьяр все еще жив, ну и конечно опустив предстоящее сражение с высшими.

— Преодолеть Эхею? — задумчиво отозвался император. В его льдистых глазах промелькнуло что-то странное, словно ускользала какая-то мысль, после Арразден произнес: — Ты имеешь ввиду мокрую рубашку?

Улыбнулся, и пояснил:

— Это не воды Эхеи, нежная моя. Эллар, коснувшийся вод Эхеи теряет магию на месяц как минимум. Возможно, — он задумчиво смотрел на меня, — возможно, сейчас с новыми способностями, мне стоило бы попытаться... но ты как никто осознаешь — это не то, что я мог бы себе позволить.

Вот тут я была с ним полностью согласна, чего-чего, а такой глупости как потеря магии, пусть даже временная, кесарь себе точно не мог позволить. Как минимум по той причине, что это станет мгновенным приговором и для него, и... для меня.

— Именно так, — немного устало подтвердил император.

Мне в целом во всем этом что-то не нравилось. Впрочем, говоря откровенно — мне все здесь не нравилось, но по крайней мере для меня это был «ад номер один», а для кесаря, похоже «ад номер два».

— Ты не права, нежная моя, для меня это дом. Это мой мир.

— И рано или поздно его разрушат, — сделала я крайне оптимистичное заявление.

Кесарь едва заметно улыбнулся.

— Полагаете, я не права? — с хмельной воинственностью поинтересовалась я.

И так как ответа на мой вопрос не последовало, подавшись к императору, зло отчеканила:

— Рано или поздно, хотя, зная вас и меня — скорее рано, чем поздно — мы подчиним Тэнетр, распространив свое влияние на весь Нижний мир. И рано или поздно, высшие узнают об этом. Я убеждена, что узнают. Я не зря назвала их тщеславными гоблинами — ведь ваши высшие тщеславны. Тщеславны настолько, что в один прекрасный день, если не уже, озаботятся к примеру тем, почему на новой светлой территории нет ни одного храма!

Кесарь продолжал молчать, внимательно глядя на меня. Я же продолжила говорить, раз уж мне предоставили такую возможность:

— И учитывая перспективу, возможно нам стоит договориться с темными? Их, как минимум, больше. Я так понимаю — как маги они и многочисленнее и сильнее. И в случае...

— Нет, — холодно прервал меня император.

Ну и ладно.

Сделав глоток вина, продолжила:

— Возможно, в таком случае мы заключим договор с орками? Насколько я поняла из беседы с Тэхарсом, орки достаточно многочисленны и развиты, по крайней мере у них хватает мозгов на разведение скота и применение собственной магии и...

— Нет, — обрубил и эту идею на корню кесарь.

Я мрачно воззрилась на него, разглядывая хищные черты властного лица, полные тщательно скрываемой ледяной насмешки глаза, слегка искривленные в саркастичной усмешке губы, все еще мокрые пряди волос, редкие капли с которых стекали на широкие плечи властителя Эррадараса и следовали вниз по идеальному, даже для создания его лет, телу. Внезапно поняла, что люблю природой. Здесь не было Аршхана, который мог уличить меня в этом, и...

Стоп. А собственно, почему здесь не было Аршхана, в том смысле, что ракардов?

— Все достаточно просто, нежная моя, — все с той же усмешкой глядя на меня, произнес кесарь, — ты видела гномов?

Я неуверенно кивнула, напряженно пытаюсь понять, на что он намекает.

— Орки массивнее, — пояснил император.

— И когда элларов останавливали подобные мелочи? — с откровенной издевкой поинтересовалась я.

Кесарь хотел было ответить, но тут лично мне вспомнился владелец Туманного дворца, и собственно сыновья лорда Таграна. Араэден, считавший эту мысль, усмехнулся и произнес:

— Если рассматривать в подобном контексте, то да, признаю твою правоту, нежная моя.

Я победно отсалютовала ему бокалом, сделала глоток вина и почему-то в голову полезли скабрзные мысли, на тему, а было ли у кесаря что-то с орчанками...

— Не смей. — Но почему-то скорее иронично, чем угрожающе потребовал император.

Или с гномками?.. Я представила себе ту самую могучую бородатую девушку с выдающимися объемами и...

— Кари. — Теперь звучало на порядок более сурово.

И как минимум с дриадами, у кесаря точно что-то было. А если учесть, что они лесные воительницы, то это самое что-то несомненно происходило в лесу и...

— Нежная моя!

Да-да, конечно, мне не полагается видеть книг с похабными картинками, раздетых гаремов и собственно, похоже, в принципе задумываться о подобном. Идеальный лично ценный вывезенный из другого мира кадр должен быть безукоризненно и безупречно целомудренен и непорочен.

— Помянем! — провозгласила я, и махом допила вино.

— Кого? — холодно поинтересовался кесарь.

Не отвечая на его вопрос, я вручила императору бутылку и целенаправленно поползла к кровати, в стремлении узнать, что с Элисситорес. Просто мысли о разврате и прочем, в конечном итоге привели к напоминанию о событиях сегодняшнего утра и собственно знакомству с этим самым покинутым кесарем гнездом сластолюбия и прочих пошлых излишеств, и соответственно ко всей ситуации и бегству моей новообретенной «матушки» в слезах. Но боюсь в данной ситуации цинизм был не ко двору, в смысле я действительно встревожилась состоянием пресветлой и даже не сразу обратила внимание на то, что меня мягко перехватили за талию, и еще мягче уложили на подушки. Просто существенно кружилась голова, потолок с изящной лепниной и серебристыми узорами отличался мягко говоря нестабильностью и...

— С моей матерью все хорошо, нежная моя, — произнес устроившийся на боку в несомненно бесстыдной близости кесарь.

— Вы уверены? — переспросила с нескрываемым подозрением.

И отстраненно подумала, что вторая бутылка вина была определенно лишней. Совершенно определенно. И теперь мысли уносились прочь, словно подхваченные ветром...

— Высшие, — напомнила я, собственно то, с чего началась эта беседа.

— Действительно, полагаешь, что я бог, нежная моя? — с легкой иронией поинтересовался кесарь, легко касаясь моего лица.

— О да, — закрывая глаза и ощущая, что медленно проваливаюсь в обволакивающее облако сонного тумана, прошептала я. — Вы жестокий бог Рассветного мира, губительный и лишенный жалости и милосердия. Но познав ваш собственный мир, мой кесарь, я вынуждена признать, что сильно опасаюсь того, что вы предельно добры и милостивы в сравнении с теми, кто, как я полагаю, собственно и породил что светлых, что темных.

— Напрасно, — отозвался император.

— Опасаюсь?

— Именно.

Зевнув, повернулась на бок, и уже окончательно проваливаясь в обволакивающий забытьем туман, выдохнула:

— Это следует понимать, как то, что вы превзошли в жестокости даже высших?

Ответа я не услышала.

И причиной этому был вовсе не сон.

При всем моем желании, не замечать столь очевидного, как к примеру рельефность испещренного символами подлокотника тускло сияющего серебряного кресла, в котором я оказалась, было бы глупо. Я и не стала, и гордо вскинув подбородок, посмотрела на того, кто собственно совершенно определенно не был сном, и несомненно являлся причиной моего появления в странном помещении. Удивительном помещении. Оглядевшись с нескрываемым интересом, я с удивлением отметила светопроницаемые темно-алые стены в форме смыкающегося в центре над моим креслом рубина, и лишь после взглянула на того, по чьей воле я здесь находилась.

Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу восседал на табуретке, но меня удивило не это. Главный арахнид Тэнэтра выглядел моложе, значительно моложе, чем несколько дней назад, когда мы с кесарем имели честь вести переговоры с противодействующей стороной. Моложе, я бы даже сказала — привлекательнее. Немногим шире казались плечи, немногим уже талия и бедра и существенно, крайне существенно отличался покрой одежды. Насколько я поняла, на темной стороне этого мира в моде была кожа, в основном черная, гладко выделанная. В камзолах из черной с багровыми вставками кожи во время переговоров пребывали и

сам император, и все пятеро его законорожденных сыновей. И даже Адрас, став нашим союзником, поверх привычной для Эррадараса шелковой рубашки носил кожаный жилет, что несомненно указывало на то, что именно этот материал принц Мрака считает действительно красивым. И потому столь сильно бросилось в глаза то, что Властитель Тэнетра предстал передо мной в тканевом мундире. Черном как ночь, с россыпью серебряной вышивки по окантовке, в странных сильно зауженных к низу брюках, и туфлях с зауженным же носком.

И если помолодевший внешний облик я еще могла отнести к возможно возникшему у темного владыки желанию произвести впечатление, то стиль и вид одежды не оставляли сомнений в том, что все происходящее собственно происходит не наяву. Соответственно — бояться мне было нечего. Абсолютно.

И это основательно нарушило планы, призвавшего меня темного.

— Я привык видеть страх, в глазах тех немногих, кому доводилось удостоиться столь великой чести, как моя личная аудиенция, — четко проговаривая каждый звук, произнес Архагарандар, практически испепеляя меня полным нескрываемой ненависти взглядом.

— Честь сомнительная, должна признать, — с милой улыбкой ответила я.

Взгляд Властителя ночи преисполнился ненавистью окончательно, но криков и угроз не последовало. Этот главный арахнид был умным мужиком, как ни крути, излишне эротично несдержанным, конечно, но умным, тут не поспоришь. И потому, вместо проклятий, которые темный несомненно с трудом сдерживал, я услышала преисполненное церемонности:

— Света тебе, пресветлая императрица Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана Элларас Ашери из рода Астаримана.

Поддержав игру, столь же церемонно ответила:

— Тьмы вам, Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу.

Он склонил голову, отвечая на приветствие, а затем, помедлив немного, произнес, все так же очень четко проговаривая каждый звук:

— Знаешь ли ты, кому отдала свое сердце, женщина?

— А это интересное начало аудиенции, — с нескрываемым восхищением, констатировала я. И просто не могла поинтересоваться: — Вы всем этот вопрос задаете?

Властитель Ночи хищно и практически угрожающе прищурился. Увы, сему уважаемому темному не было известно про те две бутылки вина,

вторая из которых была откровенно лишняя, да и первая, если честно, тоже. И, следовательно, он, как впрочем и я, совершенно не ожидали, что несколько нетрезвая императрица Эррадараса решит развить тему.

— Страшно представить, что творится в вашем императорском кабинете, — весело собственно развила тему я. — Это к примеру врывается к вам главнокомандующий войсками с донесением «Ваше претемнейшество, на границе враги!», а вы ему проникновенным голосом: «Знаешь ли ты, кому отдал свое сердце, мужчина?».

Стиснутые челюсти главы рода Архаэров сложно было не заметить.

Но меня несло все так же, и все по той же теме.

— Или к примеру осторожно проскользнувшая в ваши покои старая нянюшка, с сообщением о полной готовности припарки для ваших больных суставов, а вы ей...

— Достаточно! — отрезал Властитель ночи. — Я понял, к чему вы клоните, пресветлая императрица.

Потрясающе! В том смысле, что лично я совершенно не поняла, к чему клоню, просто момент показался до крайности забавным.

— Что ж, — едва не скрежеща зубами, продолжил Архагарандар, — если позволите, поставим вопрос иначе...

— Не позволю! — выдала я еще до того, как осознала, что произнесла.

В странном, едва ли существующем помещении, стало как-то сумрачнее. Абсолютно нетрезвая императрица Эррадараса мысленно прикусила свой язык, но боюсь было поздно.

— Ты!!! — стремительно теряя остатки былой сдержанности и церемонности, прошипел пришедший в ярость Властитель ночи.

И как пришел в эту ярость, так из нее и вышел — молниеносно. Поистине, глава рода Архаэров умел держать свои эмоции под контролем. И вновь изобразив тень искренности, покровительственным тоном сообщил:

— Я счел своим долгом, Кари Онеиро, раскрыть твои одурманенные страстью глаза и поведать тебе, женщина, о том, кого ты столь ошибочно избрала своим возлюбленным супругом.

В следующий момент кто-то расхохотался. Искренне, в отличие от некоторых темным, от души, и едва ли в силах сдержаться. Я просто не могла! Достаточно было только представить, как какой-нибудь бедняга явившись с донесением слышит в ответ: «Я счел своим долгом, раскрыть твои одурманенные страстью глаза»...

И мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы, перестав посмеиваться, с самым серьезным выражением лица вновь посмотреть на

Архагарандара Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу. Сказать, что темный готов был убить меня пусть даже взглядом, это не сказать ничего. Единственным чувством, которое явно испытывал ко мне Властитель — была ненависть. Яркая, жгучая и неистовая. А еще примесь брезгливого отвращения и тот взгляд свысока, который вызвал щемящую ностальгию по временам моих выступлений в Альянсе Прайды... в смысле те времена, когда я еще не была супругой кесаря...

— Что ж, вы успокоились. Это радует. И позволяет надеяться, на достойный диалог в дальнейшем, — отчеканил темный.

Я в свою очередь тоже позволила себе заметить:

— Сложно рассчитывать на достойный диалог, если учесть, что начинаете вы его с тщетных, бессмысленных и совершенно непонятных лично мне попыток раскрытия моих глаз и изъятия сердечной мышцы. Полагаю, честным с моей стороны будет признать, что я нахожу ваше поведение странным.

Властитель Ночи оцепенел от бешенства.

Несколько последующих секунд он тщетно пытался взять себя в руки, но все закончилось шипящим:

— Ты, отродье человеческого рода... — и он все же заставил себя умолкнуть.

Не обременяя себя подобным, язвительно заметила:

— Я могла бы ответить вам тем же, разве что заменив слово «человеческого» на более подходящее вашему случаю, но, видимо мне дали гораздо более лучшее воспитание, чем вам, и потому именно я в данной ситуации промолчу.

И высказав все это я улыбнулась. Крайне мило и очаровательно. Надеюсь. Учитывая изменения в моей внешности у надежды не было почвы для оснований, и все же. И продолжая все так же мило улыбаться, я поинтересовалась:

— Вы желаете продолжить?

Желание Властителя Ночи было столь явственно написано на его лице, что сомнений в его склонности к моему убийству уже не оставалось. Но что-то заставляло его сдерживаться, причем сдерживаться изо всех доступных ему сил, и мне было исключительно любопытно — что это.

— Знаете, — удобнее устраиваясь на кресле и складывая руки на коленях, начала я, — полагаю мы сократили бы обоюднo впустую затрачиваемое время, если бы вы отказались от странных методов начинать диалог с копания в чужих глазах и сердечных мышцах, уважаемый Властитель Ночи.

«Уважаемого» заметно перекосило, но темный сдержался вновь, и начал с угроз:

— Вам следовало бы учесть, многоуважаемая Кари Онеиро, что в данный момент вы в моей власти, и как минимум сменить тон.

Вновь очаровательно улыбнувшись, издевательски сообщила очевидное:

— Едва ли я в вашей власти и едва ли происходящее реально.

И темный застыл. Несколько долгих, по мне так предельно долгих секунд, и молча проглотив свое поражение, Владыка рывком создал себе кресло, абсолютно черное, собственно в духе тэнерийцев, удобно устроился в нем, и начал с крайне мало интересующего меня.

— Я хочу знать кто ты, — произнес император Арахандар.

Перестав улыбаться, я раздраженно воззрилась на темного, постучала пальчиками по ладони, вновь посмотрела на Властителя Ночи и насмешливо переспросила:

— Кто я? — усмехнулась с нескрываемым сарказмом, и протянула: — Я та, кто всего за несколько дней пребывания по ту сторону Эхеи отняла у вас уже двух сыновей.

И темный окаменел. На этот раз вполне реально и зримо — он словно весь покрылся коркой серого тусклого гранита, и я поняла, что эмоции одержали верх. Что ж, я рассчитывала на то, что именно его эмоциональность приведет к тому, что данная сомнительного удовольствия аудиенция наконец завершится. А потому с чистой совестью продолжила, уже совершенно серьезно и без ужимок:

— И это лишь начало.

Темный молчал, а его окаменевшее тело, начинало тускло светиться алым, словно камень был изрядно нагрет в плавильной печи. С интересом наблюдая за трансформациями Владыки Ночи, я добавила:

— И я та единственная, к слову, кто готов принять вашу полнейшую капитуляцию и приступить к переговорам.

И камень вскипел. Это было странное зрелище, которое едва ли было бы возможно повторить с камнями природного происхождения, по крайней мере лично мне никогда ранее не доводилось видеть пузырящегося гранита, соответственно я пронаблюдала за его дальнейшим оплавлением и вытеканием в виде раскаленной лужицы с превеликим интересом.

После чего раздался рык, потрясший место моего странного пребывания, а затем властитель Тэнетра вновь возник в кресле.

— Полегчало? — участливо спросила я.

Не ответив на данный вопрос, главный арахнид темной стороны, с

чеканной яростью проговаривая каждое слово, задал вопрос:

— Чего ты хочешь?

Не видя смысла скрывать собственные намерения, совершенно искренне ответила:

— Полной и абсолютной власти над Тэнетром.

— Этого не будет! — разъярённо прорычал Архагарандар.

— Это ваше единственное будущее, — совершенно спокойно ответила я. — Это, или полное уничтожение. Мы не оставляем врагов за спиной.

Неожиданно подавшись вперед, темный широко ухмыльнулся и произнес издевательски:

— «Мы»?

— Несомненно, — с улыбкой подтвердила я. — Мы. Мой великий супруг и повелитель, и я, его бесценная супруга и императрица.

Глава рода Архаэров хищно ощерился. Похоже, упоминание кесаря вновь вернуло его к тому, с чего темный так желал начать нашу беседу.

И успокоено откинувшись в кресло, темнейший паук сплел пальцы, что было вполне зримо, и не столь зримо, но вполне очевидно начал плести сети, прибегнув к словесным выпадам:

— Ты же понимаешь, женщина, что никогда получишь его? Ты говоришь «мы», называешь себя его бесценной супругой и императрицей, но единственная, кого желает Араэден — Элиэ!

И Властитель Ночи выразительно посмотрел на меня. Я вопросительно на него. Выразительность взгляда темного несколько померкла, и он уже несколько раздраженно сообщил:

— Ты должна знать, что император Араэден, мой сын и мой враг...

— Не сотвори себе врага своего, — прервав его, глубокомысленно заметила я тоном главной жрицы храма Матери Прародительницы.

Даже не знаю к чему было это замечание. Полагаю, проблема крылась во второй бутылке вина, но не уверена.

Багровые глаза темного полыхнули алым и он, вновь угрожающе подавшись вперед, практически прорычал:

— Ты должна понимать, женщина, что единственной причиной, по которой я пытаюсь говорить с тобой, является Кьяр! Мой навеки приговоренный высшими сын, чьей судьбой ты являешься, к моему бесконечному сожалению!

А я надеялась, что из этого разговора выйдет хоть что-то стоящее. Как оказалось — напрасно.

— Я вижу тень разочарования на твоём лице, — очень напряженно произнес Властитель Ночи.

— Я действительно разочарована. Крайне разочарована, — проговорила, глядя в его глаза.

Недоуменно покачав головой, Архагарандар выдохнул:

— Женщина, я только что открыто сообщил тебе то, что император Аразндер несомненно скрыл — ты предназначена моему сыну! — он осекся и тут же исправился: — Ты судьба, жизнь и дыхание Акьяра! Ты избрана ему богами! Ты...

— Как мало вы обо мне знаете, — улыбнулась я.

Улыбнулась устало, хотелось бы спать, а не продолжать этот бессмысленный и становящийся все более бессмысленным разговор.

— И к слову — ваши боги, насколько я знаю, в принципе пытались избавить реальность от вашего темного в ней присутствия, вследствие чего вы оказались здесь, в Нижнем мире.

Архагарандар Властитель Ночи глубоко вздохнул, очень медленно выдохнул, и судя по звукам находились мы сейчас конкретно в главе рода Архаэров, а затем выговорил:

— Кари Онеиро, великая Черная звезда, ты не осознаешь того, что слышишь. Ты. Разрушила. Сотворенное богами! Ты! Пробудив чувства в том, кто не мог их испытывать. Увидев того, кто был сокрыт от глаз. Ты — его Предназначение! Его Предсказа...

— Вот только давайте без предсказаний и пророчеств, — откровенно взмолилась я.

Темный осекся на полуслове, потрясенно глядя на меня. Я же, ощутив ноющую головную боль, в очередной раз подумала, что вторая бутылка была определенно точно лишней!

И что еще совершенно определено было лишним, так это попытка Властителя Ночи проявить участие в моей судьбе и жизни.

— Пойми, женщина, — наставительно произнес он, — ты можешь всю жизнь наивно верить в несуществующую любовь своего «повелителя и супруга», а можешь обрести счастье в объятиях того, кому предназначена и для кого затмила все существующее. Ты...

Я устала. И уже собралась позвать кесаря, когда услышала:

— Скажи да, и мы...

Раздраженно воззрившись на Властителя Тэнетра, с насмешкой спросила:

— И вы «что»?

Темный промолчал.

Устало улыбнувшись, я вспомнила историю, рассказанную Мейлиной о трех кинжалах в сердце кесаря и тихо сказала:

— И вы — ничего. Вы ничего не сумели сделать без помощи элларийки Элиэ тогда, год назад, вы ни на что не способны без помощи того, кто нанесет императору удар в спину сейчас. Решили повторить успех прошлого мероприятия?

Молчание было мне ответом. Напряженное, полное ненависти молчание.

Что ж, на основании того, что я знала о Властителе, я имела все основания для того, чтобы ответить ему тоже. Но даже в этих условиях, я не могла не задать вызывающий лично у меня искреннее недоумение вопрос:

— О чем вы только думали, насилуя пресветлую императрицу Эррадараса?

Архагарандар криво усмехнулся, и глядя мне в глаза, издевательски произнес:

— Об удовольствии, женщина. О том физическом удовольствии, которое испытывает мужчина, овладевая женщиной, и о том моральном экстазе, который я испытал, глядя на лицо пресветлого императора, получившего назад свою изрядно попользованную императрицу.

И в глазах этого темного не было сожалений по поводу своей опрометчивой пагубной страсти любоваться пресветлыми лицами, только торжество, только упоение собственной победой, которая столь невероятным образом, обернулась для него поражением. Это было несколько неожиданно, все же я предполагала, что Архагарандар умнее. Но он лишь подтвердил ошибочность моих предположений, угрожающе добавив:

— И ты права, Кари Онеиро, есть успехи, которые стоит повторить.

Выразительный взгляд главы рода Архаэров, пристально изучивший меня с головы до ног, красноречиво продемонстрировал, какие именно успехи Великий темный собирается повторить.

— Ммм, — понимающе протянула я. И язвительно поинтересовалась: — А как же мое великое Предназначение и судьбоносность моей же персоны для Акьяра?

У Властителя Тэнетра дернулась щека, и он хрипло ответил:

— Переживет.

— Ааа, — еще более понимающе протянула я, — теперь лиц для вашего экстаза планируется сразу двое, одно пресветлого императора, а другое провинившегося сына. А я смотрю ваши аппетиты стремительно растут!

Темный прищурился, ожидая продолжения. И не стала его

разочаровывать:

— Буду откровенна, темнейший Архагарандар, мне доставит невыразимое удовольствие, я бы даже сказала — практически экстаз, полное уничтожение вас и вашей империи. Света вам.

И закрыв глаза, я уверенно позвала «Мой кесарь».

И вздрогнула, услышав грохот и звон разбитой посуды.

И я лежала, а посуда все билась и билась, словно кто-то задел всю ту гору заготовленных для основательного семейного скандала тарелок.

— Создам новые, если пожелаешь, нежная моя, — зло произнес упоительно знакомый, я бы даже уже сказала — родной голос.

И распахнув глаза, я улыбнулась встревоженно склонившемуся надо мной кесарю. Вид у Властителя Эррадараса был примечательный — все так же обнаженное до пояса тело, неожиданно тяжелое для эллара дыхание и внимательный взгляд заподозрившего неладное правителя.

— Нежная моя, где была та часть твоего сознания, которое я, как выяснилось, не контролирую? — медленно проговорил кесарь, продолжая с еще большим вниманием, вглядываться в меня.

Потянувшись на постели, я сладко зевнула, повернулась на бок, и обняв подушку, сонно заметила:

— Надеюсь, в вашей утрате контроля повинен гарем? В ином случае было бы грустно осознавать, что, во-первых, Элисситорес расстроится, а, во-вторых, менее всего в данный момент, мне хотелось бы сомневаться в вашем могуществе.

И уже практически проваливаясь в сон, мысленно добавила:

«Сообщите при случае Акъяру, что ваш общий батюшка вознамерился попользоваться мной, дабы получить удовольствие на грани экстаза, любуясь вашими лицами, в момент, когда вам станет известен факт его пользования собственно мной».

* * *

Я проснулась утром сама. Резко сев на постели, открыла глаза, огляделась, и радостно улыбнулась — это была не пещера Тэхарса! Одно это уже вселяло оптимизм!

Поднявшись, я, потягиваясь, отправилась в ванную, и обнаружила уже готовую для меня ванну с теплой водой. Через мгновение я уже была в ней.

Еще через мгновение сильно пожалела об этом, глядя на беззастенчиво вторгающегося в ванную комнату кесаря.

— Я должен вновь напоминать очевидное, нежная моя? — несколько раздраженно поинтересовался император Эррадараса, рывком снимая с себя рубашку.

Молча, прижав колени к груди, проследила за тем, как пресветлый Араэден подходит к умывальной чаше, движением руки превращает часть воды в ней в лед, умывается, а затем стоит, опустив руки по локоть в ледяную воду, и глядя на себя в возникшее и сотканное практически из льда зеркало почти с ненавистью.

— Что-то не так? — осторожно поинтересовалась я.

Зеркало рухнуло, осколками смешавшись с водой. Кесарь умылся вновь, взял полотенце с полки, и промокнув лицо, выпрямился, медленно и основательно вытирая ладони.

— Что-то совсем не так, — практически догадалась я.

Удостоилась холодного взгляда. Взгляд, искрящийся льдом на морозе, вдруг изменился, скользнув по обнаженным плечам, и кесарь резко посмотрел в затянутое хрусталем окно, уверенно ступая, подошел к нему и произнес:

— Проблема с Акъяром частично решена.

— Частично? — мгновенно переспросила я.

И пользуясь тем, что супруг подчеркнуто не смотрел в мою сторону, потянувшись, схватило полотенце, и поднявшись, стремительно завернулась в него.

— Частично, — все так же продолжая вытирать руки, подтвердил император. А затем добавил: — Акъяр во дворце.

Пытающаяся вылезти из ванной я, чуть не свалилась в нее обратно. И вероятно свалилась бы, не подхвати меня волной белые лепестки роз, и не поставь аккуратно на ноги. Правда, когда частички флоры опали, некоторые фрагменты лепестков же, остались прилипшими к моим мокрым ногам. Проигнорировав этот факт, подошла ко все еще стоящему спиной ко мне императору, обошла его, встав между кесарем и окном, и заглянув в абсолютно лишенное эмоций лицо, прямо спросила:

— А вы в своем уме?!

Кесарь разжал пальцы и его полотенце мягко скользнуло вниз, опав все теми же белыми лепестками роз, затем наклонился ко мне, пальцы мягко, но властно ухватили подбородок и склонившись почти к самым моим губам, Араэден произнес:

— Зная тебя — я абсолютно ничем не рискую.

— Акъяр выдвинул какое-то особенное условие? — практически шепотом, в полный голос при таком положении головы говорить было

затруднительно, спросила я.

Кесарь улыбнулся, глядя мне в глаза, и тоже почти шепотом ответил:

— Тебя.

Ничего нового я не услышала, а потому ждала продолжения.

И кесарь продолжил:

— Тебя, если ты, забыв обо мне и твоих... — усмешка, — чувствах ко мне, полюбишь его.

Несколько секунд я потрясенно глядела в искрящиеся льдом глаза, а затем сделала вполне очевидный вывод:

— Вы не в своем уме!

Дернув головой, вырвалась из захвата сильных пальцев, и обойдя супруга, принялась нервно ходить по мраморным плитам, безжалостно вдавливая белые лепестки в бездушный камень.

— Это опасно! Слишком опасно, — распустив волосы и удерживая на груди норовящее сползти полотенце, начала я. — И это ставит под удар вас!

Я остановилась, возмущенно глядя на кесаря и зло поинтересовалась:

— Вас история с тремя кинжалами ничему не научила? Нет! Ну так я вам скажу прямо — Акъяр вполне способен заменить вашу возлюбленную Элиэ! Я так полагаю, он будет даже успешнее, предыдущей вашей убийцы! Я... Вы...

Расстроено взмахнув рукой, поправила волосы, налипшие на мокрое тело, прошла и села на край ванны. Говорить что-либо даже не хотелось. Да и что тут скажешь? Судя по взгляду кесаря он уже все решил сам. Мне остается только принять данное как свершившийся факт и в очередной раз подстраиваться под обстоятельства.

— Иногда, я вас просто ненавижу! — раздраженно призналась я.

— Нет, нежная моя, — усмехнулся кесарь, — меня ты ненавидишь всегда.

И он вышел, оставляя меня наедине практически с отчаянием!

И я понятия не имела к чему, зачем и для чего он поступил именно так! Держи сторонников рядом, а врагов еще ближе? Так это не мудрость, это идиотизм! Просто идиотизм!

Резко поднявшись, прошла к чаше для умывания, сунула руки в ледяную воду, постояла, успокаиваясь, вернулась села на край ванны и решила — к демонам! Так, значит так! Раз принц Ночного Ужаса теперь наш союзник, мне же проще — больше свободы в действиях, больше возможностей для реализации моего плана. Больше...

Мягких бесшумных шагов я не услышала, досадливо кусая губы и глядя на раздавленные лепестки роз, увидела лишь две подошедшие ноги.

А после и самого кесаря, присевшего передо мной, и тронувшего за подбородок, вынуждая посмотреть на него.

Я посмотрела, ничего иного мне не оставалось.

Кесарь же, вместо того, чтобы на мой взгляд ответить, легко коснулся щеки, пальцы его соскользнули вниз, снимая с моей кожи налипшие лепестки белых роз, один за другим, с плеч, груди, рук, ног. И лишь когда моя кожа абсолютно и полностью была избавлена от налипшей флоры, вновь взглянул мне в глаза, и мягко произнес:

— Кари, моя жизнь — не повод для твоих тревог.

— Сложно избежать тревог, предвидя нерадостные перспективы, мой кесарь, — расстроено ответила я. — Сложно, и глупо.

Властитель Эррадараса вопросительно вскинул бровь.

Заправив выскользнувшую влажную прядь за ухо, я начала быстро, и надеюсь убедительно объяснять:

— Все эти бредни с Предназначением, все эти чувства Акъяра, возникшие за несколько секунд на пустом месте — это слишком странно, слишком спорно, слишком... Все слишком! А по итогу, главный арахнид желал аудиенции со мной исключительно с единственной целью — добиться от меня согласия на сотрудничество! Все! Потому что по факту они уже убивали вас, и четко знают — кинжалов должно быть три, а первый удар нанесен в спину! В смысле, — я судорожно вздохнула, — в смысле им нужен кто-то, кто будет достаточно близок к вам, чтобы нанести первый удар и открыть путь остальным убийцам! Все! И...

Я осеклась, увидев едва заметно промелькнувшую улыбку на губах Араэдена, и поняла, что в принципе напрасно сотрясала воздух тут.

Улыбка кесаря стала явственнее.

— Полагаете, я ошибаюсь? — нервно поинтересовалась у кесаря.

— Полагаю, что совершенно бессмысленно повторять ранее сказанное «Зная тебя я ничем не рискую», — с улыбкой произнес кесарь.

И плавно поднялся.

Сопроводила это его движение расстроенным взглядом, и продолжала смотреть на кесаря снизу-вверх, когда он молча протянул мне руку. Вложила леденеющие от плохих предчувствий пальцы в его надежную, сильную, теплую ладонь и подумала, что в этом тандеме нужно научиться доверять друг другу.

— Вот именно, нежная моя, — поднимая меня, произнес кесарь.

Прихватив норовящее сползти полотенце, все же заметила:

— Доверие — вещь крайне ненадежная.

И получила в ответ лишь усмешку. Такую знакомую, уже даже

привычную, многозначительную усмешку, которая, кажется, в принципе существовала только для меня.

Кесарь усмехнулся чуть шире и произнес:

— Уничтожение Властителя ночи вопрос решенный, убийства Араэна принца Ночи так же, в остальном, если ты желаешь создать единый мир, путь войны неприемлем. Вы разделите со мной утреннюю трапезу, моя императрица?

В ответ на последний вопрос лишь кивнула, напряженно размышляя о сказанном ранее.

Итак — войны не будет. Никакого насильственного захвата территорий Тэнетра так же. Что ж, оправданно, учитывая, что теперь на нашей стороне два принца темных. Придется действовать иначе. Совершенно иначе.

Задумавшись о поставленной проблеме, за стол я так и села в одном полотенце и с влажными волосами. Молча взяв протянутый кесарем бутерброд из черного хлеба с очередной разновидностью престранного сыра, принялась жевать, думая «Как?», вот просто как все это провернуть?

По идее у меня есть Юранкар и связь с преступным миром, который похоже превосходно уживается на обеих сторонах мира. Вопрос — что мешает мне поступить так же? Откровенное неприятие темных? Ну да, особо уважать не за что, чтобы не сказать хуже. Темные — потребители, причем ярко выраженные потребители. Уничтожение драконов, песчаных демонов и в целом большинства светлых из канцелярии кесаря — сказало о многом. Не последовательны и недалёковидны. Тот же Арахандар Властитель Ночи и его желание «получить удовольствие от созерцания лиц мужчин, осознавших страдания своей женщины» — тупость же величайшая. У нас подобные вещи происходили лишь в темные времена догосударственных образований, а значит я имею дело с военной автократией. А кто у нас любит военную автократию? А никто. Вообще. У меня уже фактически масса сторонников имеется.

— Мне нужен доступ на территорию Тэнетра, — прожевав один бутерброд и получая следующий, сказала я.

— Акъяр в твоём полном распоряжении, — насмешливо уведомил кесарь.

Искоса глянула на него, и прямо спросила:

— И вы доверите мою безопасность прямому и непримиримому врагу?

— Вполне, — легко ответил император. — Нежная моя, Властитель Ночи совершил ошибку.

Я лишь вздохнула.

Ошибку ли? И совершил намеренно, преднамеренно, или просчитав что-то неведомое нам шагов на двадцать вперед? И... и успокоилась, вспомнив с кем рядом сижу. Просто предупредила:

— Адраса не убивать.

Подумав, осторожно добавила:

— Пожалуйста.

— Если ты просишь, нежная моя, — издевательски протянул властитель Эррадараса, одновременно с очередным бутербродом.

— Практически умоляю, — в том же тоне ответила я.

Поправила вновь пытающееся сползти полотенце и стала просчитывать с чего в принципе можно начать. С чего стоит начать. Какое начинание удастся завершить в кратчайшие сроки? И во сколько мне все это обойдется.

А к слову:

— Мой кесарь, что у нас с казной? — поинтересовалась я.

Удостоилась задумчивого взгляда.

— Ее размер? — уточнила для императора.

Взгляд стал слегка насмешливым, после чего Араэден, намазывая хлеб сыром уже для себя, ответил:

— Создашь монетный двор?

— То есть налоги нам никто не платит... — окончательно расстроилась я.

— Смысл? Я способен создавать золото в любых количествах, — абсолютно спокойно сообщил кесарь.

— Я тоже могла бы подрабатывать предоставлением дипломатических услуг, но это было бы как-то странно, не находите? — выпив махом весь свой стакан воды, заметила я.

И отправилась призывать рабынь.

* * *

В свою канцелярию я вошла решительно и уверенно, не останавливаясь ни на миг, не испытывая ни малейших сомнений. Войдя, милостиво улыбнулась своим работникам, отдельно поприветствовала Эдогара, чинно склонила голову при виде сидящего на моем столе принца Ночного Ужаса и радостно заулыбалась ожидающему у окна Адрасу, который пил что-то мутное из хрустального графина, стоящего на окне и имеющего в своем хрустальном обществе дополнительный стакан.

— Травяной настой от гномов, — отсалютовав, сообщил он мне, — потрясающая штука. Катрина, вам налить?

— Конечно! — согласилась я.

Голова после вчерашних возлияний и мысленных перемещений была тяжелая, так что мой выбор был очевиден.

— Я бы тоже не отказался, — немного поморщившись, произнес Эдогар.

На окне мгновенно возник дополнительный стакан.

После чего графин поднялся и наполнил оба.

Подошедшая я взяла свой, постаралась даже не принохиваться к зеленоватой жиже, и сделала первый глоток. Оказалось вкусно, причем очень даже, с легкими нотками весенней зелени и мяты.

— Светоч Экхатар передавал пожелания света, — медленно попивая исцеляющий от похмелья напиток, сообщил Адрас. — У людей все спокойно. На рассвете залетал Тэхарс, сказал он обдумал вашу идею и хотел бы обговорить все конкретнее и еще что-то на счет того, что с орками теперь можно разговаривать. Стул?

Кивнула. Принц Мрака создал для меня целое кресло и едва я в него рухнула, продолжил:

— У орков что-то странное?

— Есть возможность узнать, что именно? — мгновенно поинтересовалась я.

— Увы, — Адрас печально улыбнулся, — на свои территории орки не пускают никого. Вообще. Никогда. У них предсказание.

Отпив глоток, пожала плечами и произнесла:

— Ясно, к оркам я не ходок.

Принц Мрака рассмеялся, и снисходительно заметил:

— Как раз против женских вторжений они ничего не имеют против. Более того — часть свободных людей бежала именно к ним. В смысле — женщины.

— Хм, — глубокомысленно произнесла я. — Даже любопытно стало по какой причине столь любопытная градация вторженцев.

Адрас пожал плечами. Эдогар так же был не в курсе, он вообще вчера явно перепил и сегодня с трудом приходил в себя.

Зато на всю канцелярию раздался мрачный голос:

— Из-за предсказания.

Мы с интересом посмотрели на принца Ночного Ужаса, который менее всего выглядел сейчас ужасным. Зачесанные назад и собранные в низкий хвост волосы цвета вороного крыла, удивительной красоты глаза с

миндалевидным разрезом, длинные ресницы под красивыми густыми бровями, высокие скулы, чувственные и в то же время по-мужски резко очерченные губы, квадратный, что удивительно для его расы, подбородок, широкие плечи, узкий торс, длинные сильные ноги. И когда он спрыгнул со стола и с грацией полночного тигра направился к нам, я была вынуждена признать, что Акъяр красив, удивительно, чувственно, чарующе красив. Пожалуй, краше него за всю мою жизнь был только Аршхан...

Аршхан?

Странное дело, я вспомнила этого невероятно пленительно прекрасного мужчину, вспомнила, что имя его имело перевод Черный скорпион, и относился он к племени свободных... Свободных кого? Или от чего? Кто такой Аршхан?! Память услужливо подбросила облик умывающегося в реке полуголого мужчины с глазами темными и бархатными как ночь, с улыбкой и ласковым «Ранари», что сладкой песней звучало в его устах... Что такое «ранари»? Кто такой Аршхан?

— Катрина? — осторожно позвал Адрас.

Протянув руку, коснулась его ладони, безмолвно умоляя заткнуться, и вновь посмотрела на уже подошедшего Акъяра. Принц Ночного Ужаса был красив, удивительно и невероятно прекрасен, самый уродливый из всех сыновей Властителя Тэнетра стал краше не просто любого, а всех братьев вместе взятых, но я помнила другого мужчину. Того, кто был мужественнее, благороднее, непримиримее... Кем он был?

— Пресветлая императрица? — голос у принца Ночного Ужаса был все таким же бархатистым и успокаивающим, как и в первую нашу встречу.

И я заставила себя улыбнуться, вспомнив, что передо мной враг. Умный, отчаянно умный, находчивый и крайне опасный враг.

— Вы говорили о предсказании, — чуть сжав ладонь Адъяра в благодарность за молчание, и отпустив его, произнесла я.

— Да, — Къяр переводил внимательный взгляд с меня на брата, — о предсказании.

Едва заметное движение руки с длинными красивыми пальцами и создав для себя кресло, темный вольготно устроился в нем, закинув ногу на ногу и соединив пальцы под подбородком, чтобы завораживающим шепотом сообщить:

— О предсказании, что из уст в уста шаманы орков передают друг другу уже многие тысячи лет. О мужчине. Мужчине, что воспламенит умы и сердца. Мужчине, что объединит племена. Объединит и поведет на смерть.

Поморщившись, сделала еще глоток травяного напитка, и заметила:

— Как-то слишком банально, не находите?

Принц Ночного Ужаса сказанное банальным не находил, но за тем как я пью проследил с таким взглядом, что я почувствовала себя самой развратной женщиной в Эррадарасе, которая, о, ужас, осмелилась пить в такой пугающей компании.

Нервно сглотнув, решила более в присутствии Къяра не пить, и продолжила:

— «Придет тот, кто объединит все племена» — это вообще за гранью. Племена, народы, страны — в принципе подвержены процессам консолидации или же распада в зависимости от этапа своего развития. Это закон жизни, подобный тому, как все реки впадают в моря. Остановить это искусственно несомненно возможно, но рано или поздно общество продолжит следовать законам развития.

Темный улыбнулся и так же раздражающе тихо, что вынуждало прислушиваться к его словам и до безумия напоминало принцип общения с кесарем, произнес:

— И все же оркам удалось полностью остановить процесс объединения племен кем бы то ни было и они сохраняют описанный порядок племенного устройства тысячелетиями.

Пожав плечами, безразлично ответила:

— Насколько я поняла — это срок жизни их шаманов.

— Да, — Акъяр улыбнулся, — от двух до четырех тысяч лет.

Улыбнулась в ответ и довольно жестко произнесла:

— В таком случае срок существования данного порядка — всего лишь жизнь одного поколения. Это не показатель.

Темный промолчал, крыть ему было нечем.

А вот у меня появилась идея:

— Что ж, раз у нас нет возможности узнать что там обычным путем, отправим туда женщину. — И повернувшись к Эдогару, поинтересовалась: — У леди Вэнтэр как я понимаю, есть сестра, которая так же является воительницей?

Глава моей канцелярии мгновенно задал вопрос:

— Вызвать?

— Если вас это не затруднит, — любезно подтвердила я.

И хотела было сделать еще глоток травяного настоя, мне бы не помешало выпить еще, но под внимательным взглядом принца Ночного Ужаса решила не рисковать, отставив стакан на подоконник, громко возвестила:

— Лорды и ваши высочества, у нас новая задача — бескровное

подчинение Тэнетра в кратчайшие сроки. У кого есть идеи?

В канцелярии стало невероятно тихо. Эллары переглянулись и посмотрели на меня с явной готовностью следовать любому приказу, пусть даже явно обезумевшей императрицы, Адрас впечатлился объявлением, но в принципе так же ждал моих идей, а вот Акъяр широко ухмыльнулся, даже не пытаясь скрыть собственного мнения о моих умственных способностях.

Я выразительно посмотрела на него, и принц, тихо рассмеявшись, произнес:

— Пресветлая императрица, при всем моем восхищении, вы осознаете всю ту пропасть различий, что существует между элларами и тенетрийцами?

В этот момент без стука распахнулась дверь.

Суровый древний секретарь кесаря, важно вошел, не менее важно прошел через всю канцелярию, поклонился приблизившись, и глядя поверх меня объявил:

— Пресветлая императрица, да осветят светила твой путь, да воссияет светом твой разум, да... — посмотрел на меня, понял, что напрасно сотрясает воздух и сообщил: — Великий император велел передать, что казна, а именно все свободные подвальные помещения завалены золотом, как вы и желали.

Высказав все это воззрился на меня, явно ожидая моей реакции.

И она последовала, естественно.

Молча поднявшись, прошла к столу, взяла листок бумаги и стремительно написала:

«Налогообложению быть! Без вариантов. И да — раз уж войну с Тэнетром вы переложили на мои хрупкие плечи, будьте так любезны, наконец, заняться дорогами! Я уже который день прошу!»

После чего, сложив лист вдвое, вернулась к живописной группе представителей двух противоборствующих рас, и молча передала лист секретарю. Пресветлый покинул мою канцелярию с поклоном.

А я посмотрела на часы.

До прибытия владетелей подконтрольных уже мне Великих дворцов оставалось около часа, а у меня уже была возможность покидать дворец.

— Акъяр, — я повернулась к принцу Ночного Ужаса, сознательно назвав его по имени, — а знаете, я, пожалуй, с удовольствием узнаю больше о той пропасти, что лежит между вашими расами. Четко, подробно, можно даже с аллегориями и метафорами, но напишите мне все. Юрданар, обеспечьте его высочество нужным количеством бумаги и рабочим местом. Эдан, подготовьте соседнее с канцелярией помещение для приема

владельцев лордов. Ларден, просмотрите мои вчерашние записи, подготовьте для меня план сегодняшнего заседания. Эдогар, Адрас?

Принц Мрака ни слова не говоря встал, подошел ко мне и протянув руку, открыл портал во второй человеческий город, который по сути был первым, но это уже мелочи. Эдогар задержался лишь для того, чтобы захватить бумаги.

* * *

Теплый ветер в лицо, отдаленный плеск реки, стук топоров и звук пилы встретили нас в городе номер два. Стоя на пригорке и глядя на не особо ровно расставленные палатки, от которых к нам уже спешил мой градоначальник, глубокомысленно заметила:

— Нужно бы ему имя придумать?

— Рабу? — переспросил Эдогар.

— Городу, — правильно понял меня Адрас.

А затем повелительно приказал:

— Эдогар, поприветствуйте мастера Соно.

Глава моей канцелярии с неодобрением взглянул на темного принца, но возражать не посмел — все же принц. А потому, оставляя нас наедине с моим темнейшим братом, величественно снизошел до остановившегося у подножия холма бывшего раба.

Я же с интересом посмотрела на Адраса, ожидая его слов. Темный мрачно уставился на горизонт и произнес:

— Чего мне ждать от ситуации с Акъяром, Катрин?

Вероятно, принц Мрака ожидал, что я буду лгать и выкручиваться. Ошибся.

— Ничего хорошего, — честно ответила я.

Несколько удивленный взгляд переместился с горизонта на меня, и я добавила:

— Можно было бы утешить себя мыслью, что удар Акъяра и вашего отца придется на долю... а скорее всего в спину кесарю, но почему-то данная мысль не утешает.

— Ну почему же, — довольно цинично, но я отчетливо уловила горечь в его голосе, произнес принц Мрака, — самый красивый из всех темных принцев вполне может послужить утешением.

Скептически посмотрела на Адраса. Под моим взглядом он несколько смутился, и заложив руки за спину, произнес:

— Я видел, как вы на него смотрели, Катрин.

Несколько секунд я продолжала взирать на принца Мрака, но тот, казалось, уже утратил всяческий интерес к беседе и глядел исключительно на линию призрачно-зеленоватого горизонта. Грустно улыбнувшись, я поинтересовалась:

— Что вы видите, глядя на горизонт?

— Не горизонт. Скорее бесконечно зеленые луга Миграна, место моего рождения и детства, — безразлично ответил Адрас.

Присоединившись к любованию природой Эррадараса, тихо сказала:

— Вот и я, глядя на Акьяра видела совершенно иного мужчину.

Принц Мрака развернулся ко мне мгновенно, я же, полностью повторив его позу и сцепив руки за спиной, еще тише продолжила:

— Но странное дело — я помню его, помню его удивительные, абсолютно черные глаза, его имя, и ту дикую смесь из благородства, нетерпимости и упрямства, что составляла его характер... но я совершенно забыла кем он был.

К моему искреннему удивлению Адрас ответил вовсе не удивлением, скорее в его взгляде промелькнула задумчивость и он не то чтобы уверенно, так словно вспоминал, но не был уверен, что вспомнил верно, произнес:

— Руна Аниэр?..

— Что? — переспросила я.

Принц Мрака, поведя плечом, пояснил:

— Светлые обыкновенно полностью обрывают связи своих супругов с их семьями. Я выясню.

Несколько потрясенная, благодарно выдохнула:

— Спасибо.

— На данный момент благодарить не за что. Но процесс обратим, по крайней мере при разводах, светлая леди возвращается в свою семью и вспоминает ее, — успокоил меня Адрас.

Действительно успокоил!

Но я постаралась об этом не думать, просто не думать, и уже улыбаясь, поспешила к мастеру Соно, испытывающему явные затруднения в общении с Эдогаром.

— Мастер Соно! — воскликнула я, практически сбегая по холму вниз.

Бывший раб улыбнулся мне, и улыбка стала шире, когда я, набравшая скорость, пробежала на несколько шагов дальше, остановилась, подставляя лицо сиянию обоих светил и теплему ветру, а затем, развернувшись, весело спросила:

— Что новенького?

Новеньким был Адрас! Это он вчера явился в город и навел порядок. Он разобрался с гладиаторами, осмелившимися нарушить мой приказ. Он контролировал возведение временных жилищ, он нанял две сотни строителей из Тэнетра и те в данный момент уже обсуждали план застройки города. Наверное, раз двадцать темный принц ловил мой полный восхищения взгляд, а я просто не могла поверить в то, насколько мне с ним повезло. Все организовать, все устроить, все контролировать — Адрас действительно изумил. И поглядывая на него, полностью взявшего на себя строительство города, я искренне недоумевала — как же так? Почему его называли пьяницей и бездельником? Почему ему абсолютно не доверяли руководства ничем?! Ведь то, что я видела сейчас, не на пустом месте взялось. Чтобы настолько вникать в тонкости и детали, нужно как минимум быть достаточно умным, ответственным и готовым постоянно учиться чело... в смысле темным. Да много чего нужно. И я просто не понимала, как главный арахнид не разглядел всего этого в сыне.

И когда спустя час пришло время возвращаться, я не удержалась, и едва мы вступили в портал, оставив Эдогара решать последние административные вопросы, все же спросила:

— А вашему отцу известно, что вы способны править, да еще на столь высоком уровне?

Багровые глаза принца Мрака сверкнули неожиданной зеленью, и марево неясных очертаний свойственное переходу через порталы в Эррадарасе, вдруг стало изумрудно-зеленым. Испуганно оглядевшись, шагнула ближе к Адрасу и невольно схватила его за руку, поразившись тому, насколько вдруг стала холодной его ладонь.

А затем портал истаял, открывая моему взгляду огромные бескрайние, бесконечные насыщенно зеленые луга. Огромное море трав, с холмами так похожими на волны. И куда не взглянешь — травы, травы, травы, ничего кроме трав...

— Это Мигран, — сжав мою руку, тихо произнес Адрас, — место, в котором я родился. Место, что было моим домом.

Даже не знаю, что именно заставило меня опуститься и коснуться рукой земли. Пальцы нащупали что-то острое, выхватив это, поднялась, одновременно рассматривая находку и поняла — стекло! Это было обработанное, изогнутое стекло. В смысле сейчас осколок, но когда-то...

— Мама не хотела отдавать меня, — очень просто сказал принц Мрака.

Очень многое стало понятным мне.

— Мне жаль, — прошептала едва слышно, — мне так жаль!

Он промолчал. А затем с тихой сдавленной тоской в голосе, произнес:

— Это был величественный город, от края до края горизонта, город десяти храмов, город тысячи башен, белый город, вокруг которого паслись бесчисленные стада белых лошадей...

И мы стояли на его обломках. На огромном, покрытом изумрудными травами могильнике!

— Известно ли моему отцу, что я был фактическим правителем Миграна? — произнес Адрас. — Едва ли. Он не вникал в детали. Узнав о моем существовании, Властитель Ночи сравнял с землей все, что мне было дорого и приволок меня в свой... дом. Я орал так, что утратил способность говорить на несколько лет. Я пил, бесконечно и беспробудно, пытаюсь хотя бы так, в пьяном угаре воскресить призраков светлого прошлого...

Он помолчал, затем произнес то, что, кажется, мучило его больше всего:

— В верованиях человеческого народа, к которому принадлежала моя мать, умерших полагается предавать огню, считается что только так, душа сможет переродиться и искрой пробудится в новом теле. Он знал об этом. Он сравнял город с землей, лишив их даже посмертия.

Мы стояли с принцем Мрака держась за руки посреди сказочно-зеленых лугов и едва ли оба видели их. Адрас все сказал, а я едва ли знала слова утешения. Все что я могла — лишь разделить с ним эту боль, осознавая с отчаянием — прошлое не вернешь.

И судорожно выдохнув, я неожиданно даже для самой себя, предложила:

— К гномам?

Адрас искоса взглянул на меня, пожал плечами и открыл портал.

* * *

У гномов был праздник.

Оглушительно надрывались струнные, сокрушающее били барабаны, в такт танцующим на подземной площади подпрыгивала вся деревенька и на появившихся нас никто вообще не обратил внимания. Но мы не обиделись, мы же не кесарь, чтобы нас все боялись. И осторожно обходя упоенно танцующих, Адрас повел меня к столу, туда, где уже сидел Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие. Наш знакомец, увидев нас, радостно отсалютовал нам кружкой с гномьим пойлом, кому-то махнул и через мгновение нам с

принцем Мрака вручили по такой же.

Мы вежливо поблагодарили, узнали, что у гномов свадьба, поздравили молодых, посочувствовали неженатому до сих пор Великому Ошрое, произнесли положенные по такому случаю тосты за здоровье жениха и невесты, Адрас вручил новообразовавшейся и превышающей его ростом парочке гномов кошель с золотом, за это мы выпили повторно и на этом решено было возвращаться обратно...

В смысле появился злой Эдогар и сообщил что нас все ждут.

Ему вручили кружку с травяным гномьим спиртом, я заверила, что надо пить, иначе брак у молодых счастливым не будет. Эдогар взглянул на новобрачную, содрогнулся, сообщил жениху что на его месте выпил бы побольше. Гномы переглянулись, оскорбились и решили бить пресветлому морду. Пришлось вмешаться, и с самым умным видом сообщить, что на самом деле Эдогар просто положил глаз на молодую гномку и пожелал жениху выпить побольше, чтобы умыкнуть красавицу. Гномы посмотрели на побледневшего эллара с уважением, честно признали, что ценят хитрость и все такое, но ты де светлый пей, а молодые пока пойдут к себе, от светлых подальше. И дабы Эдогар никого не умыкал, Ошрое заставил его выпить четыре кружки подряд. А так как сам Топор Ручка Каменное Лезвие пил вместе с главой моей канцелярии, то после четвертой кружки от всей души предложил Эдогару выбирать себе любую гному, взамен уже окольцованной невесты. Пятую кружку пресветлый выпил сам, затем свалился в обморок.

«От счастья!» — громко объявил всем Адрас.

И открыл портал во дворец.

Перенесся заодно и «бездыханное, но очень счастливое тело».

* * *

Первое, что бросилось в глаза по возвращении — факт покачивания собственно всего дворца. Посему, едва вступив в канцелярию, я ухватила за ближайший стол в поисках опоры в этом шатающемся и ненадежном мире, а затем спросила у вышедшего следом Адраса:

— А похмельный настой у нас еще есть?

На подоконник мы посмотрели разом, после чего принц Мрака, так как тоже с трудом на ногах стоял, магией притянул и графин и два наших стакана.

— Мне тоже, — раздался слабый голос Эдогара с пола.

Добрый Адрас притянул стакан и для него. Потом мы пили, жадно. Я усевшись на стол, принц пошатываясь, но сохраняя равновесие, Эдогар прямо на полу, приподнявшись на локте.

— Из чего они варят свою брагу? — допив настой до дна и протянув стакан за очередной порцией, хрипло спросил глава моей канцелярии.

— Даже не спрашивайте, — искренне порекомендовал Адрас.

Эдогар и не стал, но дождавшись, когда ему нальют, укоризненно произнес:

— Не ожидал от вас, пресветлая императрица.

— Так, а нечего было портить мне с трудом налаженные международные отношения, — искренне возмутилась я. — Эдогар, как вам вообще пришло в голову сказать такое жениху, явно влюбленному в свою невесту?

— Да у этой невесты борода заплетена в косичку! — как-то истерически воскликнул пресветлый.

— В очень аккуратную и украшенную цветочками косичку! — с важным видом поправила я.

И с улыбкой посмотрела на откровенно посмеивающегося Адраса.

Принц, подмигнув мне, невозмутимо произнес:

— Озаренный светом лорд Эдогар, если вам не по нраву косичка, то позвольте напомнить — там еще много гномов с распущенными бородами, и наш любезный друг Ошрое Ручка Каменное Лезвие любезно согласился стать вашим сватом для любой из них. Мы еще можем вернуться.

И вот тогда рассмеялась уже я.

— Премного благодарен! — прошипел эллар, с трудом поднимаясь. И глянув на меня, мрачно добавил: — При всем моем уважении, пресветлая императрица, я не вижу повода для веселья.

Попытка пристыдить была обречена на провал с самого начала. Я то остановилась, но лишь на миг, Адрас захохотал не скрываясь ни капли, а после не выдержал и Эдогар. Пресветлый, конечно, был посдержаннее нас в проявлении эмоций, но утирая слезы, выступившие от смеха, посмеиваясь, заметил:

— Представляю изумление в глазах моей пресветлой супруги, приведи я в дом гномку с празднично заплетенной и украшенной цветами бородой.

Мы представили.

Смеялись так, что я чуть стакан не обронила.

И тут в канцелярии прозвучал очень недобрый голос:

— Прискорбно наблюдать, брат, как ты распространяешь свои пагубные привычки.

От тона Акъяра в канцелярии вмиг стало как-то холоднее. Но лучезарно улыбнувшись принцу Мрака, я предложила:

— Сгоняем к гномам после заседания?

— Без меня! — мгновенно открестился Эдогар.

— Ладно, Тэхарса захватим, — согласилась я.

Мы с Адрасом переглянулись, принц галантно протянул мне руку и помог спрыгнуть со стола.

Следовало браться за работу.

* * *

Стол для Акъяра поставили рядом с моим, видимо он так настоял. Не став спорить, прошла к своему месту, села на стул, не задумываясь смахнула багрово-алую полураспустившуюся розу с исписанного листа бумаги, что был расположен четко по середине моего стола, и взяв его принялась за чтение.

Список был подробным, и начинался он, ну так легко и ни на что не намекая, со сравнительной характеристики положения женщин в Эрадарасе и на Тэнетре. Различия в положении были кардинальны, и если единственным вариантом для эллары был выход замуж, то тэнетрийки обладали абсолютной свободой от рождения и до смерти. Они не были ограничены ни в чем — ни в количестве и качестве партнеров, ни в выборе профессии, ни в частнособственнических правах. Вступая в брак темная полностью сохраняла за собой право на владение приданным, и расторгнув брак практически всегда оставляла право на опеку детей за собой. И я бы поверила, но... слишком нагляден был пример Адраса.

— Ваше высочество Акъяр, — я подняла голову и посмотрела на севшего напротив меня темного, — указанное вами относится ко всем слоям населения?

Адрас подошел сзади, наклонился, прочел, хмыкнул и посмотрел на брата. Принц Ночного ужаса, которого теперь можно было смело переименовывать в принца Ночных эротических грез, прищурился, но в присутствии брата лгать не стал, и спокойно произнес:

— Есть исключение, касающееся принцев дома Ночи.

— Какое? — уже догадываясь, о чем пойдет речь, поинтересовалась я.

Акъяр посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

— Нам запрещено отказывать. И любой ребенок рожденный от семени принца принадлежит отцу. Вас это шокирует, пресветлая императрица?

— Нет, — абсолютно спокойно ответила я. — Это было ожидаемо.

Немного вздернув бровь, Къяр определенно ожидал, что я продолжу, но одарив его милой улыбкой, я указала Адрасу на стул рядом с собой, и продолжила чтение.

И да, различий было до невероятности много.

К, примеру светлые воспитывали поколение в жестких рамках тех самых трактатов типа «Путь войны» и «Шепот шагов дочери света», у темных ничего подобного не было. С самого рождения тэнетрийцы имели возможность самостоятельно выбирать свой путь вне зависимости от пола. К примеру, в армейского типа учебные заведения свободно набирали и парней и девушек, и среди генералов Сумрака женщин было не намного меньше мужчин.

И все бы ничего, но взглянем на ситуацию шире — итак мы имеем общество, выросшее в атмосфере свободы и равных прав. И в этом вот обществе, существует группка, считающая себя выше всех прав, законов и свобод... Как интересно. В смысле исключительно интересно, как долго продлится подобное положение дел? По идее — до смерти главного арахнида, после чего общество вероятнее всего восстанет против существующего порядка вещей.

Между тем Эдогар, взяв себя в руки, окончательно пришел в норму, и сообщил:

— Главы Великих домов ожидают.

Я кивнула, и продолжая читать, спросила:

— Ларден, моя речь готова?

Светлый мгновенно подошел и с поклоном подал основные тезисы, для сегодняшнего заседания.

И все бы ничего, но тут Къяр произнес:

— При всем моем уважении, пресветлая императрица, но вы на ногах едва стоите, какое заседание?

Поднявшись, я не удержавшись весело подмигнула явно потрясённому темному, и подхватив как список тезисов от Лардена, так и список Акъяра, направилась на заседание моих представителей на местах, пусть они и именовались «Владельцами Великих Дворцов». Они могли называть себя как угодно, но в политике важен смысл, а не красивый эпитет.

* * *

Войдя в соседнее с канцелярией помещение, я произнесла прежде, чем

они попытались осуществить свой долгий ритуал приветствия:

— Да озарит вас сияние белого светила, да продлит свет ваши дни, да наполнит сияние мысли. Всех рада видеть, все сели, у нас не так много времени.

И все поднявшиеся при моем появлении лорды просто молча сели, их секретари, встали с пола, на котором пребывали в коленопреклоненной позе, тоже торопливо юркнули на свои места, рядом с повелителями.

Их столы разместили полукругом, мой стоял в центре напротив «месяца», рядом со мной сел Эдогар, как и полагается, Адрас занял свое любимое место у дверей, чтобы наблюдать лица Великих лордов и Леди, Акъяр, под всеобщими потрясенными взглядами прошел в глубь белоснежного с полухрустальными стенами помещения, и сотворив себе кресло устроился так, чтобы демонстративно смотреть на меня. Если меня это и напрягало каким-либо образом, то секунды две, пока лорд Гейром, владетель Золотого замка, не поинтересовался:

— Пресветлая императрица, касательно вашего пожелания по поводу детей рабов.

Ну и собственно на этом было забыто все постороннее, и приступила к битве, на арене которая была знакома настолько, что в любые дебаты я могла вступить, будучи разбуженной даже в самую глухую полночь:

— «Пожелания»? — переспросила холодно.

Лорд Гейром несколько замялся, после чего мгновенно исправился:

— Приказ.

Милостиво кивнула, принимая его извинения и позволяя продолжить. И владетель Золотого дворца продолжил:

— Ваш приказ передать детей рабов их матерям лишен смысла, пресветлая императрица, у людей не существует семьи как понятия. Понимаете, человечество — тупиковая ветвь эволюции, они не способны строить семьи, общество и прочее, это все равно что животные и...

Он умолк под моим взглядом. Умолк, а следом и побледнел, потому что я улыбалась, и даже не сразу поняла, насколько моя улыбка сейчас похожа на ту убийственно-ласковую, коей кесарь частенько одаривал тех, кого собирался убить с особой жестокостью. Судя по тому, насколько утратил краски жизни в лице лорд Гейром — эта улыбка была ему знакома, как, впрочем, и ее последствия.

А я... отчаянно пыталась сдержаться. «Человечество — тупиковая ветвь эволюции»? «У людей не существует семьи как понятия»?! «Это все равно что животные»?!

Я смотрела на лорда Гейрома и чувствовала желание как минимум

врезать, как максимум сжечь! Эти пресветлые вторглись в этот мир, уничтожили похоже весьма развитые человеческие государства, разводят людей как скот, и что-то еще смеют мне заявлять?!

К счастью, открылась дверь, впуская секретаря кесаря. Пресветлый гордо прошествовал ко мне и передал свиток.

Открыв, с удивлением прочла написанное на оитлонском:

«Я медленно принимаю к твоим устам... осторожно и бережно, касаясь пальцами обнаженного плеча... Мои пальцы скользят ниже, заставляя тебя страстно изогнуться в моих объятиях... Успокоилась?»

Резко выдохнула, внезапно осознав, что после гномьей выпивки мне определенно стало жарко. Взяв перо, несколько секунд нервно постукивала им по столу, приводя мысли в порядок, затем отписалась:

«Я так понимаю ключевым в вашем сообщении является слово «медленно». Не удивлена, если учесть, что дорог я так и не дождалась еще. Мой кесарь, вы просто уточните, насколько медленно...»

Но я действительно успокоилась. И передав свиток секретарю императора, вновь обратила все свое внимание на Владетеля Золотого дворца, чтобы мягко, вежливо и даже практически с нежностью сообщить:

— Я — человек, лорд Гейром.

Последующие десять часов были полны напряженной и сложной работы. Начали, раз уж лорд Гейром поднял вопрос, с рабства. Жесткие ограничения по возрастным категориям, запрет на трудовую эксплуатацию детей, неожиданно жесткий отпор светлых в отношении ограничения на возраст наложниц. Через несколько часов попыток оспорить мои требования, я искренне сожалела, что тут нельзя кого-нибудь сжечь. Нет, правда, хотя бы кого-нибудь!

И я даже не заметила, как и когда появился секретарь императора, пока передо мной не поставили уже знакомый свиток.

Развернув, прочла:

«Очень медленно... очень осторожно... очень нежно... С тобой иначе нельзя, нежная моя. И ты ведь знаешь — одно твое слово и я с удовольствием сожгу для тебя всех, кого пожелаешь».

«Разберусь, — написала, чувствуя, что улыбаюсь».

Но вот что восхищало в элларах — удивительная работоспособность. Что мои министры, что айсиры в Прайде спустя шесть часов в подобном темпе молили о перерыве, эллары же стиснув зубы продолжали работать. Работать, работать и работать. Мы проработали возникшие вопросы по законодательству, наметили создание двух городов от каждого Великого Дворца, и проработку методов и мер по построению экономики.

И тут владетель Гранитного дворца вдруг произнес:

— А чем будут питаться ваши свободные люди?

Вопрос застиг врасплох.

— Простите, лорд Кеанран, но что вы имеете ввиду?

В кабинете повисла немая пауза. Пресветлый открыл было рот, но говорить не стал. Я повернулась и взглянула на Эдогара — он так же смолчал, более того отвел взгляд. Глянула на Адраса — от ответил непонимающим взглядом, а значит знал не больше меня. Краем глаза заметила усмешку на губах Акъяра — этот был в курсе, но видимо предпочел услышать версию пресветлых. Меж тем они делиться информацией не торопились, и мне пришлось делать выводы на основе имеющейся. А что я знала?

Бездумно водя пером по белому листу бумаги, вспомнила рассказ рыжеволосой любовницы кесаря — тогда не обратила внимание, а вот сейчас припомнила — на свободных островах росли травы, которых более нигде не было. Можно было бы списать на случайность, но случайности в данной ситуации сомнительны. Вторым абсолютно точно известным мне моментом был рацион светлых — он значительно отличался от человеческого, и в его составе в основном были рыба, ягоды и орехи, даже те хлебцы, на которые кесарь намазывал сыр для меня за завтраком, был определенно изготовлен из ореховой муки. И последнее — наш разговор с Акъяром в саду, мой вопрос: «Вы не знаете, есть ли здесь змеи там, или прочие скрытые в траве неприятности?» и его ответ: «Определенно нет. Это магически созданный сад, хищная живность обычно избегает подобных мест».

И вот тебе главный вопрос, Катриона, каким образом прибывшим элларам удалось так быстро ликвидировать все, судя по рассказу Адраса о Мигране, многочисленные человеческие государства?

— Вы уничтожили все те злаковые культуры, что являлись основой рациона людей помимо мяса и прочего! — с трудом сдерживая злость, произнесла я.

Эллары промолчали, зато Акъяр насмешливо произнес:

— Вы слишком хорошего мнения о вашем новом народе, пресветлая императрица, — усмехнулся и добил: — На всей территории как Эррадараса, так и Тэнетра, вы не найдете ни одной коровы, козы или овцы... Разве что в виде схематической наскальной живописи.

В следующее мгновение все эллары разом поднялись. Лорды остались стоять, склонив головы, их секретари рухнули на пол, едва ли не приложившись к нему лбами. А по обе стороны от меня опустились две

дьявольски знакомые ладони, после чего, у самого виска прозвучало на оитлонском:

— Кого будем сжигать, нежная моя?

— Едва ли вам понравится ответ, мой кесарь, — сдавленно ответила я.

Тихая усмешка и громкое:

— На сегодня достаточно.

Молча сложила бумаги и записи, передала склоненному Эдогару, который даже не разогнулся, беря бумаги.

И меня поглотил портал.

* * *

В месте, куда Араэден перенес меня шумела вода. Сотни, тысячи капелек воды ниспадающих с древних соцветий сталактитов, образующих крохотные ручейки, сливающихся в единый узкий, и вытекающий прочь из небольшой пещеры, в которой мы оказались.

— Идем, — кесарь протянул руку, шагнув вперед.

Ступила следом и ощущая собственную ладошку окончательно беспомощной в его сильной руке, проследовала за императором на свет.

Мы вышли на поляну, покрытую изумрудно-зеленой травой и расположенную у обрыва, с которого открывался вид на безбрежный синий и ныне совершенно спокойный океан.

Видимо потому, что я растеряннo плелась, едва переставляя ноги, Араэден подхватил на руки, и понес сам, ступая уже быстрее и увереннее. Дошел до самого обрыва, сел на краю, и усадив меня на к себе на колени, снял сначала обруч, удерживающий покров, после и саму ткань. А затем, аккуратно распуская мои волосы, жестко произнес:

— Нежная моя, уныние — слабость. Отчаяние — глупость. Мне продолжать?

Хотела сказать «не стоит», а вместо этого прошептала:

— Они уничтожили всю экосистему этого мира...

Усмехнувшись, кесарь уложил меня на траву, сам перевернулся на бок, сорвал ближайшую травинку, и демонстративно-пристально разглядывая ее, сообщил очевидное:

— Мир давно создал новую.

И Араэден выразительно провел по моим губам этой самой травинкой.

Молча отобрала ее, села, пристально глядя на частичку крайне густого окружающего травяного покрова, затем взглянула на наблюдающего за

каждым моим движением императора и заметила:

— Лорд Кеанран умеет задавать правильные вопросы.

Усмехнувшись, кесарь ответил:

— Мертворожденный сумел не только построить свой Дворец, но и приблизить его практически вплотную к Великим.

Я рывком стянула с себя верхнее платье, расстегнула до пояса второе, легла на живот и покусывая травинку, спросила:

— Стоит приблизить лорда Кеанрана?

Кесарь перекинул мои волосы наперед, мягко прошелся ладонью по спине и с улыбкой посоветовал:

— Стоит внимательно слушать его, нежная моя.

Пожав плечами, грустно заметила:

— Крайне внимательно стоит слушать всех. И чем дальше, тем больше понимаешь, что любое упущенное слово может стать фатальной ошибкой.

Улыбнувшись, кесарь провел костяшками пальцев по моей щеке и произнес:

— Ошибки — это каменная плитка, устилающая дорогу к успеху. Тебе ли не знать об этом.

Но я не успела даже обдумать его слова, как кесарь добавил:

— Все, что тебе мешает сейчас — это страх. Страх совершить ошибку, страх сделать неверный шаг, страх выпустить ситуацию из-под контроля. Ты боишься, нежная моя, постоянно забывая, что за твоей спиной всегда стою я. Я исправлю любую ошибку, удержу, даже если ты будешь падать, и я уже контролирую весь этот мир, одно твое слово — он будет положен к твоим ногам.

Я улыбнулась, глядя в загадочно переливающиеся глаза кесаря, легла удобнее, положив голову на сложенные руки и продолжая смотреть на императора. Несколько секунд просто смотрела, а затем тихо спросила:

— То есть между этим миром и вами, готовым стереть его с лица земли, стою только я?

Кесарь улыбнулся. Улыбка сказала о многом.

— Не угадала, — досадливо догадалась я.

— Нет, — подтвердил кесарь.

Где-то рядом весело жужжа летели, кажется, пчелы, но подлетев ближе, они резко передумали и очень быстро улетели. Я их понимаю, я бы на их месте тоже улепетывала в быстром темпе. Но на своем собственном месте я продолжала лежать на траве, нежась под солнцем и ощущая неспешное движение руки кесаря по моей спине — было приятно. Спокойно, надежно и как-то тепло... даже не от солнца, от ладони

императора. От того как нежно касались его пальцы, как плавно двигалась рука, как близко был он сам...

Странное, ощущение, но безумно приятное...

А затем я ощутила биение своего сердца.

Очень отчетливо, очень ярко, очень громко и вязко...

Удар, удар, удар...

И мир вокруг нас застыл!

Мимо пролетающая бабочка увязла в застывшем воздухе как в капле зеленоватого янтаря, ветер исчез, воздух стал вязким, небо ярко-изумрудным, и только пальцы кесаря оказались способны двигаться, и мягко, успокаивающе коснулись моего позвоночника, словно предупреждая...

Грохот!

Грохот расколовшегося мира и на землю перед нами, в ошметках гранитных скал и льда, смяв пригорок как лист бумаги, приземлилось... нечто. Некто. Кто-то! Упав, он опирался одним коленом и двумя кулаками о землю, сломанную его падением, но мгновенно выпрямился, оказавшись обладателем внушительного роста, темно-зеленых, абсолютно лишенных зрачков глаз, светлых коротких волос, стриженных по удлинённые, странной даже для элларов формы ушей, и тонкого, но ощутимо сильного тела. Станный индивид был одет не менее странно — короткая кожаная куртка с рукавами, не достигающими до острых локтей, короткие перчатки с обрезанными пальцами на руках, штаны и высокие ботинки с присущей скорее ракардам шнуровкой. А за его спиной обнаружился огромный широкий двуручный меч странной формы — слишком уж широким было лезвие.

— Нежная моя, — вновь поглаживая меня по спине, с явно демонстративной насмешкой произнес кесарь, — помнится, ты желала познакомиться с высшим?

— Я не желала, — справедливо напомнила императору.

И поразились тому, что способна говорить, обходясь абсолютно без воздуха. Потому что я не дышала. Дышать было нечем. Это был вакуум, абсолютно и полностью лишенный того воздуха, которым в принципе можно было дышать.

И тут существо заговорило, произнеся одно единственное:

— Ты!

По правде говоря было забавно в этот момент посмотреть на кесаря, пожалуй так к нему не рисковали обращаться уже лет так триста как минимум. И потому не удержавшись, я скосила взгляд на нашего

бессмертного, удостоилась откровенной насмешки в его глазах, после чего император убийственно ласково произнес, обращаясь к высшему:

— Повтори.

Но пришелец повторить чего-либо не успел, а впрочем и не собирался — мгновенно потянувшись за мечом. Не успел. Кесарь сорвался с места, словно взведенная пружина, и нанес удар, сопроводив его нехилой взявшейся невесть откуда молнией. И когда высший отлетел, получив электрический заряд в полете, я лишь удобнее устроилась на траве, приготовившись наблюдать приятное во всех смыслах зрелище — кесаря, бьющего морду высшему. Испытывать какое-либо сочувствие к тому, чей народ последовательно и безжалостно уничтожил два вполне себе обитаемых мира я не собиралась. Испытывать страх за в принципе неубиваемого кесаря тоже.

И потому, пока мой император последовательно вколачивал высшего во вспаханную этими двумя землю, я преспокойно лежала, осторожно тыкая травинкой в висящую в воздухе бабочку. Поднялась лишь когда бабочка, бросая на меня гневные взгляды, улетела наращивая скорость, а мир вокруг ожил.

И вот после этого, отряхнув платье, я, не особо торопясь, направилась к впечатляющей композиции — кесарь разговаривающий с впаянным в скалу высшим. Явилась не к самому интересному моменту, ибо высший, еще не осознав всей степени своего попадания, шипелявил что-то вроде:

— Ты ефо пофалееш!

Он хотел высказать что-то еще, игнорируя ржаво-голубую кровь, что стекала из уголка его рта, но узрев меня произнес что-то вконец странное:

— Руна спокойствия.

— Где? — не поняла я.

— На те... — начал было высший.

И тут его немного сильнее сжала скала. А я начала догадываться, почему в принципе так безразлично на все отреагировала, но не суть.

— Это кто? — поинтересовалась я у кесаря. Он насмешливо глянул на меня, и потому я поспешила добавить конкретики: — Помимо того, что он высший.

— Посланник, светоч, искра — что-то из этого, — сообщил мой супруг.

— Информативно, — скептически заметила я.

— Возможно искатель, — добавил кесарь.

— Возможно, — глубокомысленно согласилась я.

Ни гоблина вообще не понимая.

— А чего хочет? — спросила в итоге.

— Ты знаешь, нежная моя, в процессе активной беседы мы еще не дошли до обсуждения этого вопроса, — иронично ответил Араэден.

— Ну так доходите, мне же интересно, — вполне нагло заявила я.

Между тем, демоны его знает кто, посмаковав, выплюнул парочку выбитых зубов, вперил взгляд в кесаря и прошипел:

— Но ты не элементарь. Мы засекли огонь, а ты...

Меня утянуло в портал до того, как этот непонятно кто, закончил свою речь. Еще до того, как я вообще что-то поняла ... Просто в один сияющий миг я перенеслась с разгромленной поляны в упорядоченную императорскую канцелярию. Постояла, поправляя несколько растрепавшиеся волосы, подумала, глянула на своих подчиненных и подумала, что в принципе пора браться за реальные проблемы, с которыми мой неубиваемый супруг сам не разберется точно.

— Ленель, сообщите пресветлым что перерыв завершен, — приказала я ближайшему из подчинённых. — И отправьте кого-нибудь за моими рабынями и новым покровом.

* * *

К наступлению ночи владельцы Великих дворцов выползали практически в буквальном смысле слова. Порталы для них открывали Эдогар, Адрас и бросающий на меня все более потрясенные взгляды Акъяр. А я как никогда поняла, насколько прав иногда бывает кесарь.

«Все, что тебе мешает сейчас — это страх» — это оказалось абсолютной правдой.

Но любые страхи исчезли вместе с наложением руны Спокойствия, или как там ее обозвал высший и в результате я больше не шла уверенно вперед — я летела. За оставшуюся половину дня мы разработали план развития экономики империи на ближайшие пять лет. Мы заложили основы дорог, потому что ждать больше кесаря я не желала. Распределили строительство по территориям подконтрольным Великим Дворцам, обсудили налоги, и установили денежный эталон. За всего лишь половину дня. Я больше не осторожничала, я приказывала — они принимали на себя обязательства исполнять. Никаких споров, никакого противодействия.

И никаких больше сомнений.

Полная централизация власти в моих руках, владельцы Великих Дворцов становились лишь представителями моей власти на местах,

управление экономикой, инфраструктурой, развитием сельского хозяйства — попадало под контроль моей канцелярии.

На данный момент я не трогала лишь армию и судебную систему, первое — сходу отнесла к прямым обязанностям кесаря, для второго требовалось время и создание судебных прецедентов.

— Пресветлая императрица, — завершив с отправлением великих владетелей по домам, Къяр подошел ко мне, и уже некоторое время стоял над душой, наблюдая за записями, которые я вела исключительно для себя, а потому писала на оитлонском. — Какая странная письменность.

— Письменность моей родины, — не поднимая головы и продолжая писать, ответила я.

— Слева на право? — проложил мешать мне принц Ночного Ужаса.

Или Ночного Кошмара, тут уж как посмотреть, доставал он не хуже неприятного сновидения.

— А вы считаете, что сверху вниз единственный вариант письменности? — поинтересовалась я. — Существует еще справа на лево, по диагонали, письменность рисунками, узелковая письменность, и прочие виды и разновидности. Каждый народ радостно изгаляется в меру своей испорченности, и к слову имеет на это полное право.

Спорить Акъяр не стал, но счел необходимым заметить:

— Большинство из перечисленных вами способов относятся к варварским, пресветлая императрица.

— Если смотреть на них под углом зрения вашей цивилизации, то вполне, — согласилась я. После запрокинув голову посмотрела на принца Ночного Ужаса и насмешливо заметила: — Но если взирать с точки зрения высших, варварами будете как раз-таки вы.

И к слову о высших — хотелось бы мне знать где сейчас кесарь!

Но великого правителя Эррадараса не было.

Он не появился к ужину, всю трапезу я выслушивала прикрытые любезностью колкие замечания Эдогара и Акъяра, оба проявляли друг у другу поистине жгучую ненависть. Мы с приглашенным Юранкаром и моим верным Адрасом просто молча ели, мы проголодались и нам было не до разбирательств, мне так точно — руна спокойствия действительно была просто потрясающей штуковиной, мне бы ее раньше! Желательно вообще с момента прибытия в этот проклятый всеми кланами гоблинов мир!

Под конец трапезы явился Тэхарс.

Дракон, слегка не справившись управлением, влетел в окно пиршественного зала, снеся и его и соседнее к демоновой матери, грузно приземлился, перекинулся и направившись ко мне, продемонстрировал

огромный наливающийся синевой фингал на лице, отсутствие двух зубов и кровоподтек на скуле.

— Слушай, императрица, — еще издали начал он.

Я, промокнув губы салфеткой, отложила салфетку и сложила руки на коленях, всем своим видом демонстрируя готовность собственно слушать.

— Я тут это, — Тэхарс пошатываясь подошел ко мне, забрал у меня салфетку, сплюнул на нее комок крови со слюной, воззрился на следствие явно мордобоя, тяжело вздохнул, отдал изгвазданное тенью скользящей мимо рабыне и притянул к себе магией стул, уселся, сдвинув Юранкара и странно глядя на меня, спросил: — Слушай, у тебя это, среди элементарей любовники были?

Присутствующие за столом несколько обалдели от прямолинейности дракона, мне же было как-то все равно, и я с абсолютным спокойствием ответила:

— Тэхарс, к моему искреннему сожалению, на любовников в моей жизни никогда не было времени.

Дракон, почесав макушку, которой кажется тоже досталось, уточнил:

— То есть... элементарей не было?

Я хотела было ответить, но внезапно отчетливо поняла — я понятия не имею, кто такие элементарии. Элементы... Понятие элементов присутствовало, но кто такие элементарии?

— Красный, огненный, — вдруг начал подсказывать Тэхарс. — Ты понимаешь — нормально переговоры вели, пока речь о тебе не зашла.

О, так драконы снизошли до переговоров с орками!

— Так это же замечательно! — воскликнула я. — Орки вас приняли? Тэхарс, ты летал один? К какому соглашению пришли?

Вместо ответа, дракон выразительно сплюнул на пол... кажется свой зуб.

— Нормально все было, — после некоторого молчания произнес он. — У орков смена власти, захватил полуорк-элементарь, всех недовольных сжег. Объединил племена. От орочьих баб отказался, те попытались обидеться, снова сжег недовольных. Маги попытались рыпнуться — теперь все стоят под его началом. Но так вообще нормальный мужик, меня выслушал, с поставками скота почти договорились, и все было отлично, пока речь не зашла о тебе.

Я приподняла левую бровь, намекая, что вообще ничего не поняла.

— Я тоже не понял! — психанул Тэхарс.

Протянув руку схватил графин с вином, выпил его разом, и вытерев окровавленные губы, продолжил:

— Он тебя знает.

Схватив кусок орехового хлеба радостно зажевал и продолжил:

— Сходу узнал. Как я начал переговоры вести, так и спросил: «Кат научила?» Я говорю: «Не, императрица наша». А он гордый такой «Кат, моя Шианари». Ты вообще Шианари?

Я вообще уже ничего не понимала. Абсолютно. Скептически посмотрев на дракона, осторожно сообщила:

— Тэхарс, я человек. Люди в моем мире общаются с людьми. А ты говоришь мне о каком-то полуорке-элементале, и непонятно каком имени, которое точно не мо...

Я не договорила.

Не смогла.

Потому что перед глазами вдруг отчетливо встала Великая степь, целое море из высоких зеленых трав, покрывало, со странным узором, мужчина с нечеловеческими чертами лица, его медные в сиянии поднимающегося солнца волосы и срывающееся с губ: «Моя Шаниари, моя женщина».

Я вскочила, опрокинув собственный бокал, и алое вино разлилось по белоснежному столу, кровью стекая на столь же белоснежный пол.

Кровь...

Кровавый алтарь...

Кровь стекающая по серебряным желобкам, жуткое и отвратительное зрелище...

«Кесарь...» — мысленно позвала я, ощущая нарастающий испуг.

Ответа не было.

«Араэден...» — снова тишина.

Тишина???

Кесарь не ответивший мне — это уже нонсенс.

— Адрас, мне нужна ваша помощь.

Принц Мрака поднялся без слов, молча подошел, молча открыл портал — я вступила в него не глядя.

* * *

Едва Адрас вошел за мной в нестабильное марево перехода, портал взялась открывать уже я. Заметно удивившийся темный, прикрыл нас от глаз оставшихся в трапезной, закрыв вход, и недоуменно посмотрел на меня.

А мне было больно. Дико, безумно, разрывающе больно.

Я формировала кристалл, который почему-то знала, как формировать, четко представляя облик кесаря и чувствуя себя так, словно мои руки не просто ломали, а разрывали в районе запястий.

— Катрина, — нервно позвал Адрас.

Я не ответила, до крови прикусив губы и ощущая, как струйка этой самой крови сейчас стекает по подбородку, и думая, что мне никогда, вот вообще никогда не было так больно!

Или было?..

Перед глазами промелькнуло видение рукояти меча, почему-то торчащей из моей груди... промелькнуло и исчезло, а я продолжала упорно создавать кристалл, отчетливо представляя себе кесаря и почему-то думая, что убью. Вот убью и все!

При мысли о кесаре с ладоней сорвались не капли крови, а сверкающие золотые искры.

— Зарры! — выдохнул Адрас.

К гоблинам зарры, кесарь до сих пор мне не ответил!

Пространство поддалось с треском и грохотом, и воздух из открывшегося мира, горячим потоком едва не сбил с ног. Но я удержалась, в основном благодаря тому, что меня удержал Адрас. И ему пришлось и дальше выступать в качестве подпорки, потому что картина, открывшаяся нам, не способствовала моему равновесию.

Этот мир полыхал зеленым пламенем.

Он горел, практически весь. Горели дома, трупы элларов, лежащие повсюду, трупы животных, крыши зданий... горели жутким, похоже вечным пламенем... и посреди всего этого, обнаженный по пояс, с двумя мечами в руках, местами немного раненный, а местами раненный основательно, стоял кесарь.

Но он хотя бы стоял!

А вот у его ног, уже определенно лишенные возможности стоять прямо, и вообще стоять в принципе, лежали куски высших. Трех. Темноволосых, с длинными темными волосами, и руками, в основном обхватывающими рукояти их странных и лишенных логики мечей, которые лежали отдельно от тел. В смысле вот перед кесарем тело, а там чуть дальше рука, все еще сжимающая меч. Тела отдельно, руки отдельно — все как полагается.

— Меня сейчас стошнит, — честно призналась я Адрасу.

Принц темных молча достал платок, и так как продолжал придерживать меня за талию, а я продолжала удерживать кристалл

пространственного перехода и мои руки были заняты, разместил его у моего лица и произнес:

— Если что, у меня еще один есть.

Внезапно поняла, что я искренне и всем сердцем люблю принца Мрака. Нет ну потрясающий же мужик, а я всегда о брате мечтала.

В этот момент кесарь, пошатываящийся над телами своих павших врагов, медленно повернул голову, с нескрываемым удивлением посмотрел на нас с Адрасом и хрипло спросил:

— Нежная моя!

— Мой кесарь, — гадая, что случится прежде — у меня руки оторвутся или меня все же стошнит, — вы не явились к ужину.

— Что-то мне подсказывает, что у него был шанс не явиться даже к завтраку, — мрачно изрек Адрас. И пояснил для меня: — Это Эррадарас.

— Что? — тошнить перестало мгновенно. — Они что, покровсали мою империю?!

И тут кесарь расхохотался.

Этот громкий, с легкой ноткой иронии, нескрываемый смех жутко прозвучал над павшим городом и умершими, и как-то совершенно неуместно над дохлыми высшими. Но свои эмоции Араэден взял под контроль мгновенно, как, впрочем, и всегда, а затем, с заметным трудом, но быстро и решительно направился к нам, не глядя под ноги и безразлично шагая по трупам и осколкам чужой жизни. Он приостановился лишь раз, перед тем, как сделать шаг в портал, но войдя, отбросил оба окровавленных меча, и крепко прижал меня к себе с такой силой, что весь воздух вышибло как ударом, а кристалл уничтожился в моих ладонях, едва соприкоснулся с телом императора.

И через миг световой феерии, мы стояли все в той же трапезной во дворце императора, прямо в луже разлившегося из моего бокала вина — я, Адрас, нервно скомкавший платок, и все так же прижимающий меня к своей обнаженной груди кесарь. И застывшая в его крепких объятиях я, лишь слышала, как все медленнее и медленнее бьется сердце пресветлого императора, судорожно вдыхая запах крови — своей, его, и наших врагов. И руки продолжали болеть так, словно кости в них расплавили, вывернули, и все еще продолжали ломать.

— Я же просил — никакой магии, — хрипло выдохнул, сжимая еще крепче кесарь.

— Да, но это было до того, как вы не явились к ужину, — от чего-то упрямо повторила я.

Отстранив меня, Араэден ухватил за подбородок, запрокинул мою

голову, заставив посмотреть на себя и зло отчеканил:

— Адрас сказал правду — у меня был нехилый шанс не явиться и к завтраку, как, впрочем, и не явиться вообще. Но мое исчезновение и даже гибель — не повод причинять себе боль, используя магию. Я — запретил! А ты нарушила мой приказ!

На какой-то краткий миг, очень-очень краткий, мелькнула подлая мыслишка о том, что кесарь мог вообще не вернуться... Я отреагировала на нее ощущением мороза по коже и чувством дикой паники. Потому что кесарь меня еще устраивал, а вот Акъяр не говоря о его арахнидовом папеньке — нет! Причем категорически!

— Это была плохая шутка, — нервно заметила я.

Причем плохая настолько, что моя руна спокойствия дала сбой, но к счастью вновь начала исправно работать, правда ровно до того момента, как я осознала, что только что видела. И вот тогда спокойствие полетело к гоблинам, и я зло спросила:

— Это какой из Великих Дворцов подвергся разрушению?!

Внезапно поняла, что кажется меня лично не стошнит, даже если я схожу и попинаю останки высших ногами.

— Не Великий Дворец, Катрин, это был Эррадарас — мир светлых, — произнес Адрас за моей спиной.

И добавил, совсем тихо:

— Ты открыла переход в один из миров Тримиана.

В следующий миг кесарь, давно и благополучно отшвырнувший свои мечи, извлек из воздуха, хотя чему я удивляюсь, нож, резанул рукав сразу трех моих платьев и застыл, вместе со мной глядя на запекшуюся под кожей кровь, искривленные кости, и в целом неприглядную картину.

— Самое время упасть в обморок, — глубокомысленно заметила я.

Тэхарс взял и последовал доброму совету.

Я осталась стоять, под медленно звереющим взглядом не менее звереющего кесаря, глядя как увеличивается площадь поражения от внутреннего кровотечения в моих руках. Повторно подумала, что сейчас вот точно самое время упасть в обморок...

— Неплохой способ уйти от разговора, — мрачно произнес кесарь.

Тьма.

* * *

Я пришла в себя от боли в левой руке. Медленно повернув голову,

приоткрыла глаза, окинула сонным взглядом собственную конечность, возлежавшую в ледяной колодке на отдельной подушечке. Повернув голову вправо — обнаружила вторую руку, находящуюся в том же положении, хотя нет — ей было лучше, она не болела.

— Сейчас, нежная моя, — раздался тихий голос, и вышедший ко мне из тумана кесарь, сначала склонился, удерживая свое уже полностью лишенное шрамов и отметин тело на вытянутых руках, а затем стремительно наклонившийся и накрывший мои губы поцелуем.

Боль исчезла мгновенно.

Жаль, кесарь подзадержался.

— Забавно, — император отстранился и холодно взглянул мне в глаза, — в Расветном мире ты гораздо более эмоционально реагировала на мои поцелуи.

— В Рассветном мире на мне не было ваших рун, вы не пытались стереть мне память, и да — собственно во мне не текло вашей крови, мой кесарь, — парировала я.

И снова уделила внимание собственным рукам.

— Лучшее — враг хорошего, — как-то странно произнес мой супруг, присаживаясь рядом на постель.

Я же с удовлетворением отметила, что оба моих запястья вернулись в нормальное состояние, после чего, взглянув на Араздена, определенно ожидающего моих вопросов, действительно поинтересовалась:

— Высшие все же угроза?

— Уже нет, — кесарь прикоснулся к моей щеке, нежно провел вниз, заправил прядь волос за ухо и пояснил: — Ты очень верно оценила высших, любимая. Действительно, ощутив отголоски проведенного нами ритуала возвращения жизни, они заинтересовались Нижним миром, но пройти в него сумели лишь по открытому пути.

— Открытому пути? — недоуменно переспросила я.

Ладонь кесаря медленно соскользнула с щеки на шею, ниже, коснулась обнаженного плеча, и продолжила путешествие по моему телу, в то время как император произнес:

— Существуют связанные миры, свободные и закрытые. Верхняя часть Тримиана является... являлась... в принципе является связанными мирами, Рассветный — свободным, Нижний на котором мы находимся в данный момент — закрытым. Но несколько дней назад кто-то открыл путь. И им решили воспользоваться. Высшие, в данный момент переживающие период распада единой империи и родовой раздробленности, остро нуждаются в ресурсах. Но ты видела, нежная моя, во что превратился

Эррадарас — вечный огонь бушующий на оставшихся не поглощёнными океаном территориях едва ли способствует зарождению как новой жизни, так и формированию ресурсной базы для высших.

Удобнее устроившись на подушке, уточнила:

— Насколько опасно вторжение высших?

Кесарь улыбнулся мне краешком губ, и поинтересовался:

— Ваше мнение, пресветлая императрица?

Мое мнение?! Подумав несколько секунд, я пришла к неутешительным выводам:

— Одежда того, кто явился в нижний мир, и тех, кого вы покровсали на останках мира ваших предков... отличается, как собственно и внешний вид. Разные семьи? — предположила я наиболее паршивый расклад.

— Разные банды, — мгновенно ухудшил кесарь и так крайне мрачные перспективы.

— Банды... — протянула понятиливо я.

Что ж, я уже отчетливо поняла — чем длиннее протяженность жизни поколения, тем медленнее идет политическое развитие. К примеру, в Рассветном мире средняя продолжительность жизнь лет семьдесят, и в результате мы уже миновали как период родоплеменного строя, так и период основы экономики на рабовладении. Эрадарас каким его знаю я — отстает от моего мира, вероятно вследствие слишком долгой жизни как элларов, так и тэнетрийцев. Развивая логически данную мысль, приходим к неутешительному выводу:

— У высших накрылся родоплеменной строй.

— Я бы не стал относиться к ним как к столь примитивным индивидам, — мягко произнес кесарь.

— У них власть основывалась на кровно-родственных связях? — мило уточнила я.

Император кивнул.

— Родоплеменной строй! — безапелляционно повторила.

И откровенно расстроилась. Следом за родоплеменным строем идет военная монархия. А ее как не назови «банды», «военные кланы» «захватнические отряды» — это все равно паршиво! Они в периоде агонии прежнего уклада жизни, соответственно никаких морально-этических ограничений и исключительно одна цель — грабить.

— А кто-нибудь еще, кроме вас, способен дать им отпор? — прямо спросила я.

Вопрос не был лишен оснований — фактически кесарь действительно являлся богом. Едва ли я могла иначе назвать правителя, за пару часов

единолично вернувшего себе целую империю. Но если еще вчера сила кесаря давала уверенность в стабильном будущем, то уже сегодня...

— Сегодня такой уверенности нет? — усмехнувшись, поинтересовался император.

Не ответив на провокацию, я предположила:

— Арахандар, Араэн принц Ночи, Акъяр и Адрас? И все?

Встретив мой вопросительный взгляд, Араэден спокойно ответил:

— Ты поняла, что произошло во время нападения светоча?

Я вспомнила появление светловолосого высшего, застывшую бабочку, застывший воздух... И осознала, что отсутствие возможности дышать в принципе не причинило мне никакого вреда. Как и кесарю. Но кесарь не убиваем, а я...

— Часть меня, — спокойно сообщил император.

Но это была не та информация, которую могла спокойно воспринять я.

Гнев полыхнул с такой силой, что ледяные колодки на руках разорвало в клочья, но я осталась лежать практически неподвижно, не отрывая полного ярости взгляда от того, кто определенно зашел слишком далеко. Нет, я бы встала, или практически вскочила — но сил не было. Была злость, которой даже силы не требовались.

— Не злись, — он протянул руку и вновь коснулся моей щеки, дернула головой избавляясь от прикосновения, но кесарь властно удержал ладонь и добавил: — Это спасло твою жизнь. Уже дважды.

— А у меня осталась она — моя жизнь? — гневно спросила я.

Глаза императора Эррадараса сузились, и он с нажимом произнес:

— Я — твоя жизнь.

Резко поднявшись, пресветлый одним мановением руки заставил исчезнуть появившийся туман, прошел к ближайшему окну, встал, вглядываясь в пейзаж за хрустальным стеклом и ледяным, привычным мне тоном, сказал:

— Ты родилась по причине моего вмешательства. Ты жила, исключительно, потому что я приказал оберегать твою жизнь. Ты стала той, кто ты есть благодаря мне. «Твоя жизнь»?! — он повернулся, смерил меня холодным взглядом. — Ее никогда не существовало, Кари.

— Катриона, — мрачно поправила я.

— Кари Онеиро! — отчеканил он.

Его пристальный взгляд подавлял и требовал подчинения, но я упрямо смотрела в ледяные глаза кесаря, запоздало осознавая — я бессмертна. Я практически бессмертна. Я...

— Я полагаю, самое время пересмотреть условия нашего

соглашения, — спокойно произнесла собственно я же.

И рывком заставила себя сесть. Руки болели, все еще болели, но, если я способна дышать без воздуха, значит и восстанавливаться буду тоже без особого труда.

— С трудом, — как и всегда развеял мои надежды кесарь.

В принципе, начинаю подозревать, что у него такая цель в жизни — убивать все мои надежды на корню!

— Не важно, — я попыталась встать, осознала что с подниманием у меня явные трудности, а потому вновь опустившись на постель, вернулась к поднятой теме: — Никаких больше рун! — выдвинула я первое требование. — Никакого влияния на мои воспоминания! И да — я все еще настаиваю на отдельных апартаментах!

С третьей попытки мне удалось встать. Не то чтобы мое пошатывающееся тело получило какие-либо преимущества от стоячего положения, но моему самоуважению равновесие определенно пошло на пользу.

— Сядь! — холодно приказал кесарь.

И вновь отвернулся к окну.

А я рухнула на постель. Не повинаясь приказу, а потому что стоять более не было никакой возможности в принципе. Болело уже все, не только руки. Болела каждая мышца, скручивались узлом сухожилия, тело словно ломали по кусочкам с особой жестокостью.

Араэден оказался рядом в тот же миг, как меня охватила боль, подхватив на руки, уложил на постель, и поцеловал, забирая кажется не только всю мою магию, но и ту боль, что она несла. Несколько долгих, тянущихся словно патока вязких минут. И моя боль стала частью его.

— Да, — выдохнул кесарь мне в губы, — дикая смесь из магии и боли, желания и запрета, любви и ненависти, с тобой никогда не было иначе.

Едва ли прислушиваясь к его словам, я медленно сделала вдох, откровенно опасаясь, что боль вернется вновь. Жуткая, нечеловеческая, изматывающая боль, ломающая тело, выворачивающая суставы, рвущая мышцы.

— Не вернется, — кесарь осторожно отвел прядь волос с моего лица, — я рядом.

Всегда рядом...

— Всегда, — тихо подтвердил он.

Еще несколько минут я лежала молча, прислушиваясь к ощущениям своего тела, а затем, спросила у того, кто все еще нависал надо мной, согревая дыханием мои похолодевшие от приступа губы:

— А как же наш договор и ваше данное мне слово, мой кесарь?

Он улыбнулся, стирая пальцами капельки проступивших от боли слез с моих ресниц, и с удивительной для него улыбкой, произнес:

— Я сказал — если ты пожелаешь.

Не став спорить, просто уточнила:

— А если я пожелаю?

Внимательный взгляд ледяных глаз и сказанное как аксиома:

— Значит, мы вернемся в Рассветный мир.

«Мы»...

Судорожно вздохнув, с нескрываемой злостью напомнила:

— Вы сказали — «я открою для тебя путь в Рассветный мир».

— И в чем противоречие, нежная моя? — насмешливо поинтересовался император.

— В чем противоречие? — переспросила срывающимся голосом. — В чем противоречие?!

— Именно, — вновь касаясь губами моих губ, прошептал Аразден. — В чем? Если ты пожелаешь и выполнишь условие договора, через год я открою для тебя путь в Рассветный мир...

— «Но всегда буду рядом», — закончила за него его фразу.

И ощутила улыбку кесаря. Мимолетную, мгновенно перешедшую в ласковый поцелуй, но столь красноречивую, и столь явно сказавшую мне слишком о многом.

И на фоне этого, я как-то совершенно отстраненно отнеслась к затянувшемуся, ставшему каким-то совершенно иным поцелую, который, кажется, уже вовсе не имел целью забрать мою боль. Цель скорее плавно смещалась в горизонтальную плоскость.

Дернувшись, высвободилась от прикосновения и разъяренно спросила:

— Что вы делаете?

Кесарь, едва заметно усмехнувшись, очень спокойно объяснил:

— Существует два безотказных способа успокоить женщину: первый — магический, и от него ты отказалась, потребовав от меня не использовать более руны, второй — физиологический.

И Аразден посмотрел мне в глаза с той ледяной решимостью завершить начатое, на которую был способен только он.

— Нет! — не менее решительно выдохнула я.

Он ответил усмешкой, и вновь склонившись к моим губам, вкрадчиво прошептал:

— Ты — мне жена, нежная моя, и там, в храме Матери Прародительницы, ты поклялась исполнить свой долг. И я ждал долго,

любовь моя, слишком долго.

Одновременно с его словами, я ощутила, как одна рука кесаря властно легла на мой затылок, вторая ласково, но непреклонно двинулась вниз по моему телу... Судя по всему, мою девичью честь ждала пренеприятная встреча с супружеским долгом.

— Пренеприятная? — кесарь тихо рассмеялся. — Уверена?

И от его прикосновения меня бросило в жар!

В пламя, в самый эпицентр бушующего лесного пожара, куда-то туда, где я, задыхаясь, широко распахнутыми глазами смотрела в ледяные глаза кесаря, отражающие судорожно хватающую воздух меня, и холодное удовлетворение жестокого бога Рассветного мира, отстраненно играющего с ощущениями своей игрушки.

— Отстраненно? — переспросил Аразден, ловя губами мой стон. — О, нет, желанная моя, это не отстраненность, это обреченная на провал, и я отчетливо осознаю это с каждым твоим стоном, попытка устоять. Но ты — лети, я буду рядом.

Охватившее все мое тело чувство, имело что-то общее с болью — оно было всепоглощающим. Сладким, томительным, упоительным, ярким, сметающим мысли и эмоции, оставляющим лишь ощущения. Ощущение прохлады постельного белья на обнаженной разгоряченной коже, ощущение силы кесаря, сжимающего в объятиях, ощущение поцелуев, пьянящих, головокружительных, и пальцев, от безжалостного прикосновения которых меня снова и снова бросало в пламя.

«— И как кесарь целуется? — прозвучал в памяти чей-то вопрос.

— Триста лет опыта... — и весь этот опыт разбивал вдребезги любую попытку к сопротивлению.

Я пыталась вырваться, он ловил, я выворачивалась, он использовал новую возможность с головой окунуть меня в пучину чувственности, о которой я даже не подозревала.

* * *

В какой-то момент я осознала себя, лежащую на плече кесаря, который нежно, ласково, успокаивающе переплетал наши пальцы, целуя мои волосы и оставаясь напряженным как струна. Во мне же напряжения не осталось вовсе. Тяжело дыша, я ощущала боль в сорванном от стонов и криков горле, головокружение, от все еще охватывающем все тело полета, слабость, усталость и в то же время... Удовольствие с привкусом стыда,

отчаяния и предчувствия чего-то, что неизменно ждало впереди.

— Это ведь не было исполнением супружеского долга, не так ли? — хрипло спросила я.

— Нет, нежная моя, не было, — вдохнув запах моих волос, ответил кесарь. — Я не настолько в отчаянном положении, чтобы взять тебя против твоей воли.

Хотелось спросить: «А что тогда это было?!». Но спрашивать не пришлось, Араэден, как и всегда прочитав мои мысли, тихо ответил:

— Пробуждение твоей чувственности, Кари. И ты оказалась очень-очень чувственной...

Появилось безумное желание прикрыться, спрятаться, сжаться. Кесарь, считавший и это желание, мгновенно укрыл теплым покрывалом, продолжая прижимать мое обнаженное тело, к своей обнаженной груди, и не позволяя при этом отодвинуться ни на миллиметр.

Пребывая в полном смятении от случившегося, постаралась просто не думать. Вообще не думать. В принципе решила, что подумаю об этом завтра, или в ледяной ванной... в ледяной ванной думаю будет вернее всего, а, чтобы отвлечься решила чисто по-женски прицепиться к словам:

— Пробуждение?

— Да, — продолжая целовать мои волосы, и нежно гладить пальцы ответил кесарь, — первый этап.

От слова «первый» мне стало одновременно и холодно... и в то же время как-то очень жарко.

— Ппервый? — переспросила я.

Кесарь не ответил, лишь сильнее прижал меня к себе и его губы переместились с волос, на обнаженное плечо, покрывая его десятками поцелуев, и от одного этого, там где вроде все уже успокоилось, начала разливаться сладкая истома.

— Очень чувствительная, — хрипло прошептал Араэден. — Но, боюсь, без ледяной ванны лучше не продолжать.

Он ласково и бережно высвободил меня из своих объятий, укрыл, а затем, с постели сошел сразу в портал, от которого повеяло безумным холодом... кажется там не ледяная ванная, там целый океан ледяной воды.

А я осталась. Обнаженная, уставшая, наполненная чувством удовлетворения, смешанного с отвращением к самой себе.

Повернувшись на бок, обняла подушку, и уставилась невидящим взглядом в пустоту, одновременно ощущая, что утомленный любовными утехами организм практически наплевав на мои моральные терзания, медленно, но верно погружается в сон.

Но разум был категорически против!

Разум наследницы Оитлона имел привычку анализировать как происходящее, так и собственные ощущения и переживания. И анализ произошедшего меня не радовал. Вообще. Я слишком отчетливо понимала, что сейчас произошло. И к чему это приведет в будущем. Когда я впервые присутствовала на допросе — меня вырвало, а когда все закончилось, я спряталась за угол, села, и обняв плечи едва не выла от жалости к тому человеку, которому только что на моих глазах переломали все кости. Во второй раз была только тошнота и отголосок жалости, но вместе с тем четкое понимание — если уйду, поддавшись чувствам, могу упустить что-то важное, деталь которая окажется нужной для расследования, зацепка, что позволит спасти жизни других. Я раз за разом напоминая себе о долге, я выдержала весь допрос до конца. В третий — я едва ли думала о том, кому вырывали ноготь за ногтем, чувства жалости больше не было, было осознание важности моего присутствия, мысли о долге, желание узнать ответы на вопросы. И все.

Человек существо приспособляемое. Столкнувшись с преступлением впервые — он в ужасе, разум едва ли принимает происходящее. Но сталкиваясь с чудовищными вещами снова и снова, мозг адаптируется, и даже самое страшное преступление, начинает воспринимать нормой.

А теперь главный вопрос, Катриона Ринавиэль Уитримана, как быстро ты сочтешь нормой постель кесаря?!

Меланхолично взглянув на обнимаемую мной подушку, пришла к неутешительному выводу — уже сочла. Я давно воспринимаю его постель, как свою собственную, его дом — как свой дом, его империю... продолжать глупо.

Вспышка портала, прогнувшаяся под вернувшимся кесарем кровать, его холодное тело, устроившееся вплотную, но поверх одеяла.

— Я холодный, — объяснил Араэден, притягивая меня ближе, и снова зарываясь лицом в мои волосы.

— Ледяной, — на выдохе, поправила я.

Он усмехнулся, и действительно ледяными пальцами осторожно коснулся моей руки, скользнул вниз по запястью, до самых пальцев, пока не накрыл мою ладонь собственной большой и сильной, в очередной раз заставив осознать, насколько я маленькая и слабая, по сравнению с ним.

— Нет, нежная моя, ты маленькая, но сильно, удивительно, восхитительно, неимоверно сильная. Моя особенная принцесса, мой свет, мой дар, моя жизнь.

Горько усмехнувшись, прошептала:

— Нет, не так. Вы сами сказали — вы вся моя жизнь, мой кесарь.

Он тихо рассмеялся, прижал сильнее и прошептал, касаясь губами моего уха:

— Кари, ты удивительно умная девушка, но в то же время... Нежная моя, я открыто сказал, что, если ты пожелаешь вернуться в Рассветный мир, я последую за тобой. Как ты думаешь, почему?

— Чтобы и там мне всю жизнь испортить! — раздраженно ответила я. Тихий смех и усталое:

— Спи, упрямая моя. Завтра будет сложный день.

* * *

Сложный день...

Собственно, никогда не замечала за кесарем привычки преуменьшать... до этого дня. День был не просто сложным, день был изматывающим, трудным и плохо переносимым даже для меня, несмотря на то что я в этом всем практически не участвовала.

Практически... Но на встречах подобного уровня обязанностью пресветлой императрицы было присутствовать рядом с императором, выражая единение и целостность Светлой империи. А потому я сидела на троне, рядом с Араэденом, демонстрирующим присущее лишь кесарю истинно ледяное спокойствие. Мы восседали на серебряных тронах вплотную к очерченному золотым сиянием кругу, справа и слева от наших тронов располагались еще два поменьше — рядом со мной сидел Адрас, Акъяр восседал на троне со стороны кесаря. Напротив нас, на троне выполненном из красного золота сидел Арахандар Властитель Ночи, рядом стоял его старший сын и наследник — Аразн принц Ночи. Именно стоял. В момент начала встречи он дернулся всем телом, увидев восседающих братьев, но дергаться было поздно, и потому Аразн остался стоять. И беситься от униженности своего положения.

— Ты говоришь, их было пятеро, — недоверчиво произнес Властитель Ночи, в очередной раз бросив пристальный взгляд на меня.

Мило улыбнулась в ответ, наглядно продемонстрировав, что никто не забыт и ничто не забыто. Главный арахнид перевел злой взгляд с меня на Адраса — мой любимый темный ответил ему усмешкой, Акъяр не смотрел на отца вовсе, абсолютно и полностью игнорируя его существование.

И тому были причины.

Как оказалось — светочей вчера явилось двое. Одного на моих глазах

убил кесарь, второй, к несчастью для Тэнетра, приземлился на территории темных. И собственно — минус два принца. Ависей принц Ночного ветра и Анрахар принц Тени в данный момент в частично разобранном состоянии пребывали в семейном склепе, овеянные надеждами отца на регенерацию присущую темным. Но вероятно, у принцев не осталось бы и тени надежды, не пояись в разгар их добивания собственно Къяр. Как я и ожидала — из всех принцев, ну кроме Адраса, мозги присутствовали только у него. Мужик разумно не стал лезть в пекло, в отличие от наследника, который ринулся бить морду светочу и теперь радовал лично мой взор одним заплывшим глазом и внушительным синяком, отчетливо видимым даже на темной коже. Нет, принц Ночного ужаса поступил умнее — он блокировал переход высшего, и ударил по нему высвобожденной магией. Высшего разорвало на ошметки в тот самый момент, когда он уже практически достал старшего из принцев. Во всей этой истории меня лично интересовал только один момент — а где во время боя обретался собственно темный папашка?

Судя по откровенно презрительному поведению Акъяра, он задавался тем же вопросом.

Осторожно выглянув из-за кесаря, улыбнулась принцу Ужаса. Тот слабо улыбнулся в ответ, и мы разом посмотрели на кесаря, от которого все ожидали ответа.

— Светоча я убил здесь, пройдя по открытому переходу, вышел на старом Эррадарасе и столкнулся с еще четырьмя выгрызающими путь. Одного допросил.

Адрас отреагировал на эти слова спокойно — он сам вчера все видел, а вот остальные темные как-то очень настороженно посмотрели на кесаря. Секундное молчание и Властитель ночи задал вопрос:

— Убийство светоча закрывает путь. Как ты вернулся?

Об этом знали — я, кесарь, Акъяр, Адрас, Эдогар и даже Тэхарс, но промолчали все. Я догадывалась, что на эмоциях совершила что-то из ряда вон выходящее, но учитывая, что стало с моими руками и раздражающе ноющие до сих пор запястья, я отчетливо понимала, что едва ли еще раз решусь на подобное. Как-то не хочется остаться без рук, я к ним уже, как минимум, привыкла.

— Я — вернулся, этого достаточно, — с нажимом произнес кесарь.

И тема была закрыта.

Главный арахнид Тэнетра сжал зубы, да так что желваки проявились на скулах, но проглотил и это. Ему вообще много чего сегодня пришлось проглатывать, но главный скандал, как я понимаю, ждал его впереди —

Араэн принц Ночи был в ярости от того, что отец в момент схватки со светочем не появился, и судя по взглядам бросаемым его единственным глазом, Властителя ждал неприятный разговор.

— Итак, — медленно проговорил Арахандар, — высшие нашли путь в Нижний мир.

— Скорее — пробили доступ, — обозначил проблему кесарь.

Затем, он же и продолжил:

— Высшие вступили в эпоху распада. Следовательно, мы имеем дело не с одним государством, а с разрозненными находящимися на грани выживания бандами. И в сложившихся условиях, нужно быть готовыми к тому, что высшие могут начать массированное вторжение.

Арахандара заметно перекосило. Рука его, сжимавшая подлокотник серебряного кресла, нервно сжалась... на металле остались вмятины. Затем в нашем милом междусобойчике прозвучало:

— Нам нечего противопоставить высшим.

Кесарь и Акъяр переглянулись, затем с одинаковым презрением посмотрели на отца.

Заметивший это Властитель Ночи хрипло ругнулся, глянув на меня доругиваться не стал, глубоко вдохнул, выдохнул и произнес:

— Хорошо, обозначим ситуацию яснее — у нас есть двое, готовых дать отпор высшим. Двое, на... сколько там насчитывалось высших, на момент, когда они уничтожили наш мир? Миллиона два-три? Ну же, дети мои, напомните старику отцу.

От слов «дети мои» перекосило заметно меня и Адраса.

— Извините, я отказываюсь от сомнительной чести пребывать в рядах ваших детей, особенно после имевшего места недавнего разговора, — мило улыбаясь, сообщила Арахандару.

Араэн принц Ночи очень странно взглянул на меня своим единственным уцелевшим глазом, после чего еще внимательнее посмотрел на отца.

— После, — жестко отрезал тот.

— Но на вашем месте, я бы максимально ограничила общение вашей возлюбленной Элиэ с Властителем Ночи, вы знаете — чревато, учитывая самомнение, аппетиты и пристрастия некоторых. Впрочем, решать вам, — и я мило улыбнулась наследнику Тэнетра.

Нет, война-войной, общая проблема тоже общей проблемой, но грех не воспользоваться возможностью посеять раздор в рядах противника.

— Полагаешь? — на оитлонском поинтересовался кесарь.

— Эти двое нам все равно ни к чему, один — труслив, второй —

глуп, — так же на оитлонском ответила я.

— Интересная характеристика, — усмехнулся император.

А затем перейдя на язык светлых, ответил отцу:

— Высших много, достаточно много для того, чтобы их вторжение представляло опасность. Поэтому единственным верным путем будет — перекрыть им возможность перехода в Нижний мир.

Властитель Ночи, продолжая испепелять меня полным ненависти взглядом, прорычал:

— Они выгрызут его зубами!

И тут в разговор вступил Акъяр:

— Едва ли. В данный момент кто-то прошел путем звезд, оставив путь открытым. Светочи засекли это, ориентируясь на сияние звезд. Следует найти того, кто вторгся к нам, а судя по сообщениям это тот, кто подчинил орочьи кланы, и вышвырнуть его, тем самым закрыв путь.

От его слов я ощутила смутную, какую-то необъяснимую тревогу. Частично ее объяснил сам Властитель Ночи, произнеся:

— Вышвырнуть того, кто подчинил орочьи кланы, на территорию которых мы не сумели пробиться более чем за сто лет?! Интересная задача, а главное вполне выполнимая, — съязвил Арахандар напоследок.

— Всегда можно трусливо отсидеться где-нибудь под троном... — ни на что не намекая, мило улыбаясь протянула я.

Наверное, если бы мог, Властитель Ночи уже с удовольствием препарировал бы меня. Но он не кесарь, убивать взглядом был не в силах, а потому пришлось молча проглотить и это. Хотя я так подозреваю, что попадись я ему в руки, и ни о каком изнасиловании уже и речи бы не шло, полагаю темный бы просто вонзил в меня кинжал... раз сто, или двести, или пока не докромсал бы на мелкие кусочки, хотя, судя по выражению его лица, он не удовлетворится и этим.

— Араэден! — прошипел Араэн принц Ночи.

— Моя нежная может говорить все, что пожелает. Я ясно выразился? — ледяным тоном поинтересовался кесарь.

И тема была закрыта.

А я продолжала улыбаться, да. Очень мило и выразительно.

— Я полагаю, — начал Акъяр, — нет смысла сейчас обсуждать... скажем так «особую осторожность» некоторых, — он мрачно взглянул на отца. — Нам следует найти путь на территорию орков, и найти доступ к тому, кто сейчас под охраной жрецов, коим по три и выше тысячи лет. Это — приоритетная задача. Со всеми внутренними разногласиями мы сможем разобраться позднее.

Араэн, помолчав, произнес:

— Орочьи территории расположены на стороне Эррадараса. Более того, единственные варианты подобраться к ним по суше — не касаясь вод Эхеи, Нарийские леса, территории драконов, и территории светлых. Возникает вопрос — для чего великому пресветлому императору понадобились мы?

Вообще повел себя принц Ночи подленько, я уже даже ожидала продолжения в духе: «Ваши проблемы, вы и разбирайтесь», но нет, наследник Тэнетра продолжил вопросом:

— В чем заключается наша задача?

Ответил ему Акъяр:

— Первое и самое главное — мы требуем от вашей стороны прекращения любых боевых действий.

И Араэна перекосило.

— Вы, — он выделил это слово, — требуете от НАШЕЙ стороны? Къяр, малыш, тебе напомнить кто ты?

На этот раз перекосило меня, но прежде чем я вмешалась, кесарь просто положил ладонь поверх моей, и осторожно сжал мою руку, призывая к молчанию... в смысле заткнуться! И стало ясно почему — он дал возможность Акъяру ответить самому. И принц Ночного ужаса действительно ответил:

— Раэн, я тот, кто вырос и сделал выбор. Мой выбор. Если у тебя есть какие-либо вопросы, ты сможешь задать их мне позже.

С каждой минутой Акъяр начинал нравится мне все больше, и умом, и умением сдержаться, и собственным достоинством. Я не ошиблась в нем ни на йоту и откровенно порадовалась, что он на нашей стороне. Но столь же откровенно я могла честно признать, что Адрасу я доверяла уже целиком и полностью, а вот Акъяру — нет.

А вот что мне не понравилось — далее началась игра не на моем поле, хуже того — в разделе, в котором я не понимала нигоблина.

— Я правильно понял, что для завершения дела, вы оба, Акъяр и пресветлый император будете вынуждены покинуть пространство Нижнего мира? — уточнил Араэн принц Ночи.

У меня по спине прошелся очень нехороший холодок. Кесарь вновь мягко сжал мою ладонь, успокаивая.

— Нам потребуются гарантии, — сообщил он условно родственникам.

Арахандар Властитель Ночи предпринял явно титанически усилия, чтобы не взглянуть на меня, не взглянуть с явным обещанием предстоящей расправы, после чего обратился к кесарю:

— Какие конкретно гарантии вы хотите получить?

Прозвучало оно так: «И что конкретно мы будем нарушать?»!

«Я против!». Затем добавила — я против, против и еще раз против! Я конкретно и окончательно против!

Кесарь вновь сжал мою ладонь, предлагая мне мягко говоря заткнуться. И в целом молчать. Но по факту — если кесарь намеренно уйдет в другой мир решать нашу общую проблему — его скажем так природный отче использует это время с пользой. С огромной пользой для него. И я так сильно подозреваю, что пострадаем я и Адрас!

Кесарь величественным жестом повернул голову и посмотрел на меня, с едва заметной усмешкой.

И мне бы устыдиться собственной трусости, но к демонам трусость, я вообще женщина и имею на нее полное право, я просто не понимаю к чему вот все это сейчас?! Зачем, для чего, и какого гоблина мы вообще ставим вот этих в известность?!

— Потому что открытие мира, как и его закрытие практически невозможно без участия Властителя Тэнетра, — тихо произнес кесарь на оитлонском.

— Так в чем проблема? — не поняла я. — Давайте Акъяра садим на престол и дело с концом!

Аразден улыбнулся, поднес мою ладонь к губам, поцеловал и мягко произнес:

— Нежная моя, он не я, он не станет убивать собственного отца.

Я поняла, что хочу вина. Вот прямо сейчас!

На наши переговоры с использованием непонятного им языка темные смотрели весьма недовольно, но едва мы замолчали, Аразн Принц Ночи произнес:

— Итак, значит мы втроем проникаем на территорию орков.

— Нет! — я сказала это на их языке, и сказала не просто отчетливо и решительно, а безапелляционно. — Вы не проникаете на территорию орков с моим пресветлым супругом. Вы вообще держитесь подальше от моего пресветлого супруга!

— Кари, — очень мягко произнес кесарь.

— Нет! — четко повторила я. — Акъяр — да, но я категорически, небезосновательно и полностью против кандидатуры Аразна в любом деле, где вы ненароком, по обстоятельствам или же ввиду необходимости окажетесь в ситуации, когда он повторно нанесет удар вам в спину. Мой кесарь, безусловно, есть вещи, темы и границы которых я никогда не коснусь, но в данной ситуации я говорю: «Нет»!

Несколько секунд темные и один темный только частично внимательно смотрели на меня. Я продолжала смотреть на кесаря, непреклонно и немного даже и с вызовом. И к моему искреннему удивлению, просто лично я приготовилась к сопротивлению до последнего, император произнес:

— Хорошо, нежная моя, исключительно ради твоего спокойствия, любимая.

Судорожный вздох облегчения я сдержала, улыбнулась супругу и вновь повернулась к нашим противникам.

В ярости были оба — и Арахандар и Араэн, но возразить не посмел ни один из них.

— И кто же тогда будет третьим? — спросил, наконец, взяв себя в руки принц Ночи.

— Адраса не отдам, мне без него страшно, — мгновенно сообщила я.

И получила в ответ от арахнида:

— Об Адрасе речи и не идет, пресветлая императрица, он, как сын человеческой шлюхи, гораздо слабее иных моих сыновей и был взят в мой дворец из жалости.

В ответ на это промолчали все — я, отчетливо осознающая, что при первой возможности просто убью эту мразь, Адрас — вероятно думающий так же, и остальные, которые видимо были с отцом полностью согласны.

Кроме, как оказалось, Акъяра:

— Адрас, возможно, но только лишь возможно, слабее твоих присутствующих здесь сыновей, отец, что касается Ависея принца Ночного ветра и Анрахара принца Тени, то в их случае несомненно Адрас сильнее обоих вместе взятых.

После чего, принц Ночного Ужаса повернулся к кесарю и произнес:

— Какие гарантии мы затребуем?

Это был сложный вопрос. Безумно сложный. Но единственная гарантия, которая удовлетворила бы меня — жизнь главного арахнида. Не больше ни меньше.

Кесарь внимательно посмотрел на меня. Я встретила его взгляд спокойно, и мысленно сообщила: «Арахандар ценит только свою жизнь. Исключительно свою. И если брать заложника, то заложником должен быть он». Задумчиво кивнув, император повернул голову и посмотрел на Властителя ночи. Внимательно и уверенно.

— Нет! — дрогнувшим голосом произнес глава темного семейства.

— Да, — спокойно высказал Араэн Принц Ночи.

— Да, — произнес Акъяр принц Ночного ужаса.

— Да, — высказал Адрас.

— Да! — вбил последний гвоздь в гроб темного владыки мой кесарь.

А я понадеялась, что ключи от метафорически выражаясь темницы Властителя Ночи передадут мне. Очень понадеялась. Потому как видимо мне придется контролировать здесь все, пока кесарь и Акъяр будут заняты решением проблемы.

Далее мне оставалось лишь сидеть на месте, в то время как пять сильнейших магов современности, сковывали одного из этих сильнейших. Все четверо. Привязывая его к жизням моей, Адраса и Аразна. Я же в этот момент, сидя на троне и глядя на хрипевшего в цепях магии скорчившегося на полу Арахандара думала о том, что буду делать, пока кесарь не вернется. В момент, когда кесаря не будет.

Вообще, что буду делать.

Первым в списке дел было расплатиться с Юранкаром.

Вторым приступить к закладке нового человеческого города.

Третьим, возвращение к работе с Владетелями Великих дворцов, моими наместниками фактически. Дел было много, я знала, что погружусь в них с головой, я знала, что буду занята выше крыши... я все равно переживала.

Кесарь, занимающийся сковыванием отца, с нежностью взглянул на меня, и вернулся к магическому процессу.

Через пол часа Арахандар Властитель Ночи лежал на полу как рыба, выброшенная на лед и ловил ртом воздух. В глазах его сыновей не было жалости. Частично этому поспособствовал он сам, частично подогрела сыновье недовольство я, но ни вины, ни жалости почему-то не испытывала. И вот с чего бы это.

* * *

Случившееся далее сложно укладывалось в рамки понимания человека. Аразн и его скованный, с трудом передвигающийся отец покинули дворец властителя Эррадараса, Аразн с пожеланием удачи брату, причем вполне искренним пожеланием, Арахандар с ненавистью глядя исключительно на меня.

После их исчезновения кесарь собрал всех своих семерых военачальников все в той же тронной зале, одарил их какой-то руной, и отпустил. Следом были призваны мои снежные эллары — тоже получили медальки, в смысле руны и были отпущены.

Потом явилась Элисситорес, в ее глазах читался откровенный ужас.

— Я справлюсь, — спокойно произнес кесарь.

Она верила в сына, я видела это, но ей, как и мне было страшно.

Последняя, с кем прощался Араэден была я.

Кесарь медленно подошел к трону, на котором я продолжала сидеть, протянул руку, я вложила в нее свои похолодевшие пальцы, и поднявшись, спустилась по ступеням к супругу.

— Я справлюсь, — сказал уже только для меня на оитлонском Араэден.

— Я знаю, — я правда знала, что он справится, я просто не знала как долго он будет справляться.

— Не более семи дней, нежная моя, — все так же на оитлонском сообщил император.

Это было много... пугающе много. Здесь за два часа можно захватить всю империю, что говорить о семи сутках.

— Нежная моя, — Араэден приподнял за подбородок, с нежностью прикоснулся к моим губам, — на моих сильнейших магах руна подчинения тебе, на Арахандаре руна подчинения тебе, они не знают об этом, но я поставил ее, и ты часть меня, ты связана с этим миром, а значит все его порождения встанут на твою защиту.

— Если что, то встанут? — спросила, чувствуя, как все сжимается внутри.

Кесарь улыбнулся мне, наклонившись, вновь поцеловал и прошептал:

— Мы с Акъяром покинем нижний мир всего на сутки, нужно отследить каким образом этот пришелец явился, пройти он мог либо через прежний Эррадарас, либо через мир Тэнетра. Нужно найти путь и закрыть. Следом мы займемся оркским вырождением. На этом этапе я подключу драконов, песчаных демонов и нарийских дриад, это та сила о которой никогда не был осведомлен мой... так называемый отец. Я справлюсь.

Вот теперь у меня появилась железная уверенность в этом.

Император улыбнулся мне, а я, потянувшись, встав на носочки, обняла его и поцеловала, пожалуй, впервые сама, вкладывая в этот поцелуй все свои чувства. Кесарь обнял и прижал к себе крепко-крепко, с нежностью отвечая на неожиданный даже для меня поцелуй.

Когда он отпустил, я резко опустила голову, скрывая свои слезы ото всех.

Почувствовала недовольный взгляд Акъяра, но даже не отреагировала.

Единственный на кого я смотрела — был кесарь.

Мой кесарь.

Моя сила, моя опора, мой муж.

Тот, долг перед которым я поклялась исполнить в храме Матери Прародительницы.

— Я вернусь, нежная моя, — произнес император все так же на оитлонском, а значит только для меня.

— Я знаю, мой кесарь, — шепотом ответила я.

Знала, что он все равно услышит. Даже если лишь подумаю. Услышит, всегда и везде, потому что он, это он.

Вспышка от портала была яркой, яркой настолько, что глаза заслезились теперь не только у меня, но и у всех окружающих.

И два сильнейших мага Нижнего мира нас покинули с целью, банально выражаясь, залатать крышу.

«Кесарь... — мысленно позвала я. — Араэден...»

Ответа не было.

В следующий миг у меня распрямились плечи и вздернулся подбородок.

Да, я поклялась в храме матери Прародительницы выполнить свой долг, вот только.

«Шенге, Утыррка выполнять свой долг»

«Долг вести Утыррка к гибели»

Я запомнила твой урок сразу, папочка, проблема в том, что осознала его слишком поздно.

— Адрас? — обернулась к темному принцу.

Мой практически брат, я уже едва ли воспринимала его иначе, молча подошел и взял меня за руку. Вспышка портала, и мы вышли на полях некогда высившегося здесь Миграда.

Я вдохнула воздух свободы полной грудью, он тоже.

— Ты узнал, как можно снять руны светлых? — прямо и без перехода спросила я.

— Купание в Эхее, — прямо ответил принц.

Мы переглянулись.

Он открыл следующий портал.

Мы вышли в заливе. Под ногами рассыпались мельчайшие песчаные дюны, впереди колыхалась темная угрожающая вода.

— Но я не уверен, что это хорошая идея, Катрин, — честно признался Адрас. — Воды Эхеи губительны как для эллар, так и для тэнетрийцев. Я помню, ты говорила, что ты человек, но, Катрин, ты выглядишь как эллара. Да, у тебя черные глаза и волосы, но в остальном... даже твои глаза давно утратили и намек на человеческое происхождение.

Я знала, что он прав. Знала, что во мне течет кровь кесаря. Знала, что меня изменили почти до неузнаваемости. Но знала и другое — если я сейчас ничего не сделаю, кесарь вернется, и тогда единственное, что у меня останется — это он. И я не настолько дура, чтобы не понимать — случившееся утром повторится, и будет повторяться много и много раз, до тех пор, даже мысли о кесаре не превратятся в удовольствие. Пока весь он для меня не превратится в удовольствие — ожидаемое или получаемое. Я видела слишком многое, я видела слишком многих, я знала, что у бабушки Велереи больше не было ни одного любовника, потому что никто не мог сравниться с кесарем. Я знала, что даже его любовницы изменяли ему лишь с одной целью — пытаться вызвать ревность и соответственно снова интерес. Мне было известно, что кесарь не просто запирает любовниц в своей спальне — они сами не стремились оттуда уйти. А теперь подсадить на удовольствие Араэден решил меня.

«Но, если ты возродишь мою страну, способная моя, и пожелаешь вернуться... я открою для тебя путь в Рассветный мир».

«Если ты пожелаешь», и насмешливая улыбка кесаря.

И для насмешки был повод, да еще какой, кесарь с его трехсотлетним опытом прекрасно знал, что он способен сделать ВСЕ, абсолютно все, чтобы я не пожелала. Для начала стереть мне память о прошлом, а затем «пробудить чувственность» как он это называет и превратить в одну из своих постельных игрушек, из тех, что смотрели на него влюбленными глазами, даже когда кесарь их убивал. Он мог, он все это мог, и я всегда об этом знала, но до сегодняшнего утра я и понятия не имела, что вхожу в сферу интересов нашего вечного и не убиваемого. Я понятия не имела, что он желает возлечь со мной! И даже хуже — он хочет чтобы этого захотела я.

— Катрина, — напряженно позвал Адрас.

— У меня нет выбора, — снимая головной покров, жестко и решительно произнесла я, — одно из двух, я или погибну быстро, если Эхея действительно вознамерится меня убить, или погибну медленно, потому что кесарь уже вознамерился уничтожить мою личность окончательно. А иногда, Адрас, лучше быстро и мучительно сдохнуть, чем медленно и приятно терять саму себя.

Он промолчал, но я знала — он понимает меня как никто. Он, которому пришлось видеть гибель своей матери и города в котором он вырос, а после жить во дворце отца, являвшегося убийцей, и улыбаться тому, ради выживания выражая сыновью признательность. Так что он меня понял. Просто понял. И остался стоять на месте молча.

А я, на ходу расстегивая платье, пошла к темной, угрожающе затаившейся, опасной воде.

Я шла к ней, стараясь не думать обо всех тех монстрах, что как рассказывала бывшая любовница кесаря, в ней водятся. Стараясь не думать об опасности. И раз за разом напоминая себе — я Катриона Ринавиэль Уитримана! Я наследница Оитлона. Я та, кто не имеет права на ошибку, для кого долг перед подданными превышает всего. Та — кто был рожден править, я...

Я остановилась перед самой заводью, вспомнив о человеческих поселениях, о людях, которые сейчас зависели от меня и моей преданности кесарю.

Секундное сомнение, и четкое осознание — если все останется прежним, рано или поздно, а скорее боюсь рано, кесарь полностью подчинит меня себе. Что тогда останется у меня, кроме желания угодить господину? Ничего.

И медленно сняв с себя верхнее платье, я так же медленно расстегнула и второе, чтобы, избавившись от стягивающей одежды, в одном легком нижнем платье, без сомнений и промедлений, сделать последний шаг и рухнуть в воды Эхеи.

И задохнулась.

От холода сковавшей вмиг ледяной воды.

От ощущения проплывающих мимо громадных чудищ.

От осознания того, что мне уже очень-очень давно, хотелось вот так, правда еще разбега не хватало, прыгнуть в воду.

И на миг, на очень короткий миг, ощутить себя в охт с шенге и орками, ощутить себя ребенком, свободным от долга и обстоятельств, ощутить себя счастливой. Абсолютно пре абсолютно счастливой.

Но это не пруд возле поселения лесных орков, я не ребенок, и будь я трижды проклята, но я не вернусь, пока в этом мире все не будет, по-моему. Без рабства, без угнетения людей и прочих народов, без того, чтобы у матерей забирали детей и оставляли их расти в загоне, и без мерзости и жестокости, которую позволяют себе как светлые, так и темные.

И я распахнула глаза.

Чтобы содрогнуться всем телом, потому что на меня смотрел мир. Одним, огромным, сине-голубым призрачно светящимся глазом на меня смотрел целый мир...

Конечно, исключительно в целях сохранения целостности моего разума проще было бы подумать, что это глаз какого-нибудь речного чудовища, но нет — это был мир. Одушевленный нижний мир. Тот, кто, не

сумев избавиться от вторжения темных и светлых, разделил самого себя на две части. Тот, кто всеми силами пытался защитить своих детей. Тот, кто являлся живым, и быть может даже в какой-то степени разумным.

Несколько секунд мы с миром молча смотрели друг на друга, я, не зная как на это реагировать, он похоже тоже.

А потом я начала задыхаться.

Рывок вверх, и я, наученная плавать любимым шенге, с легкостью вынырнула на поверхность, услышала полный облегчения донёсшийся до меня с берега вздох Адраса, но осталась, тяжело дыша и надеясь на что-то.

А на что?

На что я надеялась?!

Меня не съели, одно это уже являлось частичным оправданием надежд.

Нырнув снова, я осмотрелась — ни никаких глаз более обнаружено не было. Зато количество монстров значительно увеличилось, и я подумала, что пора бы выбирать.

В несколько гребков доплыла до берега, рывком поднялась, села на берегу, вынув ноги из воды и обняв колени, чтобы хоть немного согреться.

— Катрина, ты бы отошла оттуда, — сказал Адрас.

— А смысл? — безразлично спросила я. — Чудовищ в реке действительно полно, но они не тронули меня в воде, едва ли нападут и когда я на берегу.

— Кат... — начал было он, но я подняла руку, призывая к молчанию.

Потому что я вспоминала. Медленно, но верно вспоминала все... Дедушку, и ожившую птицу... Дом... Башню... няню... повара и его ласковое обращение ко мне «Лунолика», Готмир... Динара... Аршхана... Лору и алтарь... возрождение погибших стражей от поцелуя, сначала от поцелуя моего с Динаром, когда все вокруг замерло и он смог добить гоблинов, после от поцелуя с Аршханом, когда ожили все убитые оитлонцы и далларийцы... спасение Лорианы... известие о моей свадьбе с кесарем... мои слезы... и отчетливое осознание того, что с самого моего рождения, а фактически еще и до него, я была игрушкой. Я была просто игрушкой кесаря. Игрушкой, в которую игрались. О которой периодами забывали, которую иногда отдавали поиграть другим, и которая вдруг вызвала интерес, когда мне было сколько... пятнадцать? Да, пятнадцать. Сейчас, когда я знаю как, выглядят эллары, я поняла пристрастие кесаря к молодым — у юных девушек тоньше стан, руки, черты лица, в них больше утонченности... как в пресветлых леди. Теперь я поняла его... но оправдывала ли? Нет. А воспоминания лились и лились потоком,

сбивающим с ног, заставляющим судорожно хватать воздух, превращающим биение сердца в боль, которая охватывала всю меня.

— Катрин, — Адрас, не знаю как преодолевший вполне оправданный ужас перед водами Эхеи, подошел, и укрыл меня своим камзолом.

Стало теплее.

Телу, но не душе.

Я вспомнила меч Мрано, который вогнала в себя по рукоять, и взгляд Динара... его последний взгляд на меня, потом все заслонил кесарь... Кесарь, который подхватил меня на руки и понес путем звезд...

И вот тут меня затрясло.

Путь звезд! Элементаль прошедший путем звезд!

Элементаль, захвативший контроль над орками! И вот ни один темный и даже никто из светлых не смогли объединить все племена орков, а он смог. Потому что он орк!

Я подскочила на месте, тяжело дыша и пытаюсь осознать то, что только что поняла!

И разговор с Тэхарсом:

«Слушай, императрица. Я тут это. Слушай, у тебя это, среди элементарей любовники были? Красный, огненный. Ты понимаешь — нормально переговоры вели, пока речь о тебе не зашла».

И я поняла со всей очевидностью то, до чего не дошла утром — Динар здесь!

Динар!

Вот кто прошел путем звезд, открыв путь высшим! Вот кто подчинил орков! Динар...

Как я могла не понять?! Это же Динар! Это Динар...

А кто такой Динар...

— Катрин! — в голосе Адраса послышалась тревога.

Я, не видевшая ничего и никого вокруг, глянула на него, и вдруг поняла, что мне что-то мешает. Свет. Мне мешает видеть свет. Резко обернувшись на источник свечения — замерла, в ужасе глядя на того, кто, чуть повернув голову к левому плечу, пристально смотрел на меня.

«Динар? — пронеслось у меня в голове. — Кто такой Динар? Кто такой Адрас? Что такое свет?»

Это был светоч.

Почти такой же как тот, кто утром напал на нас с кесарем. Такие же нечеловеческие глаза, волосы, стриженные чуть ниже ушей, перчатки с обрезанными пальцами, ботинки на шнуровке, кожаная одежда весьма странного покроя.

— Прыгай в воду! — в медленно застывающем, словно капелька смолы мире, крикнул Адрас.

«Что такое прыгай? Что такое воду?» — продолжил откровенно издевательски играть с моим сознанием высший.

А это был очень неподходящий момент для игр.

Совершенно не подходящий.

Я бы в принципе никому не советовала играть с женщиной, только что отчетливо осознавшей что она всю свою жизнь была чьей-то игрушкой, вообще никому не советовала бы, даже высшему. Особенно высшему.

«Прыгать — это здорово, — прямо глядя ему в глаза, мысленно отчеканила я. — Река — это сила. Дает энергию. Много. Прыгай!»

И сидящий на камне напротив меня светоч, удивленно распахнув глаза... прыгнул.

В Эхею!

Потрясенная я проследила за его медленным падением в этом медленном мире, и за тем, как едва его ноги достигли воды, этот мир ускорился, но все равно не достаточно для того, чтобы я не увидела, как эти самые ноги, еще даже не погрузившиеся в воду, откусывает в прыжке огромный монстр, как второй тоже выпрыгнув из воды сжирает руку светоча, засиявшую призванной магией, и как обрубок тела высшего падает в воду, забурлившую от речных чудищ...

Не то, чтобы я сразу отшатнулась от берега, но опасно отодвинулась — это да.

Потом ко мне молча подошел и сел рядом Адрас. Он уже тоже не боялся, потому что мы оба поняли — если бы Эхея хотела его уничтожить, сделала бы это в момент, когда темный меня укрывал своим камзолом.

Спустя долгое время, когда река уже полностью успокоилась, Адрас тихо спросил:

— Что ты сделала?

— Он вошел в мои мысли. Я мысленно приказала ему прыгнуть, — так же тихо ответила я.

Некоторое время Адрас молчал, затем хрипло спросил:

— Что с твоими воспоминаниями?

— Они вернулись.

Мы еще немного посидели на берегу, а затем Адрас спросил:

— Что будем делать?

Я не знала.

Нет, в принципе в общих чертах знала, но ввиду только что произошедшего с высшим... уже не знала. Мир, его взгляд, не тронувшие

меня чудовища, освободившая от магии элларов вода...

— У нас всего сутки, — напряженно произнесла я, — учитывая появление светоча здесь, возможно и меньше.

Адрас нервно кивнул, а затем вдруг очень напряженно произнес:

— Если светоч появился на светлой стороне... Они всегда вскрывают мир парой, как две руки.

Мы переглянулись.

На кону был Тэнетр, с одной стороны вражеская территория, а с другой стороны... наша.

— Я не уверена, что смогу справиться с ним так же, как с этим, — честно призналась Адрасу.

— Если светоч установит портал, сюда хлынут высшие, — стараясь говорить ровно, произнес Адрас.

Я просчитала варианты, быстро и решительно. Не то, чтобы вариантов было много, по факту то и выбирать особо не приходилось, но все же.

— Возвращаемся во дворец, — поднимаясь, приказала я.

Адрас, не спрашивая, открыл портал.

* * *

Во дворце императора Эррадараса царил хаос и истерика Властителя Тэнетра, перед которой спасовала и Элисситорес, которая не знала как реагировать на рыдающего прежнего насильника, и Эдогар, да в принципе и все остальные тоже были слегка в шоке.

Поэтому шок от моего полураздетого появления в мокром облепившем мое тело нижнем платье и камзоле Адраса был мелочью в сравнении с имеющимся.

— Столица Тэнетра разрушена! — хрипло сообщил, поднимаясь с трона кесаря, а рыдать Арахандар предпочел с комфортом, сообщил Властитель Ночи.

— Звучит так, словно вас только что лишили дома, и вы сочли это достойной причиной, чтобы обосноваться в моем, — сухо произнесла я.

Темный резко поднялся с трона, но затем медленно, издевательски разглядывая меня, вновь опустился в него, и с сарказмом заметил:

— Достойный вид для императрицы Эррадараса. Моя дорогая, вы можете не стесняться и снять уже это мокрое платье, оно и так мало что скрывает.

Даже не знаю, кого он пытался смутить этим.

— Наслаждайтесь, — ядовито ответила я. — Учítывая, что вам до всего этого не добраться, я милостиво позволяю вам помечтать. А теперь вон из моего дворца!

К искреннему удивлению всех, да если честно и моему тоже, но повелитель Тэнетра дернулся было исполнять, даже портал открыл, но оттуда раздавался грохот рушащихся зданий и арахнид застыл, а после и вовсе прошипел:

— И куда я пойду?

— К примеру защищать свой дом, — отчеканила я. — Исполнять!

И он ринулся выполнять мой приказ. Действительно ринулся. Поспешно не оглядываясь и не выказывая сомнений.

Мы с Адрасом переглянулись повторно.

И не то, чтобы я поверила в свои возможности, но к гоблинам сомнения. Вдев руки в рукава камзола темного принца, доходящего мне до колен почти, я принявшись застегивать пуговицы, приказала:

— Со мной Эдогар, Энит и... Адрас?

— Я всегда с тобой, — просто сказал он.

Я с благодарностью улыбнулась ему и направилась к portalу оставленному Арахандаром.

Адрас не отставал, Эдогар и Энит вынужденно поплелись следом, Эллиторес испуганно воскликнула:

— Звезда моя, но как же...

Я не ответила, уже вступая в портал.

* * *

Столице темных пришлось туго. Куда ни глянь везде разрушенные здания странной, полукруглой формы, проломленные стены, расширенные за счет просек прямо по домам улицы, горящие здания, и летающий Араэн. Принц Ночи красиво пролетел мимо нас ласточкой, умудрившись в полете даже махнуть приветственно Адрасу, и проломил собой очередной дом.

Вылетел он из развалин так же довольно быстро, прихрамывая, но бодрой хромающей походкой приковылял к нам и игнорируя меня, сказал брату:

— Светоч начал установку портала. Ты мне нужен.

В этот момент над нами гораздо менее грациозной ласточкой пролетел Властитель ночи, следом за ним не то, чтобы ровным, но почти клином еще с десятков магов темных, я так понимаю они были не на «А», а скорее на

«Э» или там «Т» не разбиралась еще в иерархии магии темных. Но ничего, разберусь, время будет. В любом случае «ласточки» неплохо указали направление, так что я, не дожидаясь каких-либо слов несколько утратившего дар речи Араэна, уверенно направилась вперед.

Пока шла, надо мной продолжали лететь маги, воины, воины на орлах, видимо тех, которых еще не освободил кесарь, воины на тайшени, огромных ездовых кошках, воинах на конях... Прямо-таки летная погода была сегодня.

А потом я вышла из-за угла частично разваленного здания и увидела светоча.

Этот был, как и прежние в кожаной короткой куртке, с обрезанными перчатками в высоких ботинках на шнуровке, только волосы у него, в отличие от других виденных мной светочей, были обрезаны короче и торчали отдельными прядями как иголки у ежа. А еще этот светоч был сильнее. Гораздо сильнее. Мир застывал вокруг него каплей древесной смолы, без труда отшвыривая от себя всех, кто пытался приблизиться к высшему, устанавливающему какой-то увеличивающийся в его руках странный кристалл.

Я в принципе сразу поняла, что это. Это был вход в этот мир из мира высших. А учитывая, что всего один высший легко разнес полную магов и воинов столицу темных, можно было легко представить, что толпа высших сделает со всем этим миром.

В душе ворочались сомнения, страх, неверие в собственные возможности, подленькая мысль, что случившееся с тем светочем у Эхеи просто случайность, но...

Я — Катриона Ринавиэль Уитримана урожденная Астаримана!

Я — сила и власть!

Я несу ответственность за этот мир и его людей.

И я сжав ладони, мысленно приказала светочу:

«Остановись!»

Мгновения потянулись как патока... застывая, замирая, замерзая... заставляя остановиться высшего.

Парень, а внешне он казался молодым, застыл, держа кристалл.

«Уничтожь его!» — отдала следующий приказ я.

Не позволяя себе даже усомниться в том, что он будет выполнен. Не позволяя себе никаких сомнений. Даже тени сомнения. Ничего, кроме абсолютной уверенности в том, что мой приказ будет исполнен.

И светоч выполнил.

С яркой вспышкой создаваемый кристалл был уничтожен. Затем

распалась та тугая капля мира, что окружала его защитным полем. В следующее мгновение высший медленно повернулся, широко распахнутыми от ужаса глазами глядя на меня.

Следующий приказ отдавать было страшно. Очень страшно, но я шла сюда по развалинам домов, откуда доносился детский плач. Я старалась не смотреть вниз — но я видела мертвых темных, и мертвых людей там хватало так же, не говоря о детях обоих рас...

И я даже не дрогнула, приказав:

«Умри!»

Светоч захрипел, а затем все так же глядя на меня широко распахнутыми глазами, рухнул на колени, после повалился на бок, сотрясаясь в агонии. Агония была не долгой.

Маленький ребенок, что лежал под стеной полуразрушенного дома, мучался дольше, но и он затих почти сразу.

Несколько секунд я стояла оглушенная смертями, ужасом и ощущением предстоящей боли.

Я знала, что боль будет.

Первый раз ее взял на себя Аршхан, второй раз частично поглотил кесарь, а вот сейчас все достанется мне.

Медленно обернувшись, тихо позвала:

— Адрас.

Принц Мрака стоял близко, ему хватило всего лишь шага, чтобы подойти ко мне.

— Будет больно, — прошептала я, понимая, что, если с кем и готова попробовать, так только с ним, ни Арахандара, ни Араэна я обнять не смогу чисто физически. Правда и Адраса я едва ли смогу поцеловать, но, если честно надеялась обойтись объятиями.

— Делай, что считаешь нужным, — просто сказал он.

Я кивнула, развернулась к нему и обняла, крепко-крепко, призывая ту силу, которую ощутила первый раз с Динаром, второй с Аршханом, когда оживила своих охранников, третий раз с кесарем, когда мы подняли тех, кто год пролежал в земле. Потому что я Катриона Ринавиэль Уитримана, я маг Жизни, я та, в ком эта сила была с рождения, и если кто-то способен оживить ребенка, затихшего под стеной через площадь напротив, то тоже только я.

И я сделала вдох, изо всех сил прижавшись к Адрасу.

Жизнь начинается во тьме, во мраке. Она зарождается там, где нет света, и пробивается наверх сквозь землю, стремясь к свету.

Адрас захрипел, почти зарычал от боли, крепко сжав меня и спуская с

поводка свою силу!

На столицу Тэнетра хлынул мрак. Он ринулся полноводной темной рекой, снося все, что еще не было снесено, погружая весь город в ужас и холод, лишая его света, тепла, дыхания... Я согрела, наполнила теплом, я вдохнула дыхание, я возродила стремление к свету, я стала жизнью... самой жизнью, легко и незримо ступающей по земле, излечивающей сломанные тела, вливающей жизнь, пробуждающей, забирающей боль... Я шагала по городу легко, касаясь детей, взрослых, животных, растений... И время от времени странно поглядывая на девушку с мокрыми черными волосами, бьющуюся в агонии в объятиях высокого молодого человека. Она билась и стонала так жутко, что это пробирало даже меня, но я все равно продолжала идти, легко ступая по земле, легко возвращая жизнь... Потому что жизнь — это я.

* * *

Я пришла в себя от боли.

Выворачивающей, ломающей все тело, рвущей мышцы и сухожилия боли. Боли, которая дрожью волнами проходила по всему телу... Я...

Нежное прикосновение к моим губам и боль исчезает, словно ее и не было. Остается тепло, остается окутывающая меня нежность, остается осознание, холодным потом проступившее на висках.

Я распахнула глаза прежде, чем этот холод проник в сердце, и глядя на склонившегося надо мной кесаря, несколько секунд вглядывалась в переливающиеся гранями ледяных кристаллов глаза и... не произнесла ни слова, предоставляя право первого шага императору Эррадараса!

— Как великодушно с твоей стороны, нежная моя, — насмешливо произнес эллар, опускаясь рядом и ложась на бок. — Одна маленькая деталь — право говорить первому всегда предоставляется более слабому... оппоненту.

— Хм, — глубокомысленно заметила я, — это что-то вроде того, что я одной мыслью умудрилась оскорбить вас дважды, фактически обозначив вас и как слабого и как врага?

— Что-то вроде того, — отведя прядь волос с влажного лица, согласился кесарь.

— Ммм, — протянула я, проследив за его движением, — так... а разве я в чем-то ошиблась?

Взгляд ледяных глаз мгновенно заледенел.

И ни тебе, Катриона, убийственно-ласковых улыбок, ни словестных дуэлей — исключительно лед, и исключительно в предупредительных целях.

— Искренне надеюсь, что ты учтешь это... предупреждение, — подтвердил мою догадку... супруг.

Что ж, я даже кивнула, прежде чем от всей души заявить:

— Катитесь к гоблинам!!!

И не став ограничивать себя одним высказыванием, со всем чувством ярости, на которое была способна находясь в совершенно разбитом состоянии, добавила:

— И катитесь к ним со всеми вашими рунами, правилами, требованиями, условиями и условностями, и в отдельности — с поцелуями и угрозами!

На мой выпад владетель Эррадараса не отреагировал практически никак — разве что льда в его глазах стало больше, словно окно мгновенно затянуло морозным инеем.

Я же, преисполненная ненависти и прочих вполне обоснованных чувств от желания придушить на месте, до столь же сильного желания оказаться как можно дальше от этого места и от этого нечеловека прямо сейчас, решительно поднялась с постели и... меня пошатнуло. Меня пошатнуло с такой силой, что лишённая возможности стоять, я была вынуждена присесть на кровать, а после и вовсе вцепиться в нее обеими руками, пытаясь хоть как-то удержать равновесие.

— Я бы мог сыронизировать на тему желания оказаться как можно дальше и от этого места и от этого нечеловека, но воздержусь, — медленно и откровенно издевательски произнес кесарь.

Меня же накрыло пониманием, что усидеть я не смогу. Никак. Нет сил. Нет сил пошевелиться, нет сил встать, нет сил ни на что, и даже дышать откровенно проблематично. Но я дышала. Вцепившись в тонкое покрывало с такой силой, что ткань трещали под моими пальцами, но сидела! Потому что я Катриона Ринавиэль Уитримана урождённая Ароиль Астаримана, я не сдаюсь и не прогибаюсь под обстоятельства!

— Забавно это слышать, нежная моя, особенно если учесть насколько пришлось прогнуться тем, именем коих ты сейчас так старательно прикрываешься. А, впрочем... забывчивая моя, и ты не избежала сей участи, каждый раз снова, снова и снова, подстраиваясь не только под мои новые законы и указы, но в частности и под все... желания.

Очень медленно, стараясь удержать равновесие и не упасть, я повернулась и посмотрела на кесаря. Со всей той ненавистью, на которую

была более чем способна, особенно если учесть все обстоятельства!

Не испытывающий подобных трудностей, как, впрочем, и любых моральных терзаний император, мягко подался ко мне и произнес, с ледяной яростью глядя мне в глаза то, что уже говорил мне когда-то, в том, другом мире:

— «Катриона, согласны ли вы стать моей... женой?»

И я сказала «Да». Я могла бы сейчас назвать тысячу обоснованных причин, по которым я сказала «да», и такую же не менее обоснованных, по которым просто не имела право сказать «нет», но ничто из этого не изменило бы главного факта — я ответила согласием. Я ответила согласием на частный вопрос, и позже подтвердила свое согласие в храме Матери Прародительницы.

— Рад, что ты это понимаешь, — откидываясь на подушки и глядя на меня практически с насмешкой, произнес кесарь.

— Я... понимаю, — говорить получалось с трудом. А вот орать нет: — **НО ЭТО НЕ ОТМЕНЯЕТ ТОГО ФАКТА, ЧТО ВЫ КАТИТЕСЬ КО ВСЕМ ГОБЛИНАМ!!!**

Улегшийся было император замер, сжав губы, а вот я останавливаться не стала.

— Во-первых, это было обещание, данное под давлением! Во-вторых, в храме — это было обязательство, взятое под давлением! И в-третьих, к дьяволу вас, вытребованные вами обещания, и данные мной обязательства тоже ко всем демонам разом!

Резко поднявшись, я с невероятным трудом удержала равновесие, с видом победителя глянула на лежащего властителя Эррадараса и уже гораздо тише и с достоинством, как и полагается императрице, сообщила:

— Если вы действительно искренне полагаете, что я не осознала произошедшего между нами утром, то вы ошиблись.

Ответом со стороны кесаря была лишь слегка приподнятая бровь.

Я же продолжила:

— Если вы действительно полагаете, что я прогнусь под вас и ваш желания — вы ошиблись, мой кесарь. Вы очень сильно ошиблись, забыв о том, чему научили меня сами — я не умею сдаваться! Я никогда не сдаюсь! И я...

— Прогнулась, когда отказалась от Аршхана, — с издевкой вставил кесарь.

Вскинув подбородок, с достоинством ответила:

— Время показало всю верность принятого решения.

Араэден усмехнулся, и неожиданно мягко произнес:

— Время, нежная моя, маленькая, но крайне важная деталь, которую ты несколько упустила из виду.

Я ощутила тот самый холодок, что предшествовал моему пробуждению.

— Важная, и лишь первая, из упущенных тобой.

Постояв несколько секунд, нервно заметила:

— А вы как-то рано вернулись.

— Да, — холодно подтвердил Араэден, — пришлось несколько изменить планы ввиду того, что оставаться вдовцом я определенно не планировал.

Постояв немного, я вернулась, не то чтобы села, скорее несколько упала на кровать, но умудрилась сохранить сидячее положение, после спросила:

— Что произошло?

Несколько секунд кесарь пристально смотрел на меня, но после кратко сообщил:

— Нас ждали. Все что мы смогли, до того, как разобрались с семеркой — сбить портал светоча, пробивающегося в Эрадарас. Это удалось удивительно легко, что вызвало... обоснованные подозрения. И прежде чем мы приступили ко второму этапу, я решил проверить как себя чувствует моя драгоценная императрица.

Сидеть мне было достаточно трудно, и накатывающая волнами темнота от слабости, как-то не совсем способствовали ясности мышления. Кесарь молча трансформировал часть кровати в тахту, я, так же молча, устроилась полулежа, отдышалась и произнесла то, что напрягло больше всего:

— Вас ждали.

Это была самая паршивая из новостей.

— Высшие организованы, — продолжила после короткой паузы. — Что за... семерка?

Вопрос не лишенный основания — у Араэдена в подчинении была приближенная семерка сильнейших магов. И я догадывалась, что принцип организации эллары скопировали у своих некогда богов, а значит... у нас большие проблемы.

— Твоя сообразительность вызывает восхищение, как и всегда, нежная моя, — с мягкой улыбкой ответил кесарь.

— Но не радуется, — парировала я, вспоминая обоих убитых мной светочей.

В момент прозрения по поводу собственного положения я едва ли

обратила внимание на появившегося высшего, а сейчас... он был одет подобно тому, что довелось увидеть нам с кесарем, и в то же время — аккуратнее стрижка, кольца на пальцах, гораздо более изящный покрой одежды... он определенно обладал куда большими средствами, чем первый.

— Кто-то проследил за попытками первой банды прорваться в нижний мир, усвоил урок, и напал куда более организованно, — сделала логичный вывод я.

Кесарь молча кивнул.

Нервно облизав губы, продолжила:

— «Сбить портал светоча, пробивающегося в Эрадарас». Первые из светочей проложили два пути — первый вел к нам, второй в столицу Тэнетра. То есть, обладая каким-то невероятным чутьем, светочи пробивают путь сразу к сильнейшим захватываемого мира?

— Практически горжусь тобой, — улыбнулся супруг.

— Практически ненавижу вас, но это к делу не относится, — парировала с милой улыбкой, которую не ощущала.

Не было улыбки. Была слабость, усталость, раздражение и страх, вымораживающий многое из того, что хотелось бы сделать.

— Как вы справились с семеркой? — спросила я.

Спросила и поняла глупость собственного вопроса — я задала его тому, кто в одиночку вернул себе империю за два часа. Я задала его практически богу, поднявшему из небытия несколько народов разом. Я задала его кесарю, и это действительно было глупо.

— Не так, как ты, — улыбнулся мне Аразден.

Так как я... вспомнила, как сделала это я... И молча посмотрела на кесаря, боясь задать вопрос. Боясь это даже произнести. Просто боясь, что совершила ошибку...

Не став меня мучить, кесарь успокоил:

— Не совершила.

— Адрас? — выдохнула я.

Властитель Эрадараса промолчал.

— Это жестоко! — открыто заявила ему.

Кесарь продолжал молчать, пристально глядя на меня.

— Что с Адрасом?! — практически потребовала ответа я.

— Сним Къяр, — последовал ответ.

И я поняла, что дело плохо. Совсем плохо.

— Я могу его увидеть? — прошептала, холодеющими губами.

Но ответом было уже сказанное ранее:

— С ним Къяр.

Я зажмурилась, закрыла лицо ладонями, и закусила губы до крови, пытаюсь не расплакаться.

— Вы спасли город, — произнес кесарь, — и того малыша, о котором ты так переживала. Вы спасли всех. Но Адрас отдал слишком многое, пытаюсь оградить тебя от боли. И потерял контроль над собственным Мраком.

— Я могу его хотя бы увидеть?.. — спросила, понимая, что услышу в ответ.

— Слишком опасно даже для тебя, нежная моя.

Практически приговор.

«Адрас, будет больно, — предупредила я.

— Делай, что считаешь нужным, — просто сказал он».

Я сделала. И потеряла того, кто стал практически братом.

— Мне нечем утешить тебя, — произнес кесарь. — На меня Мрак реагирует слишком агрессивно, Къяр делает все что возможно.

Слезы я сдерживала исключительно по одной причине — понимала, что впадать в истерику сейчас нельзя, просто нельзя, и не понимала другого:

— Мы же оживили... всех. Мы с вами даже тех, кто был убит почти год назад, неужели нельзя... — договорить не смогла.

— Проблема в том, что Адрас не умер, он утратил контроль над своей силой. В данный момент он не принц Мрака, он сам мрак, — холодно пояснил кесарь.

Терять близких тяжело. Знать, что близкий погиб по твоей вине — невыносимо.

Я встала, не удержавшись на ногах снова села, закрыла лицо ладонями и поняла, что не могу, не выдерживаю, не вынесу.

А затем яркой, полыхнувшей словно молния мыслью было «Динар». Здесь Динар! Здесь...

Внезапно вспомнила, что для кесаря все мои мысли как открытая книга. Медленно опустила руки, подняв голову взглянула на пресветлого. Властитель Эрадараса встретил мой взгляд совершенно спокойно, и так же спокойно, произнес:

— Динар. Тот, ради кого ты предприняла попытку самоубийства, поставив его жизнь выше собственной.

— Я помню, — глухо отозвалась.

Кесарь сел, упираясь локтями в колени, как-то неожиданно устало посмотрел на меня и еще более неожиданными оказались его слова:

— Я не хочу делать тебе больно, моя нежная. Ты цепляешься за

остатки влюбленности, ставшей оборотной стороной неистовой ненависти, и не желаешь понимать очевидного... а я устал разбивать вдребезги очередной хрустальный замок твоих несбыточных надежд. Это никогда в принципе не доставляло мне удовольствия, а с некоторых пор стало практически невыносимым.

И он резко поднялся с постели, бесшумно сошел на сверкающий каменный пол и направился к двери, даже не оглядываясь. Остался один маленький вопрос:

— И как мне это понимать?

Кесарь остановился. Его сильная гибкая фигура словно подернулась тьмой, так проклинаемой приверженцами света. Несколько секунд казалось я не услышу ответа... но секунды истекли, и Араэден, не оборачиваясь, произнес:

— Динар. Тот Динар которого ты знала женился на Лориане. Они родили четверых детей. На тот момент, когда элементаль покинул Рассветный мир, у них было уже двенадцать внуков. Время, звезда моя. Ты упустила из виду такую существенную деталь, как время, в мире, что мы покинули, оно течет гораздо быстрее. Знал ли я об этом? Да. Ты забыла и об оракуле — Локар всегда подчинялся мне, я его создал, я его контролирую даже вернувшись. Видишь ли, любовь моя, я может и жестокий бог Рассветного мира, но я бог, несущий ответственность за мир, который был мне домом более трехсот лет.

Белоснежная дверь распахнулась, выпуская императора Эрадараса.

И закрылась, разбивая в дребезги всю мою жизнь.

Уничтожая все, что у меня было.

Практически убивая меня...

Дети... Внуки... Сколько лет прошло в моем родном мире?! Сколько?!

Я упала на простыни, захлебываясь в немом крике...

Секунд пять.

Я позволила себе пять секунд беспросветного отчаяния. Это все, что я могла себе позволить.

Спустя прошедшие секунды я поднялась. Села, привалившись спиной к спинке кровати. Вытерла слезы.

И приняла ту действительность, которая существовала в данный конкретный момент.

Просто потому что, она, гоблин ее подери, существовала! Она уже существовала — подстраиваться в очередной раз предстояло мне.

Вопрос был лишь в том — как именно мне придется подстраиваться?! Очевидным и самым простым решением было бы уже принятое ранее

положение пресветлой императрицы и супруги кесаря. Это было правильным решением. Как ни посмотри, со всех сторон — абсолютно правильным. И благоразумная принцесса приняла его не сомневаясь в правильности этого решения. Вот только я больше не благоразумная принцесса, не игрушка кесаря, созданная им же по своему образу и подобию, и не та, кто отчаянно цеплялся за величие предков.

Я, Кари Онеиро, пресветлая императрица Сатарэна и Великая Черная звезда.

И величия во мне столько... что хоть давился им!

Дверь распахнулась в тот момент, когда я поднималась с постели.

В следующий, я произнесла ультиматум:

— Единственный вариант нашего дальнейшего сотрудничества, который я готова рассматривать, заключается в раздельном проведении ночей и абсолютном запрете на любые ваши прикосновения ко мне, мой кесарь.

Вернувшийся в спальню властитель Эрадараса очень медленно, подчеркнуто медленно, оглядел меня с головы до ног, заставив явственно ощутить, что на мне одна кружевная сорочка, ко всему прочему сползшая с левого плеча практически до груди. Демонстративно не стала ничего поправлять. Кесарь столь же демонстративно оглядел меня повторно, закрыл дверь, подошел ко мне вплотную, медленно склонился к самому моему лицу, и очень мягко поинтересовался:

— Любимая моя, ты помнишь, что открыло путь моей магии в Рассветном мире?

Смутно, очень смутно, я вспомнила о предсказании Мейлины. Вероятно, если бы не купание в Эхее не вспомнила бы вообще ничего! Но не суть, факт в том, что все же вспомнила.

— Ваши нежные чувства к блондиночке? — поинтересовалась язвительно.

— Я вижу память вернулась к тебе в полном объеме, — не менее язвительно ответил кесарь.

— О, что вы! Не обремененное одеянием и развлекающееся похабной книженцией градонаселение вашей спальни не забывается в принципе! — уровень язвительности зашкаливал.

Кесарь в ответ улыбнулся. Ласково.

Ответила ему тем же.

И от всей души добавила:

— У Локара исключительно наблюдательные функции, следовательно ваши ласково-убийственные улыбочки не способны ни в коей мере

навредить Оитлону, следовательно — МНЕ ПЛЕВАТЬ КАК ВЫ ТАМ УЛЫБАЕТЕСЬ!

Улыбка стала шире, и мне коварно напомнили:

— Оитлон? Нежная моя, ты несколько упускаешь из виду тот факт, что я вполне способен сжечь все подряд, от твоего темного подельника, до практически всего человеческого населения Эрадараса.

Подавшись вперед, едва ли не на носочки приподнявшись, столь же коварно ответила:

— Сжечь? Мой кесарь, вы несколько упускаете из виду тот факт, что я вполне способна оживить все подряд, слившись в страстном поцелуе с кем под руку попадет, практически с любым из магически одаренного населения как Эрадараса, так и Тэнетра!

Холодные глаза заледенели казалось еще сильнее, полыхнув морозным холодом.

Я вернулась в исходное положение, поправила кружево сорочки на плече, и повторила спокойно и безапелляционно:

— Сказанное вами... я приняла к сведению. Я все поняла. И, допустим, частично смирилась с ситуацией. Более того, я отчетливо понимаю, что сейчас, в условиях реальной угрозы вторжения высших, этот мир нуждается во мне возможно... — произнести это оказалось сложно, — даже больше, чем мой собственный. Именно поэтому, я повторюсь — я согласна и далее нести обязанности пресветлой императрицы, с единственным условием — вы не прикасаетесь ко мне больше! Никак! Ничем! И никоим образом!

И я взглянула в холодные глаза властителя Эрадараса, прямо и решительно.

И почему-то возникло странное ощущение, что в его глазах сейчас вдребезги разбивались даже не один — тысячи хрустальных замков.

Едва эта мысль промелькнула в моей голове, из глаз кесаря исчезло всяческое выражение, в них снова был лишь холод — Ледяной свет, как же точно его называли орки. Кесарь усмехнулся, в ответ на это воспоминание, но вместо ответа на мой ультиматум, со странной настойчивостью повторил:

— Любимая моя, ты помнишь, что открыло путь моей магии в Рассветном мире?

Меня откровенно взбесил вопрос.

— Мой кесарь, что вы хотите, чтобы я вам ответила? — практически прошипела. — Что искренне восхищена тем, как вы вернули себе магию и собственной дом?! Я восхищена. Правда. Искренне и всеобъемлюще! Но

это никак, ни в коей мере, и ни коим образом не повлияет на мою к вам абсолютную ненависть!

Он не ответил, на мой всплеск ярости. Молча протянул руку, поправил норовившее сползти снова с моего плеча кружево, и спокойно произнес:

— Период, нежная моя. Я называл его тебе.

Раздраженно дернув плечом, избавилась от прикосновения его пальцев, и нервно ответила:

— Пять лет. Вы говорили о периоде в пять лет. Что-то еще, мой кесарь?

Или склероз крепчал все основательней? Последний вопрос не задала вслух, естественно, не самоубийца, но вслух кесарю и не требовалось. Холодно взглянув на меня, император, тем не менее, никак не отреагировал, и задал следующий, видимо с его точки зрения «наводящий» вопрос:

— Пять лет назад, тебе было пятнадцать. Нежная моя, назови мне самое яркое воспоминание твоих пятнадцати лет?

Я раздраженно выдохнула и осеклась...

Моим самым ярким воспоминанием о пятнадцатилетии был он. Он, пресветлый император Прайды и продлившая бесконечно долго аудиенция, после которой моя жизнь изменилась раз и навсегда. Он, высокий светловолосый вечно молодой мужчина, и его практически обреченное «Какая жестокая насмешка судьбы!».

Разум отказывался верить, просто отказывался, но в то же время логически сопоставил два неоспоримых факта — в мои пятнадцать лет я была представлена кесарю. И примерно в это же время к нему начала возвращаться магия.

— Нет... — простонала, еще толком не осмыслив информацию.

Он триста лет менял любовниц как перчатки, в безумной, бесконечной, настойчивой надежде влюбиться, чтобы исполнилось пророчество Мейлины... Он искал отражение, той, что его предала, хрупкой, прекрасной, светловолосой эллары — я была полной противоположностью этого образа. Страшное, толстое уродливое создание, от которой отказалась собственная мать, предназначенное им для совершенно иных целей. Это просто...

«Какая жестокая насмешка судьбы!»...

— Нет, — повторила, отчаянно замотав головой.

Он не мог полюбить меня. Не мог. Кесарь ни за что в жизни не выбрал бы такую, как я, в качестве объекта применения любовных чувств!

И откуда-то из сонма воспоминаний, всплыло то, где я, дрожащая и от

перенесенного ужаса и от возмущения, сижу за столиком с едва тронутым ужином, и, сжимая ладони, пытаюсь примириться с тем, что мою собственную кровь только что пили прямо из моей шеи, и отрешенные слова сидящего в кресле напротив кесаря: «Любимых не выбирают, нежная моя».

— Нет... — я отшатнулась, не удержалась на ногах и рухнула на постель, в ужасе глядя на императора.

— Да, — спокойно произнес он.

И я вспомнила разговор, несколько забывшийся на фоне произошедшего прошлым утром и сказанное кесарем: «Значит, мы вернемся в Рассветный мир».

«Мы»

— Нет, это не может быть правдой... — надежда, иногда то единственное, что остается у человека — это надежда.

Невесело усмехнувшись, Араэден с присущим ему спокойствием ответил:

— Начнем с того, что ты уже давно не человек, нежная моя. Закончим тем, что теперь, когда ты, наконец, осознала, что ты нужна мне гораздо больше Тэнетра и в принципе благополучия Эррадараса, условия ультиматума стоит пересмотреть, как несостоятельные к исполнению.

Я судорожно хватала ртом воздух, потрясенная осознанием того, что никогда даже не принимала в расчет! Никогда! Ни единой мыслью, ни намеком, ни даже оттенком мысли! Никогда! Кесарь и... чувства?! Я даже не верила до конца в его «любовь» по отношению к Элиз, или как там ее полным именем, я абсолютно спокойно отнеслась к тому, что он оставил абстрактную «блондинку» в Рассветном мире и даже не вспоминал о ней, я...

— Нет! — простонала, отчаянно отказываясь во все это верить.

Кесарь медленно на корточки передо мной, глядя в мои глаза, пытаюсь поймать мой взгляд. Или не пытаюсь. Зачем ему взгляд, если он практически имел уже всю меня.

— Провокационное заявление, нежная моя, — насмешливо заметил кесарь.

И я посмотрела на него. В упор.

«Какая жестокая насмешка судьбы!»... Я была готова подписаться под каждым словом. Кровью.

— Любопытная реакция, — добавил император.

В его словах звучала все та же насмешка, в его глазах не было и намека на нее. Там не было ничего, кроме ледяной пустыни давно вымороженной

тем, кто не был способен любить в принципе. Но, к сожалению, даже этот факт меня уже не спасет. Меня уже ничего не спасет, если его целью являюсь я... Триста лет опыта, негибкая воля,

— Кари... — очень мягко произнес кесарь, беря мои руки в свои ладони.

Я смотрела на него, чувствуя себя так, как казалось бы целую вечность назад, когда прозвучали самые страшные слова в моей жизни: «Катриона, вы станете моей... женой?». И такое ощущение, словно во всем мире... во всех мирах, есть только я, до безумия пугающий и уже сто процентов бессмертный кесарь, и... мое бешено бьющееся сердце.

Вот только я выросла, и вместо «Да... с удовольствием...», в тишине нашей совместной императорской спальни прозвучало уверенное:

— Нет. Никогда. Ни при каких условиях. Пусть даже ценой моей жизни. Нет!

Кесарь не отреагировал никак, ни движением, ни вздохом, только лицо его внезапно стало еще более жестоким, чем всегда, и будто стали ярче льдисто-дымчатые глаза.

— Причина? — холодно спросил он.

Холодно... ледяным тоном. Убийственно ледяным тоном, за которым, и я уже слишком хорошо знала своего супруга, полыхала ярость, способная сметать с пути города, страны, континенты. Он даже не улыбался. Аразден Элларас Ашеро смотрел на меня без тени улыбки, даже той, ласково-убийственной, что заставляла содрогаться от ужаса всех правителей королевств подчиненных Прайде, всех элларов, всех драконов, огромных лысых гномов, и, что греха таить, тэнетрийцев тоже.

— Причина. — Повторил кесарь, пресекая мою попытку вольнодумства.

Я мягко высвободила руки, подалась вперед, приближая собственное... или уже давно не мое лицо к лицу Властителя Эррадараса, и произнесла, четко проговаривая каждое слово:

— Все что у меня осталось — это я. Единственное, что у меня осталось — это я. Последнее, что у меня осталось — это я. Вы отняли всё, мой кесарь, мою любящую семью, мое счастливое детство, мою беззаботную юность, мою любовь и робкие попытки обрести счастье хотя бы в стане орков. Вы отняли абсолютно всё! Вы с каждым разом отнимали все больше, но даже нашего брака в Рассветном мире вам показалось мало. И вы отняли у меня мир. Мой мир. И все, что у меня осталось — я сама. Но вам снова мало, не так ли?!

— Да. — ответ холодно прозвучал, в стремительно остывающей

спальне.

Осторожно отодвинувшись, я поднялась и направилась к ванной комнате, шагая все в той же безжалостной тишине. Остановившись в дверях, секунду помедлила, вдруг спросила:

— Если с самого начала вам нужна была я, почему же супружеский долг так и не был... реализован?

Просто не могла не спросить. Я была наедине с Аршханом и видела его желание. Я была с Динаром, он... он весь был одним сплошным желанием, но кесарь... В нем было все, от высокомерного презрения, до неимоверной деспотичности, а страсти, ее не было никогда.

Кесарь поднялся, все так же холодно глядя на меня, и произнес практически неимоверное:

— Я не хотел тебя сломать, нежная моя. Это единственная причина моей сдержанности.

Войдя в ванную комнату, я резким движением закрыла двери.

«Не хотел» — прозвучало в прошедшем времени.

И я сделала выводы.

В несколько шагов преодолев ванную комнату, я подошла к чаше с водой, опустила руки и мысленно позвала «Сатарен».

И мир откликнулся на мой зов, главной из собственных вен — водами Эхеи. Я ощутила, что меня подхватило этим потоком прежде, чем распахнулась, словно от удара дверь, являя разъяренного кесаря. Но было поздно.

* * *

Меня вышвырнуло приливной волной куда-то на берег скалистого острова. Впившись в холодные скользкие камни, несколько секунд я откашливалась, сплевывая на удивление соленую воду. И едва снова обрела речь, все так же мысленно попросила:

«Мне нужен Адрас».

Из темной бурлящей воды передо мной выскользнул глаз, взглянувший на меня черным зрачком в окружении ярко-алой радужки.

«Мне нужен Адрас, — мысленно повторила я, — пожалуйста».

Нижний мир определенно не одобрял моей затеи. Одобрять было нечего в принципе, я сидела на камнях мокрая, дрожащая, облепленная мокрой полупрозрачной тканью и прядями не менее мокрых волос, но мне все равно нужен был Адрас.

И меня смело с камней очередной волной холодной воды.

* * *

Не знаю, сколько несло потоком, несколько раз больно ударив о камни, а руки я содрала в кровь еще там, на камнях, но в какой-то момент вода схлынула, оставляя меня жадно глотать воздух на отполированном до блеска каменном полу.

Но прежде, чем я пришла в себя, услышала хриплый возглас:

— Кари!

Разлепив мокрые ресницы, повернула голову на звук, и увидела поднявшегося с кресла Акъяра. Принц Ночного Ужаса, с некоторым ужасом смотрел сейчас на меня, и взгляд его стремительно перемещался с моих содранных в кровь ладоней, до бедра, так же изрядно пораненного, сочащаяся кровь из которого смешивалась вместе со стекающей с меня водой.

Медленно поднявшись, одернула сорочку, и огляделась.

Помещение, в которое принесли меня воды Эхеи было когда-то пещерой. Сейчас, каменные перестенки делили ее на несколько секторов. Тот, в котором оказалась я мебели был лишен вовсе — одно полупризрачное кресло и огромный заполненный тьмой стеклянный шар в центре. И я едва удержала вскрик, когда из этого стеклянного шара на меня взглянули два глаза, прорези коих были заполнены багрово-кровавым сиянием. Совершенно слепые, лишенные зрачка глаза. Глаза, которые я знала.

— Адрас... — выдохнула, в ужасе глядя клубившийся в шаре Мрак. Абсолютный, полный злобы, лишенный разума Мрак.

На мои плечи легло теплое покрывало, окутавшее теплой, мгновенно высушившей меня волной и принц Ночного Ужаса, опровергая собственное звание, удивительно мягко и ласково, словно разговаривал с ребенком, произнес:

— Кари... Пресветлая императрица, я искренне рад вашему визиту, но не менее искренне обеспокоен вашим состоянием. Как вы здесь оказались?

На мгновение я испугалась того, что отсутствие контакта с водой, разорвет мою связь с водами Эхеи, но напрасно.

«Я здесь» — прозвучал в моем сердце пронизывающий голос этого мира.

Прикоснулась рукой к груди, замерла на миг, осознавая эту связь с

миром, и шагнула к стеклянному шару, вырываясь из осторожных объятий Къяра.

— Кат... — начал было он.

Не ответила, приложив обе ладони к стеклу, и глядя в безумные красные глаза напротив.

— Ты мне нужен.

Мрак словно сгустился, реагируя на звук моего голоса, но в безумных лишенных разума глазах не отразилось ничего.

— Адрас... — прошептала, теряя надежду и ненавидя себя за это.

— Пресве...А, к Свету все эти условности! — Къяр, стоявший позади, вдруг резко развернул к себе, рывком прижал, обхватил руками мое лицо и произнес, вглядываясь в мои глаза: — Катриона, хватит! Я не знаю, что с тобой происходит, но Адраса больше нет! Мы похоронили четвертого принца как и полагается с последним лучом света. Этой ночью, Катриона. Его тело было сожжено и пепел развеян с наступлением полной тьмы. Аразден не сказал тебе?

— Нет... — чувствуя, что падаю, куда-то бесконечно падаю, прошептала я.

И руки принца Ночного Ужаса соскользнули ниже, удерживая меня, а Къяр с откровенным сочувствием произнес:

— Мне жаль.

Ему было жаль меня... Я убила его брата, а жалели меня. Это было как-то не правильно.

— Отпустите меня, Акъяр! — потребовала я, пытаюсь, высвободиться из ставших вдруг железными объятий.

Вскинула голову и вздрогнула, глядя, как стремительно меняется взгляд темного принца. Мгновение назад он был совершенно вменяем, но прошел всего миг, и передо мной был не умный галантный принц, а чудовище, с безумно ожесточенным выражением лица, в котором каждая черта вдруг стала невероятно хищной.

— Отпустите меня! — потребовала повторно, прекратив всяческие попытки вырваться.

Намеренно прекратив. Интуитивно почувствовав, что любое физическое сопротивление сейчас сыграет против меня.

Къяр продолжал стоять, удерживая меня в стальных, из поддерживающих превратившихся в захвативших в плен объятиях, и мучительно искал выход из положения. В какой-то момент мне даже вызвало интерес — что победит в темном, разум или желание, которое сейчас открыто читалось в его взгляде. Безумное, дикое желание захватить,

овладеть, присвоить, сделать своей... взгляд скользнул с моего лица вниз, пальцы судорожно дернулись, словно Къяр с трудом сдерживал желание сорвать с меня эту сорочку... и при этом сдерживался. Действительно сдерживался, эта внутренняя борьба в нем была столь же явной, сколь и заметно сложной.

И я не удержалась от вопроса:

— Что происходит?

Принц Ночного Ужаса поднял на меня совершенно пьяные от хмельного желания, багрово-алые глаза, и хрипло произнес:

— Я хочу тебя.

Почему-то это признание вызвало внутреннюю усмешку, что-то сродни истерике, только где-то в глубине души.

— Вы знаете, я заметила, — язвительно ответила принцу.

Къяр улыбнулся уголком уже не обезображенного рта, но это была лишь мимолетная улыбка. В следующее мгновение, поджавшись вперед, он прижал меня спиной к холодному стеклу шара, впечатал собственные ладони по обе стороны от моей головы, и, склонившись к самым моим губам, хрипло произнес:

— Ты мое безумие, Катриона. Ты мое бесконечное, сжигающее, терзающее каждую секунду безумие.

Темный сделал судорожный вздох, словно пытался поймать мое дыхание, простонал, так отчаянно, что жутко стало даже мне, и выдохнул:

— Ты станешь моей. Араэден сильный соперник, но... ты станешь моей.

В багряно алых глазах полыхала уверенность. Абсолютная уверенность и в своих действиях и в результате, к которому они приведут. И я уже видела такое — в том храме, из которого кесарь настраивал переход в этот мир!

— Любопытно, — я встала ровнее и сложила руки на груди, хоть как-то оградившись от ауры властности, уверенности и убежденности нависающего надо мной темного, — и сколько же планов по заполучению меня у вас есть на данный момент?

Акъяр несколько отодвинулся, в его глазах промелькнуло то ли удивление, то ли смесь восхищения с непониманием, но на мой вопрос принц все же ответил:

— На данный момент двенадцать.

Вот как. Мы, Астаримана, всегда просчитывали как минимум две вариации развития событий, и потому проигрывали крайне редко, кесарь — семь, в результате он не проигрывал никогда, а Акъяр заготовил уже только

«на данный момент» двенадцать?! Чертов гений!

— Хорошо, — медленно проговорила я, — допустим... — хотя допустить подобное являлось делом малоприятным.

Но, с другой стороны, вот он темный, который открыто говорит, что хочет меня, вот она я, едва ли одетая, без защиты и практически в его полной власти. И возникает прелюбопытный вопрос:

— А что, собственно, вас сдерживает?

Принц Ночного Ужаса посмотрел на меня как-то странно, затем слегка прищурил глаза, словно что-то просчитывал, видимо пришел к какому-то выводу, усмехнулся и произнес:

— Ты из другого мира.

— Насколько я могу судить, вас это не особо смущает, — с нескрывааем сарказмом сообщила я.

Темный усмехнулся, снова приблизил свое лицо к моему практически вплотную и прошептал:

— Меня это не смущает, Катриона, меня это пугает.

Улыбнувшись, укоризненно покачала головой, не скрывая, что не поверила ни единому слову, и едко заметила:

— Принц темных говорит о страхе...хм. Вы открываетесь с неожиданной стороны, Акъяр.

На откровенную издевку реакцией была... улыбка. Акъяр смотрел на меня с высоты своего роста, знаний собственной цивилизации, опыта, и... смотрел так, словно я ребенок, который вообще ничего не понимает. А затем губы его скользнули по щеке, к уху, и темный прошептал:

— Я боюсь тебя сломать, Катриона. Вот то единственное, что меня останавливает.

И он вернулся в прежнее положение, и посмотрел мне в глаза.

Что ж, я ответила на его взгляд, но за багровыми глазами темного я видела другие — ледяные кристаллы глаз кесаря, а вот слова, пульсирующие в моем сознании были примерно такими же: «Я не хотел тебя сломать, нежная моя. Это единственная причина моей сдержанности».

И мой разум категорически не понимал, что за гоблинское выражение!

— Сломать — это идиома? — нервно спросила я.

Акъяр, глядя на меня с той же загадочной полуулыбкой, отрицательно покачал головой.

Помолчал несколько мгновений, а затем осторожно, старательно подбирая слова, попытался объяснить:

— Любовь для нас — это умноженная в сотни тысяч раз потребность обладать. Светлые разывают все связи любимой женщины с семьей,

темные... поступают жестче, но действуют скрытнее и в гораздо больший промежуток времени — наши женщины своевольны, приходится быть изобретательнее. Но... если в игру вмешиваются чувства, если страсть скользит по грани безумия, а запах любимой лишает контроля... — Къяр хрипло простонал какое-то ругательство, и резко отстранился от меня, завершив уже совершенно спокойно: — Гораздо безопаснее держаться на расстоянии до тех пор, пока не начнешь контролировать желание полностью подчинить себе волю и личность любимой женщины. Видишь ли сломанная игрушка в качестве любовницы это одно, но сломать ту, что становится важнее жизни... это убивает.

Я смотрела на Акъяра, высокого, широкоплечего, с черными как ночь волосами, собранными в низкий хвост, с лицом, которое можно было бы назвать прекраснейшим порождением этой самой ночи, а думала... думала я исключительно об одном:

«Они больные!»

«Да, — неожиданно отозвался мир.

«На всю голову, — добавила я».

Мир ничего не ответил, но я чувствовала, что он полностью согласен со мной.

«И они похорошили Адраса... — мысленно простонала я».

Сэтэрэн ответил шелестом бескрайнего моря трав Миргана, словно скорбел о смерти Адраса вместе со мной.

Я развернулась, роняя покрывало с плеч, посмотрела на стеклянный шар, в котором все так же клубился мрак, и прикоснулась ладонью к гладкой холодной поверхности. Я не могла смириться с гибелью Адраса, просто не могла, и в отчаянном порыве, прежде чем призвать воды Эхеи, простонала:

— Прости меня.

Там, в шаре, среди клубящейся тьмы вновь вспыхнули алые прорези глаз. А затем внезапно, из тьмы сформировалась рука, и коснулась моей ладони с той стороны стекла.

— Адрас... — прошептала я, всем существом подавшись к шару.

— Катриона! Отойди! — полный тревоги крик темного.

Но между ним и мной стеной встали воды Эхеи, да так, что по этой воде, несколько ошарашенная перемещением проплыла серебристая рыбка, но я взглянула на нее лишь мельком — я смотрела на Мрак. С надеждой, которую боялась даже озвучить. Лишь прошептала:

— Ты нужен мне...

И от места, где наши ладони соприкасались, по всему шару пошли

стремительные трещины.

— Катриона, это опасно! — разъяренно выкрикнул, не способный приблизиться к нам Къяр.

А мои пальцы уже сплеталась с пальцами проскользнувшего сквозь образовавшиеся щели Мрака, и от этого соприкосновения я чувствовала тепло и поддержку Адраса, и ощутила его же объятия, когда меня с головой снова накрыла волна.

* * *

Меня вышвырнуло вновь на скалистый остров, но на этот раз падать было удобно и мягко — Мрак подхватил, уберегая от острых камней, от холода, от всего. И когда я, снова нахлебавшаяся воды, смогла говорить, тихо позвала:

— Адрас?

Мрак, сгустившись передо мной так, что в свете сияния звезд ночного неба, я увидела фигуру подобную человеческой, отрицательно покачал головой.

— Адрас погиб? — не удержав всхлипа, спросила я.

Мрак кивнул.

А затем скользнул ко мне, окутывая, согревая, утешая и пытаясь поддержать. А я сидела, окончательно осознавая — я убила Адраса. Я просто убила Адраса. Я...

«Что это за место?» — мысленно спросила у мира.

«Острова свободных людей», — последовал ответ.

Я, молча вытерла слезы, встала, повернулась, выискивая тропинку или в принципе какой-то путь вверх, обнаружила высеченные прямо в скале ступени, и отправилась возглавлять свободных людей.

* * *

Поднимаясь по ступеням, я вспоминала информацию, поведенную бывшей любовницей кесаря — Аджаной. Рыжая девушка рассказала достаточно, так что представление об этих поселениях я имела. Девять свободных островов, общая численность населения пятьдесят тысяч человек, если я правильно понимаю, я находилась на самом крупном из них Грэне, а значит стоит подняться, должна быть видна крепосная стена,

окружающая самый столицу свободных островов.

Она и показалась, едва я преодолела еще шесть ступенек. Стена была внушительной, метров семь в высоту, по верху шел широкий желоб с водами Эхеи, по самой стене горели яркие факелы, стражи располагались внизу — семеро у ворот, и по одному через каждые тридцать метров.

Меня заметили сразу, но прежде, чем успели вскинуть арбалеты, я холодно приказала:

— Стоять!

Повелительный тон, отрабатываемый годами, с лучшими преподавателями по ораторскому мастерству, как в нашем королевстве, так и со всех уголков Прайды. Я вдруг только сейчас подумала — учителей ко мне отправлял кесарь. Откровенно говоря, в пятнадцать лет моя жизнь изменилась настолько, что последующие года два думать я могла лишь над решением конклетных задач... и ни о чем больше. А вот сейчас, почему-то вспомнилось.

Я поднялась на плато, и направилась к воротам, гордо, уверенно и решительно. Где-то в глубине души я понимала, что выгляжу не лучшим образом, но едва ли это меня сейчас заботило.

— Э... — раздался голос одного из стражей, высокого широкоплечего бородатого детины, — э, а ты...

Мой холодный взгляд.

— В смысле — вы! Вы кто?

Видимо он являлся тут главой караула, так как остальные почтительно молчали, переводя взгляд с приближающейся меня, на начальника. И я подошла к нему, продолжая осматривать стену и ворота, протянула руку и приказала:

— Плащ.

Детина молча снял с себя коричневую истрепанную временем ткань, почтительно передал, в последний момент удержавшись от поклона.

Накинула плащ на себя, застегнула, высвободила и откинула на спину волосы, и лишь затем холодно сообщила своему новому народу:

— Я — ваша императрица.

Стражи переглянулись, и кто-то явно преклонного возраста, осторожно заметил:

— Какая-то вы мокрая...

— Какую заслужили, — не оборачиваясь на голос, ледяным тоном ответила я. И приказала: — Открыть ворота.

Мне не перечили.

Ворота открылись с ужасным скрипом, что являлось показателем как

минимум двух вещей — пользовались ими редко, и смазку придется закупать у гномов, раз уж свободные не догадались создать нормальную самостоятельно.

Время было практически предрассветное, поэтому я не удивилась отсутствию людей на площади перед ратушей, лишь несколько стражников заспанно высунулись навстречу уверенно вошедшей мне.

— Лорда Ариса мне, — не оборачиваясь, приказала нервно следующему за мной главе караула. — А так же зажечь алые огни, я хочу видеть весь совет хранителей островов.

И свернула к административной части крепости. Куда идти я знала. Не знала лишь одного.

— Мрак? — тихо спросила, вступая в круг света падающий от освещающих ратушу факелов.

Мой спутник мгновенно возник пятном сумрака на мощенной камнем дороге передо мной, затем и вовсе поднялся, вызвав испуганные ругательства у стоящих впереди стражников.

— Ты будешь со мной? — спросила, глядя в распахнувшиеся алые прорези глаз.

Мрак согласно кивнул и растворился. Но я чувствовала — он рядом.

* * *

Едва я поднялась в приемную лорда Альриса, хранителя острова Грэн, все факелы, что горели на башнях крепостной стены, окрасились красным цветом. По словам Аджаны, такой эффект достигался за счет того, что в огонь бросали медную пыль. Не знаю, было ли это так на самом деле, но ярко-красный огонь выглядел удивительно прекрасно. Я даже приостановилась на мгновение, глядя, как в ответ на этот сигнал, вспыхивают алым красным огни на других крепостях. И город начал просыпаться, слышались крики, забил колокол, тревога разливалась над Свободными островами как накатывающий с реки туман.

— В кабинет! — приказала я, намеревавшемуся оставить меня в приемной заспанному секретарю лорда Альриса.

— Но... — Начал было он.

— В кабинет! — повторила тоном, не терпящим возражений.

И для меня открыли двери кабинета, расположенного на верхнем этаже и запираемые сразу на пять ключей.

Поднимаясь на девятый этаж следом за секретарем, я подумала о том,

что лорд Альрис физически должен находиться в прекрасной форме, лично я к верхнему этажу уже подустала, но демонстрировать слабость было роскошью, которую я в данный момент не могла себе позволить.

Двери секретарь и два охранника открывали торжественно и долго, и я поняла причину торжественности, едва переступила порог — здесь были отчеты. Удивительно, на моей памяти я впервые видела кабинет военачальника, где находились стеллажи с отчетами. Причем по годам. И судя по крайнему сектору сейчас для Свободных островов шел 1275 год. Раннее, очень раннее средневековье по меркам Оитлона, но будем работать с тем, что есть.

— Горячий чай и несколько бутербродов, — приказала я, направляясь к стеллажам.

Мне было чем заняться, до прихода лидера всех островов. И занятие оказалось весьма примечательным, в частности выяснилось, что население уже достигло порога в шестидесят восемь тысяч человек. Но отдельное удивление вызвал язык, на котором на полях шли заметки. Тонкая витиеватая письменность, читаемая справа налево, обретала смысл, стоило лишь вспомнить письменность либерийских степняков. Поэтому я практически без труда прочла: «Мой лорд, требуется немедленный поиск свободных территорий».

На этом увлекательном чтении меня и застиг лорд, чьи грозные шаги я слышала уже, наверное, этажа с первого, как и отчаянные ругательства, коими он костерил своих подчиненных.

Через мгновение в кабинет, в котором уже с комфортом устроилась я, ворвался высокий мужчина, в полном боевом облачении, не хватало лишь шлема, с огромным двуручным мечом за спиной, двумя короткими спереди на перевязи, в медных начищенных до блеска и явно часто используемых доспехах, и с абсолютно зверским выражением на красивом широкоскулом лице, так что становилось ясно с первого взгляда — меня хранитель был готов как минимум вышвырнуть за шкуру, как максимум схватиться за меч.

— Что ты... — начал было он.

— Разговор со своей повелительницей следует начинать с поклона, лорд Альрис, — возвращаясь к документам произнесла я.

Военачальник задохнулся от возмущения, но прежде чем он снова позволил себе перейти на крик, я поинтересовалась:

— Я вижу военные отчеты, отчеты по населению, и даже, как я понимаю, отчеты местных лекарей, предупреждающие о возникновении возможной эпидемии в условиях критического перенаселения. Но я не

вижу ни одного экономического отчета? Что у нас с производством? Торговлей? По какой причине у вас столь отвратительно скрипят ворота?

И русоволосый мужчина закрыл рот. Несколько секунд я практически ощущала на себе его взгляд, после лорд Альрис произнес:

— Вы отдали приказ о сборе совета всех хранителей?

— Да, лорд Альрис, — любезно ответила я.

Он выругался сквозь зубы, и издевательски-любезным тоном задал вопрос:

— Могу я узнать кто вы?

Подняв на него холодный взгляд, ледяным тоном ответила:

— Пресветлая императрица Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана из рода Ароиль Астаримана, законная супруга его пресветлого императорского величества Великого Араэдена Элларас Ашеро из рода Архаэров.

Мужчина застыл на несколько секунд, глядя на меня как на пришествие бога на земле, и задал совершенно неожиданный вопрос:

— А... ваш супруг... знает, где вы се... — не договорил.

Под моим ледяным взглядом язык отнимался и не у таких, как лорд Альрис.

— Мне нужна одежда, — холодно уведомила, возвращаясь к бумагам, — и поторопите службу с чаем и бутербродами.

Из-за моей спины выполз Мрак, длинным жутким пальцем указал на одно из предложений в документе. И едва сдержала слезы. В документе говорилось о необходимости разравнять холм, поросший колосьями желтовато-го цвета. По описанию не сложно было понять, что речь идет о пшенице. Мне не сложно было понять, жители свободных островов видимо не поняли. И я сразу не заметила. А Мрак, видимо впитав в себя часть воспоминаний Адраса заметил.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. — Проверишь?

Мрак выбрался из под плаща, галантно склонился и улетел.

В следующее мгновение я даже не знаю, почему, но спросила:

«Почему ты раньше не связывался ни с кем из людей?»

«Ты первая, кто услышал, — последовал ответ Сатарэна».

Внезапно поняла почему — во мне кровь кесаря. Он, как связанный с этим миром не мог услышать его видимо потому что является элларом, а я человек — отсюда и способности.

«Мне можно видеть твоими глаза... хм... глазом?» — задала я следующий вопрос.

«Да», — просто сказал мир. И добавил: — «Кристалл».

Около секунды я обдумывала услышанное, затем, кажется, поняла.

Протянув руку открытой ладлню вверх, привычно, как учил шенге, создала кристалл. Боль сводило рукой так, словно мне выворачивало кости и рвало сухожилия, но кристалл я создала и назвала первое место, произнеся по оитлонски:

— Дворец кесаря.

В следующее мгновение вздрогнула.

От дворца осталось мало что. Все восточное крыло было превращено в руины, часть внешних стен сломлена так, словно их пробивали тараном, в пруду с рыбками кого-то явно «купали», вода даже издали имела ярко-красный оттенок. Сдержав нервную дрожь, перенастроила кристалл на свою императорскую канцелярию и не сдержала облегченного выдоха — все мои были на месте. Нервные, бледные, судорожно работающие, но живые и на месте. Облегченно выдохнула и была услышана:

— Пресветлая императрица? — Эдогар, вскинув голову, потрясенно посмотрел на меня.

— Яркого сияния утреннего светила, — вежливо поздоровалась я.

Мой глава канцелярии попытался было ответить и... не смог.

— Какие у нас новости? — не дожидаясь, пока пресветлый сумеет взять эмоции под контроль, спросила я.

Пресветлый нервно сглотнул, вскочил, поклонился, почти рухнул обратно, осознав что едва он встает, пространственное окно остается висеть на уровне его груди, нервно сглотнул, схватил бумаги и начал отчитываться:

— Владетели великих Дворцов придут как и было оговорено через три часа. Вас ожидал Тэхарс до того... — Эдогар нервно сглотнул, — как стало известно о...

И мой поверенный сильно смутился.

— О чем? — задала прямой вопрос.

— О вашем... бегстве, — отведя взгляд, нервно ответил пресветлый.

— Бегстве? — усмехнулась я, и язвительно добавила: — Эдогар, передислокацию едва ли можно обозначить использованным вами термином.

Эллар по началу несколько недоверчиво взглянул на меня, но вдруг улыбнулся и произнес:

— Я искренне рад.

Кивнула, принимая все, что не было озвучено, но стало кристально ясно, и сообщила:

— На совете Владетелей я буду. Да озарит сияние ваш день,

пресветлый Эдогар, не забудьте подготовить мою речь.

Он кивнул, я же сдала ладонь, уничтожая кристалл и освобождая себя от боли, которая заставляла едва ли не взвыть. И мне бы очень не помешал сейчас кесарь, но... но...

— Я отдала приказ! — холодно напомнила все так же стоящему в кабинете лорду Альрису.

И потеряла ноющую руку.

Было больно, но мне нужно было открыть еще как минимум один кристалл.

Вспомнила морду шенге, его большие теплые лапы, и то как он направлял мои ладони, когда учил...Свела руки вместе, прикусила губы до крови, стараясь не сорваться на крик от боли, и едва кристалл начал раздвигать пространство, произнесла:

— Тэхарс.

Открывшееся пространственное окно позволило мне увидеть темную заводь, огромные распахнувшиеся под водой желтые глаза дракона, его же вынырнувшую из воды могучую голову и услышать потрясенное:

— Императрица?

К сожалению, проявить вежливость на сей раз мне не удалось — от боли я едва ли могла говорить. Поэтому была краткой.

— Лети к оркам. Найди того, кто наполовину алый элементаль. И если его имя Динар, передай ему — я жду встречи.

И закрыла кристалл.

Хотелось взвыть, побить ладонями о стол, чтобы сменить выворачивающие суставы боль на иную, от удара, но я вернулась к документам, приучая себя к мысли, что магия отныне для меня боль... Точно так же, как когда-то магия была болью для кесаря. При мысли о том, насколько мы похожи, тянуло на смех. Горький, рвущий горло и душу смех, в котором не было бы ни капли веселья. Ни единой.

* * *

К тому моменту как мне принесли завтрак, я уже была в курсе дел Свободных островов. Дела были плохи. Понимаю мир, радостно отправивший меня спасать своих нерадивых детей — действительно являлись нерадивыми, и самое время было именно спасать.

Некогда бежавшие на острова люди, за века правления элларов практически забыли свой язык — пользовались языком светлых, утратили

практически все знания предков, зато отчаянно молились Речному богу коего называли Райсх, и карали любого, кто с раннего утра не возносил молитвы сему вымышленному божеству. Еще богу приносились жертвы, земля, столь необходимая жителям была занята внушительными храмами, хуже того — богу приносились жертвы. Человеческие. Понимая всю нелепость и глупость культа, вместе с тем отчетливо осознавала — религия будет последним, к чему я смогу приложить свои цепкие властные пальчики. Забавно, но в свое время кесарь тоже не стал трогать лишь это единственное — религию, оставив каждому королевству своих придуманных божеств, но категорически запретив человеческие жертвы. Помнится, тогда взбунтовались восточно-степные племена... Собственно, это был последний день существования всех четырех десятков племен.

Одежду мне принесли белую, сверкающую, украшенную речным жемчугом, состоящую из первого платья, второго, третьего и покрывала для головы. То есть наряд был в стиле пресветлых. Учитывая, что сам лорд Альрис одевался явно не как эллар, можно было сделать вывод, что данный наряд к повседневной человеческой одежде так же не относился.

— Кто-то замуж выходит? — скептически поинтересовалась я.

Смущенный милорд, а в кабинет решался входить только он, помялся с ноги на ногу, продолжая держать белоснежные наряды на вытянутых руках, и нервно произнес:

— Сестра подвенечный свой наряд отдала. Не ношенный. Свадьба будет только.

— Верните наряд невесте, — возвращаясь к бумагам, приказала я. — И предоставьте мне нормальную одежду, желательно максимально далекую от стандартов моды эллар.

Лорд Альрис вышел, отдал кому-то одежду, о чем-то в полслова переговорил, и вернулся, вновь застыв тенью у входа, все так же неявно, но постоянно изучая меня взглядом, в котором даже не скрывал непонимания.

— Отчет за прошлый год по острову Верхар, — приказала я, растирая запястья.

Руки болели зверски, и боль не утихала.

Лорд Альрис мгновенно выполнил приказ и принес нужные бумаги. Прочла, впечатлилась. То, что по общей сводке островов значилось как «некоторые потери от ветряного поветрия» по факту являлось гибелью семи тысяч человек.

— Почему не были предприняты меры для остановки эпидемии? — раздражено спросила я.

— Были! — абсолютно уверенно ответил лорд Альрис. — Пятнадцать

девственниц Райсху в жертву принесли.

В этот момент мне даже не было жаль девственниц, я искренне сочувствовала миру!

— Ясно, — переворачивая очередной лист, холодно произнесла я.

Спустя еще четверть часа и появившееся у меня безумное желание с особой жестокостью принести в жертву всех правителей Свободных островов, раздался осторожный стук и в кабинет скользнула рыжеволосая поклонница кесаря. Аджана, застыв на миг, уже в следующий мгновенно опустилась на колени и склонилась до самого пола.

— Утренняя разминка? — поинтересовалась я.

— Пресветлую императрицу следует приветствовать стоя на коленях, — не поднимаясь, ответила девушка. И тихо, но как-то со значением добавила: — Приказ пресветлого кесаря.

— Данные территории не подконтрольны власти пресветлого кесаря, — напонила я.

Рыжеволосое прелесное до невозможности создание, осторожно поднялась, и не глядя на лорда Альриса, с интересом следящего за нашим диалогом, еще более осторожно произнесла:

— Пока не подконтрольны. Вы здесь, пресветлая императрица, а значит, очень скоро здесь будет его пресветлое величество.

— И мы дружно и весело принесем его в жертву, — съязвила я, закрывая папку с отчетами.

— Кого? — не понял лорд Альрис. Но под моим насмешливым взглядом, мгновенно осознал, и выдохнул: — Нельзя!

И вот я бы уж подумала бы, а с чего это нельзя то, как мужчина истово пояснил:

— Он же не девственник.

— Да, проблема, — усмехнувшись, согласилась я.

* * *

Одеждой со мной поделилась Аджана. Девушка была выше и крупнее меня, но новая юбка и рубашка в ее гардеробе нашлись, широкий пояс решил проблему несоответствия размеров, туфли по моей мерке принесли из ближайшей обувной лавки, а волосы я собственноручно заплела в косу, стоя перед зеркалом и глядя на лицо, в котором с большим трудом угадывались мои прежние черты. Фактически я стала элларийкой. Белая как первый снег кожа, тонкие черты лица, хрупкое телосложение, и черные

как сама Тьма глаза, нечеловеческие, и в то же время не светлые, как собственно у пресветлых и не алые, как у тэнетрийцев. Во мне мало что осталось от прежней Катрионы... и в то же время я была собой как никогда. Я была именно той принцессой-утыркой, что шла к цели не замечая препятствий, уверенно и решительно, без сомнений и сожалений, идя по трупам, если того требовало общее благополучие, и принимая ответственность за каждое свое решение. Очень пожалела, что рядом со мной нет Свейтиса и Райхо...

Зато теперь у меня был Мрак.

— Проверил? — поинтересовалась я у чудовища, выглянувшего алыми разрезами глаз из глубины зеркала.

Мрак выскользнул весь, вызвав у Аджаны испуганный крик, и положил на мою ладонь колосья пшеницы. Да, мое предположение оказалось верным.

* * *

Хранители Свободных островов в составе восьми воинов в алых плащах, собрались в приемной зале ратуши лорда Альриса, недовольно переговариваясь и ворча по поводу раннего подъема — на дворе едва занимался рассвет. Мне было совершенно плевать и на их недовольство, и на их нытье.

— Встать, когда в помещение входит ваша императрица! — отчеканила, проходя к креслу, стоящему во главе стола.

Лорд Альрис, занимающий его, медленно, как-то неуверенно поднялся, нехотя уступая мне место, и сдвинул ближайшего коллегу, сидящего на скамье.

Вставать лордам было не с руки, но они все же поднялись. И опустились на скамьи обратно, лишь после того, как я села в кресло.

— Это, — на стол были брошены колоски, — пшеница. Наиболее питательный злак из существующих, полностью уничтоженный элларами, во времена захвата человеческих земель. Рассмотреть, запомнить, охранять! Это как минимум. По факту обсудим с орками засев полей на их территории.

Я оглядела каждого из хранителей островов — в основном не старые мужчины возраста сорока-сорока с небольшим, наиболее молодым здесь был вынужденный уступить мне место лорд Альрис. Все плечистые, коренастые... или казались мне таковыми в сравнении с изящными

стройными элларами, к которым я, кажется уже привыкла, и мозг именно пресветлых воспринимал нормой.

На меня новые подчиненные взирали со смесью ожидания грядущих перемен и кесаря, который один был хуже всех перемен разом. И все же:

— Мы рады возвращению пресветлого императора Араэдена, — произнес один из хранителей.

— Еще бы вам не радоваться, — я позволила себе отнюдь не благожелательную улыбку, — с возвращением пресветлого императора у вас появилась надежда продолжать и дальше отсиживаться на островах, пока темные и светлые грызутся между собой.

Мужчина медленно опустил взгляд.

— В целом — разочарована! — объявила собравшимся. — Вы все, я так понимаю, мните себя воинами?!

— Только великий воин может занять должность Хранителя Острова! — громко и пафосно объявил мне лорд Альрис.

Мрачно смотрела на него до тех пор, пока, сдавшись, лорд не опустил глаза, затем ядовито заметила:

— Пренебреженно издам указ о присвоении великого титула «Хранитель» каждому брехливому цепному псу в империи!

Тут уж опускать глаза не стал никто, на меня посмотрели яростно и зло, я же, мило улыбнувшись, поинтересовалась:

— Я в чем-то не права?

Кажется, мне собирались заявить, что именно так. Но я не позволив никому рта раскрыть, уже без налета даже показной любезности, жестко произнесла:

— Вы — люди! Не хорьки, не трусливые шакалы, и не крысы! Вы — люди! Люди! Но вместо того, чтобы гордо сражаться за свою землю и свою расу, трусливо засели на островах! И я сильно сомневаюсь, что вы не были осведомлены о том, что в пресветлой империи ваших сестер и братьев превратили в домашний скот! Они ведь там даже не рабы, они скот! Скот, который разводят и содержат в загонах!

И хранители вновь опустили взгляды.

С воинами тяжело разговаривать, там, где воин сдается, политик начинает сражаться. Но политиков здесь, увы, не было, были те, кого с детства приучали выполнять команды и только.

Посмотрела в окно, успокаиваясь, вновь растерла ноющие запястья, и глядя многоэтажный за счет растущих видимо сотнями лет надстроек город, подумала, что тут проще все снести и построить заново, чем медленно и упорно настраивать быт. Одна проблема — я не знала, сколько

у меня есть времени и будет ли это время в принципе. Так что вопрос следовало решать несколько более кардинальным способом.

— Мы сможем увеличить территорию свободных островов? — спросила я у мира.

Мир был со мной, я это отчетливо ощущала, он был рядом и он был в моем сердце, готовый внимать и действовать.

«Я подниму земли со дна», — ответил Сатарэн.

Я вспомнила рассказ Аджаны о свободных территориях, придвинула к себе стакан с водой, принесенный видимо для кого-то из хранителей, опустила палец, намочив, достала и позволила каплям воды упасть так, как тогда, когда я запоминала информацию от человеческой любовницы кесаря. Разум всегда запоминает связку информация плюс действие гораздо лучше, поэтому карту я воспроизвела практически безошибочно. Несколько секунд молча смотрела на разбросанные по среди Эхеи острова, затем решительно провела линию, соединяя все острова воедино.

Хранители островов нервно проследили за мои движением, и подняли на меня вопросительные взгляды.

— У вас час, — задумчиво постукивая мокрым пальцем по капелькам, произнесла я. — Ваша задача — вывести людей из жилых зданий на открытые пространства — тектонические сдвиги неизменно приведут к землетрясениям, что станет фатальным для большинства из принятого вами за стандарт ветхостроительства. За каждую смерть отвечать будете передо мной лично. Время пошло!

Бывалые воины вскочили, и после низких поклонов, стремительно покинули залу совещаний. Причина их поспешности стала ясна, едва глаз, возникший оказывается позади меня, медленно проплыл ближе к столу, вглядываясь в капельки. Плавающий в воздухе огромный глаз смотрелся... оригинально.

«Задача неясна», — сообщил мне мир.

И на столе, на месте капелек, начали собираться песчинки, образуя рисунок дна реки Эхеи, и выступающие со дна разрозненные острова.

— Острова нужно объединять, — безапелляционно заметила я.

Глаз моргнул и на нашей песчаной схеме начали подниматься земли со дна реки, образуя узкую змею надводной суши.

— Территорий необходимо больше, — не согласилась я с идеей Сатарэна.

«Защитить не смогу», — печально ответил мир.

И на схеме появились берега Эхеи, с крепостью светлых на одном, и строениями темных на другом.

— Расширить территорию реки? — мгновенно предложила я.

«Будут смерти...» — выдохнул мир.

Мир хотел мира... и не хотел никого убивать. Что ж, все больше начинаю понимать, почему заговорил Сэтарэн именно со мной.

— Сейчас, — сказала я.

И заранее скривившись от ожидаемой боли, активировала кристалл, назвав имя «Арраэн принц Ночи».

Во дворце темных был траур... или не был, кто этих темных разберет. Одно можно было сказать точно — здесь было темно, и... тут был Къяр. Я застигла обоих принцев сидящими в креслах с бокалами вина, и взирающих на танцующую в языках пламени полуобнаженную темную, которая в момент моего вторжения, из полуобнаженного состояния, практически перешла в обнаженное полностью.

— Оу, — только и сказала я, глядя, как падает и сгорает в огне последняя тряпочка с ее смуглого тела.

В следующее мгновение темную снесло в открывшийся портал вместе со всеми ее прелестями, тряпочками, пламенем и прочим. В помещении, где восседали оба принца мигом посветлело, занавеси отдернулись с окон, засияли светильники, исчезло что-то явно курительное со стола, и Акъяр, галантно поднявшись, склонился перед кристаллом, со словами:

— Искренне рад видеть, Катрина.

Арраэн принц Ночи среагировать так быстро не успел, и все еще переводил удивленный взгляд с того места где только что танцевала голая темная, на брата, но в итоге все же взял себя в руки и склонив голову, произнес:

— Сияния утреннего светила вам, пресветлая императрица.

— Тени закатного светила вам, Арраэн принц Ночи, — вежливо ответила ему, и поздоровалась со вторым принцем: — Искренне рада видеть вас, Къяр.

Къяр кивнул, и опустился в кресло, напряженно глядя на меня. Казалось его взгляд выхватывал все доступные детали — мою одежду, прическу, обстановку вокруг, и даже очень внимательно изучили доступный пейзаж за окном. В следующее мгновение глаза темного сузились — он уже знал, где я. И судя по усмешке, едва заметно искривившей уголки красивых губ, будет где-то рядом в самое ближайшее время. И лично меня бы устроило, чтобы это ближайшее время наступило прямо сейчас.

— Искренне прошу простить мое вторжение в момент... — отчаянно подобрала слова, — вашего любования прекрасным...

— Ну что вы, — перебил меня Арраэн, — прекрасным мы имеем честь и удовольствие любоваться в данный конкретный момент, а видеть вас — истинное наслаждение, пресветлая императрица.

Звучало правдоподобно, но глаза выдавали больше, чем того желал бы темный наследник. Мило улыбнулась в ответ самой ядовитой из улыбок, и сообщила:

— Я была вынуждена потревожить ваш покой в связи с возникшей необходимостью эвакуировать личный состав гарнизона, расположенного в районе Свободных островов.

Арраэн мгновенно перестал улыбаться и не осталось даже намека на любезность.

— В связи с чем возникла подобная... необходимость, ваше сверкающее величество? — холодно спросил он.

— В связи с расширением территории вод Эхеи, — я лично была предельно любезна.

Темный любезен не был, и сходу задал вопрос, который я в его положении не задавала бы вовсе:

— А если нет?

— Пойдут на корм рыбам, в прямом смысле, — все так же любезно уведомила я.

Глаза темного принца полыхнули яростью, но сказать что-либо он не успел.

— Катрина, я лично займусь выводом гарнизона из крепости Тасхар. Сколько у меня времени? — спросил Къяр.

Нет, но до чего же умный мужик, хоть и темный.

— Около получаса, — сообщила я. И вежливо добавила:- Благодарю за понимание и отзывчивость.

— Всегда рад помочь, — ответил Къяр и добавил. — Уничтожайте кристалл, Катрина, и я постараюсь организовать канал связи, который не будет столь болезненным для вас.

Несколько удивленная его словами, все же до конца сохранила лицо, и ответила:

— Благодарна за участие. Всего темного.

Кристалл был уничтожен и лишь после этого я позволила себе долгий полный невыразимого страдания стон. Не знаю, откуда про боль было известно Къяру, но боль была зверской — я смотрела на свои запястья, белые, ровные тонкие, а ощущала из раздробленными, расколотыми, с разорванными сухожилиями.

Несколько секунд я просто хватала ртом воздух, но уже в следующую

села ровно, и игнорируя боль, создала новый пространственный кристалл.

— Эдогар, — произнесла, едва в сиянии граней появилось лицо главы моей канцелярии. — Эвакуировать весь военный гарнизон с территории, прилегающей к Свободным островам. У вас полчаса. Действуйте.

Уничтожила кристалл.

Повыла, растирая запястья и... и создала новый.

Наша спальня была разгромлена. Вся. Не осталось ничего целого, от мебели, до колонн, декорирующих стены и окон, изолирующих от ветра. Ветер гулял всюду — он играл с осколками стекла, трепал остатки разорванных простыней, разбрасывал перья и лепестки белых роз, то взвивая их в воздух, то вновь роняя. Ветер был полновластным хозяином здесь, но последнее что ему следовало бы трогать, это пряди платиновых волос, сидящего у стены сжимающего бутылку вина светлого... Все изменилось в единый миг. Был изгнан ветер, восстановились стекла разбитых витражей, вернулась мебель... но не поднялся кесарь.

— Нежная моя, — его голос прозвучал иронично и глухо в этом обрешенном идеальным порядком пространстве, — я бы сказал, что рад видеть... но это было бы ложью. Уничтожь кристалл, Ошрое уже плывет к тебе, он доставит заряженный и настроенный запас из более чем трехсот пространственных окон. Я полагаю тебе хватит... на первое время.

Я сидела, не зная, что сказать на это, и изо всех сил стараясь не взвыть от боли. Впрочем, вероятно зря, что-то подсказывало, что скрывать боль от кесаря глупо.

— Естественно глупо, — раздраженно произнес он, откинув голову и с затаенной насмешкой глядя на меня, — я чувствую тебя, Кари. Каждое твое желание, каждую мысль, и всю боль, на которую ты идешь ради ненужного тебе разговора.

— Почему ненужного? — тихо спросила я.

— Потому что, нежная моя, тебе не нужен ни этот разговор, ни я, — устало произнес кесарь.

Резонное замечание. И все же я сочла нужным уведомить:

— Наше соглашение остается в силе и я продолжу работу над процветанием вашей империи и в целом этого мира. А после вернусь в свой.

Пресветлый император Эррадараса вдруг усмехнулся, поднес к губам бутылку, сделал долгий медленный глоток, не отрывая взгляда от меня, а затем произнес:

— Нежная моя, ты удивительно умное создание, и в то же время...

Усмешка стала шире, и при этом почему-то злее.

— Потому что я зол, — спокойно пояснил кесарь.

И глядя в мои глаза, с ледяной, но отчетливо читающейся яростью, произнес:

— Я устал проявлять терпение. Я устал ждать. Я устал, Кари. — Он жестко усмехнулся и добавил: — Но главное — я понял, насколько все это бессмысленно. Пять лет, Кари, пять лет я искал способ, покинуть Рассветный мир не убивая тебя. И что в итоге? Ты убила себя сама, продемонстрировав мне, насколько значительную глупость я совершил, потеряв столько времени впустую.

Вновь усмешка и издевательское:

— Мне следовало бы усвоить урок, нежная моя, следовало бы... но любящим сердцам свойственно полагаться на надежды. И я тщетно надеялся, что наступит миг, когда ты поймешь... — кесарь отсалютовал мне уже практически пустой бутылкой и произнес: — За очередную ошибку на пути к твоему сердцу, нежная моя.

Что-то мне подсказывало, что больше ошибок не будет.

И холодный внимательный взгляд абсолютно трезвого Араздена лишь подтвердил это предположение.

— Я под защитой мира, — напряженно сообщила кесарю.

— Значит этот мир обречен, — очень тихо произнес император Эррадараса, пристально глядя на меня.

И уничтожил пространственный кристалл, разрывая связь.

Несколько долгих минут после я сидела, уже практически привычным жестом растирая болезненно ноющие запястья, мрачно размышляя над услышанным. Слов было произнесено по факту мало... но информации они несли катастрофически много.

Итак, кесарь будет здесь, вопрос лишь в том «когда». Второе, совершенно очевидное — я стану принадлежать ему как женщина. Не то, чтобы я не предполагала подобного ранее, но, несмотря на все понимание, я все равно была против. Не хочу быть игрушкой, не хочу до крика! И если бы речь шла просто о супружеском долге — я бы не возражала. Он мой муж, я дала слово исполнять свой долг жены, но я не желаю становиться его игрушкой! Проблема в том, что выбора, у меня, похоже, не будет.

Или будет?!

Перед глазами как наяву встал принц Ночного Ужаса, и его «двенадцать планов»...

Я не была уверена, что у Къяра есть хоть один шанс против кесаря, но что мешало мне столкнуть этих двоих? Ничего. Ничего кроме совести и чести, а они у меня, к сожалению, были. Жаль, искренне надеялась, что в

моем случае это два утраченных в процессе эволюции атавизма.

Что ж, Катриона Ринавиэль Уитримана Элларас Ашеро, вот тебе неплохой выбор, императрица, — потерять себя в заведомо проигрышной войне с кесарем, или потерять себя, предав собственные ценности, клятвы и моральные принципы?

Мрак, словно чувствуя мои моральные терзания, выплыл из щели в столе, завис напротив, участливо взирая алыми прорезями глаз. В очередной раз поняла, что тоскую по Адрасу. Дико, неистово, бесконечно тоскую... Лучше бы поцеловалась с главным арахнидом, мерзко, конечно, но иногда стоит просто плевать на принципы...

— Сможешь посмотреть, что в прибрежной крепости темных происходит? — спросила у Мрака.

Тот кивнул и растворился.

Глаз мира продолжал висеть рядом со мной, скорбно взирая на своего унылого представителя.

Унылым представитель оставался недолго — на улице слышались крики, шум, тревожный звук горна. Я поднялась, подошла к окну, посмотрела на город... серый гоблин будет сейчас этому городу. Абсолютный и основательный. Но гнойные нарывы стоит вскрывать без жалости, поэтому ни жалости, ни сомнений у меня не было.

Рядом тенью возник Мрак, молча передав мне послание.

«Воины покинули прибрежную крепость. Твой Къяр».

Сообщение от светлых отправили гораздо красочнее — едва я вышла из ратуши, со стороны крепости светлых прилетела стрела, опавшая белой розой в мои руки. Стоящий рядом со мной лорд Альрис содрогнулся, осознав все, что эллары хотели сказать этим посланием. И все что могли сделать с островами свободных фактически в любой момент...

— И часто к вам долетают стрелы? — поинтересовалась я, задумчиво прикоснувшись к белоснежным лепесткам.

— Первый... раз... — с запинкой ответил мужчина.

Стало кристально ясно, что свои возможности светлые, точнее один конкретный светлый, продемонстрировал не им, а мне. Лично мне.

Я поднесла розу к лицу, вдохнула едва уловимый аромат, с царственной грацией опустилась на ступеньки, как на трон, и сообщила миру:

— Можем начинать.

И земля содрогнулась. Крики, хруст ломающихся зданий, нарастающий гул бурлящей воды. Одно маленькое «но»:

— Можно мне обломки крепостей темных и светлых на новые земли

перекинуть? — поинтересовалась я у мира.

Огромный глаз удивленно моргнул.

— Библиотеку мне, стройматериалы народу, — пояснила ему.

Сатарэн воспринял предложение как вполне разумное.

В следующий миг разом обрушились оба берега реки Эсхеи. Две огромные волны, поднятые упавшими с огромной высоты крепостями, частично захлестнули Свободные острова, принеся помимо воды, еще и нескольких чудовищных рыб. Рыбы впечатляли — тела метров двадцать в длину, пасть с шестью рядами зубов, хищные линии, маленькие злые глазки...

— Мужики, — крикнула я, медленно с трудом поднимающимся воинам, — рыбок подхватили и в речку.

Мужики с ходу не поняли, но лорд Альрис стоял рядом со мной, а потому остался сух и логичен.

— Командовать всем — чудишь в воду! — приказал он.

И застывших «рыбок» потащили в речку, разом по тридцать-сорок человек, потому что рыбки легкими не были. Правда делали они это хоть и торопливо, но не быстро.

— Промокнет моя библиотека, — страдальчески заметила я.

Между тем мир продолжал перекраивать себя, и нас ждало второе землетрясение, и дополнительные волны. Часть людей из-за этого снесло в воду, но те же чудища, которых только что спасли люди, этим же самым людям старательно помогали выбраться на сушу. Очень запомнился момент, когда огромный осьминог, залез на забор и передал рыдающей женщине ребенка, которого водой смыло. Ребенок очень не хотел отцепляться от щупалец нежданной «няни», но и осьминог и женщина упорствовали, дитю пришлось сдаться. Это было мило...

А вот разрушения не слишком.

Вскрылись прорехи в крепостной стене, которые заделали кое-как, вместо того, чтобы отстроить заново, и потому крепостная стена рухнула процентов на девяносто, то же примерно произошло и с городом. Но вот если стену мне было жаль, то город откровенно говоря — не очень. Судя по тому, что вынесла вода... чистотой свободные похвастаться не могли.

— Лорд Альрис, — позвала я, вновь вдыхая аромат розы, — первый указ к населению — Каждому району полагается выбрать старост, чьей обязанностью будет по вечерам обходить дома. Тех хозяек, у кого будет найдено грязное белье и посуда — бить кнутом на площади в выходной день.

Мужчина странно на меня посмотрел, но так как на него глядел глаз

мира, возражать не решился.

А нас вновь затрясло. И я все гадала — выстоит ратуша, или не выстоит, но даже не пыталась встать и отойти от скрипящего здания — точно знала, что меня защитит Мрак, или мир, или на худой конец кесарь. Удивительное ощущение собственной ценности, откровенно говоря... эм, удивляло.

Протянув руку, создала кристалл, подняв его над всеми островами, и просматривая изменения.

Когда начали подниматься новые острова, лорд Альрис не удержавшись, присвистнул от удивления, но мы с миром никак не отреагировали, просто следя за процессом. На срединных землях оказались обломки крепости темных, на отдаленной светлых.

— Стройматериалы? — догадался лорд Альрис.

Я кивнула, стиснув зубы.

Ощущение было такое, словно у меня медленно с хрустом ломаются кости, и рвутся сухожилия. Усилием воли постаралась перестать замечать боль, и сконцентрировалась на островах, мысленно прикидывая расстояние до берега.

— Сатарэн, левый берег еще шагов на сорок, — попросила мир.

Он обрушил. Теперь вода дошла почти до края моих туфель, и унесла окончательно хлам, плавающий в городе. Кардинальненько поработали.

А потом кристалл выхватил одинокую фигуру на стороне светлых. Кесарь стоял, сложив руки на груди, молча наблюдая за творящимся безобразием, затем посмотрел прямо на меня и одним движением уничтожил мой кристалл.

Секунда и надо мной зависла вторая стрела, опавшая на мои колени ведерком со льдом. Даже отказываться не стала, погрузив обе руки по ноющие запястья. Потом, подумала, и мысленно произнесла:

«Спасибо».

Еще одна стрела, и на лед упала записка:

«Все для тебя».

Не стала это комментировать даже мысленно.

Спустя два часа все было кончено. Свободные острова стали одним Свободным островом, большим, грязным, мокрым, покрытым осколками бывшего ничтожества, и готовые стать символом человеческого величия... Как минимум я на это надеялась.

Создав еще один кристалл, проконтролировала состояние развалин городов, и береговую линию, после чего, поднявшись, забрала ведро и розу с собой и ушла обратно в зал заседаний. У меня в отличие от свободного

человечества не было времени на «прийти в себя», у меня впереди было еще заседание с владельцами Великих Дворцов... собственно поэтому я и взяла с собой лед.

* * *

Хранители Островов явились спустя несколько часов, молча приложила палец к губам, призывая к молчанию, и продолжила работу с наместниками.

— Пресветлая императрица, я боюсь, добыча металла будет несколько затруднена, — мрачно выразил свои сомнения лорд Кеанран.

— Это не моя проблема, — сухо ответила ему.

— У меня не хватит рабов для разработки недр Нермы! — максимально сдержанно, но все же гневно, произнес он.

— Рабов, или магии? — язвительно поинтересовался лорд Тагран.

Новый владелец Туманного дворца оказался не в меру языкат, видимо распоясавшись с убийством отца. Послала ему предостерегающий взгляд. Внял и мгновенно опустил взгляд.

— И того, и другого, лорд Тагран, — сухо ответил лорд Кеанран.

— Привлеките гномов, — спокойно посоветовала я.

— Чем?! — разъяренно спросил владелец Гранитного Дворца. — Улыбками и наложницами?!

Мой взгляд заledenел, примерно как руки, которые я уже давно попеременно держала во льду. И теперь едва могла писать в принципе, но все равно писала, несмотря ни на что, и очень бесил тот факт, что некоторые, пытались нагло уйти от исполнения приказа.

— Лорд Кеанран, — я холодно смотрела на Владетеля, — несомненно, если вы желаете, можете начать с улыбок и прочих атрибутов кокетства, если желаете расплачиваться с гномами собственным телом. В конце концов, кто я такая, чтобы запрещать вам подобные извращения. И все же, как ваша императрица, я бы рекомендовала обратить внимание на такой вполне известный вам термин, как «наемный труд». Несомненно, он несколько отличается от рабского, но в то же время у него есть масса преимуществ. Советую оценить. И... если же вы сегодня же не приступите к разработке недр Нермы, завтра на вашем месте будет находиться новый владелец Гранитного Дворца. На этом вопрос закрыт.

Эллар дернулся как от пощечины, но возразить не посмел.

— Лорд Тагран, что у нас с осушением восточных болот? — перешла я

к следующему вопросу.

Пресветлый мгновенно развернул карту, затем поднял ее, чтобы мне было удобнее видеть, зафиксировал магически и начал отчет:

— Часть работ выполнили применив силу, — произнес он, и по мере его слов, на карте проступили осушительные каналы. — Несколько выбились из расписания, столкнувшись в болотным племенем, но мой брат... — лорд несколько смутился, при всех назвав полукровку братом.

Но я улыбнулась, и кивнула, одобряя его, и лорд Тагран продолжил:

— Но мой брат сумел договориться, мы подписали договор о союзе!

Эдогар молча протянул его мне, раскрыв и позволив прочесть. Договор мне понравился, как и инициатива юного лорда Туманного Дворца, нанявшего часть мужского состава племени на работы по осушению.

— Они лучше знают собственно сами болота, места, где проходит скала и копать бесполезно, а так же владеют навыком отгона болотной нечисти с помощью трав, что позволяет не терять воинов, — отчитался лорд Тагран.

— Великолепно, — искренне похвалила я.

Эллар просиял.

— Леди Вэнтер? — перешла к следующему пункту.

Договорить не успела. Открылась дверь и в зал заседаний по ту сторону пространства вошел кесарь. В гнетущей, напряженной тишине прошел к Эдогару, взял листок с повесткой заседания, молниеносно прочел, и произнес, игнорируя собственно наше собрание:

— Леди Вэнтер не справилась. Лорд Хайтмар успешно работает в заданном направлении. Лорд Сагэр так же. — Взгляд на меня и ледяное: — Ты закончила?

— Нет, мой кесарь. У меня все еще открыт вопрос с дорогами, — язвительно сообщила я. А затем жестко напомнила: — А у вас, насколько я понимаю, все еще не решена проблема с высшими.

Ледяной взгляд кесаря стал на порядок леденее.

— Нежная моя, — медленно произнес он, — я над этим работаю.

— Мой кесарь, я этого не заметила!

И мысленно добавила: «Лично я не уверена, что последующие светочи так же будут подвластны моим приказам, а вот что способен натворить один такой светоносный — видела отчетливо! Занимайтесь вашей прямой задачей — внешней политикой. С внутренней я вполне разберусь, даже находясь на островах!».

— Одним острове, нежная моя, — язвительно напомнил кесарь.

— Хорошо, даже находясь на одном острове, мой император! —

отчеканила уже вслух я.

На меня посмотрели так, что я сильно пожалела о сказанном, в следующее мгновение, истинно в своем духе все так же игнорируя всех и вся, Аразден произнес:

— Нежная моя, я говорил об опасности твоей магии в условиях этого мира, я был услышан?

Возникло пренеприятное ощущение, что меня отчитывают сейчас, как девочку.

— Да, мой император, вы были услышаны, — холодно подтвердила я.

— Серьезно?! — почти издевка.

Даже отвечать не стала.

— А теперь взгляни на собственные руки! — жестко, приказным тоном, произнес кесарь, выдав всю свою ярость, заставив ощутить собственный гнев всеми присутствующими как по эту, так и по ту сторону пространства.

И повинуясь его приказу, я опустила взгляд на давно и бесполезно вызывающие о помощи запястья... крик удалось подавить с трудом. Мои ладони, от запястий до пальцев, приобретали синий, нездоровый оттенок, развернув руки, на тыльной стороне увидела потемневшие почти дочерна вены.

— Если ты, до прибытия Ошрое, попытаешься создать хотя бы одно пространственное окно, я снесу весь твой свежесозданный остров к чертовым гоблинам! Нежная моя, я был услышан?

— Да, — едва слышно выдохнула я.

И кристалл исчез, разрывая связь с Радужным дворцом и собственно моей императорской канцелярией. Под напряженными взглядами Хранителей молча засунула обе руки разом в лед, стиснув зубы и сдерживая рвущийся крик, судорожно вздохнула, на миг прикрыла глаза, а затем, царственно выпрямившись, окинула взглядом изрядно помятых, а местами и откровенно мокрых подчиненных, и задала первый вопрос:

— Потери?

Потери были несущественны — слава речным чудовищам. Население было напугано, и пока не оценило перспективы предстоящего, но уже успело удариться в сожаления о потерянном, приказала запретить пьянство в любом его виде. Глянув в окно, прикинула, что до наступления сумерек есть еще около четырех часов, и начала отдавать первые распоряжения.

Едва Хранители покинули зал заседаний, вошла Аджана, с поклоном сообщив что меня ожидают в обеденной зале для торжественного обеда. Молча достала руки из ведерка, продемонстрировала девушке, и так же

молча засунула их обратно.

— Это потому что вы не с императором? — испуганно спросила она. Женская проницательность иногда ставит в тупик даже меня.

— Что-то вроде того, — нехотя ответила ей.

Еще раз осмотрела свои запястья и устало приказала:

— Принеси бинты.

Торжественный обед отменила, еду приказала раздать жителям города — по моему искреннему мнению, праздновать еще было нечего.

К ночи меня откровенно ненавидели все, от Хранителей и стражи, до последнего городского бездомного, которого я поставила перед выбором — или идет работать со всеми, или может проваливать с острова. До моих слов нищих и бездомных было около трех тысяч, после не осталось ни одного.

В полночь прибыл Ошрое и его соплеменники — двенадцать дюжих гномов, посрамивших размерами всех местных воинов. Меня они обнаружили стоящей на бочке и собственноручно... в смысле собственноручно раздающей приказы, по возведению временного жилья.

Проходящая мимо старуха обронила, что нет ничего более постоянного, чем временное... через десять минут собрав пожитки и немалую семью, отправилась закладывать фундамент своего нового дома, чтобы как говориться сразу и основательно. После этого ни слова возражения я не слышала, и все равно успела охрипнуть до того, как меня осторожно дернули за юбку, повернувшись, увидела счастливую лысину гнома.

— Смоляная блестячка! — радостно поприветствовал он.

И тут же спросил:

— Слушай, ты эта, орка рыжего знаешь? Он тут...

Внезапно бочка под моими ногами покачнулась, а в следующее мгновение мир завертелся, смещаясь кривым изломом и я рухнула вниз, чувствуя как подхватывают невесомые ладони, удерживая от падения на землю, прижимая к себе, закрывая от всего мира пеленой тьмы.

* * *

Ощущение прикосновения пальцев к щеке, едва чувствующееся, ласкающее, нежное, и теплота окутывающего меня Мрака. Я открыла глаза, взглянула в алые прорези, и прошептала:

— Свалилась в обморок?

Мрак кивнул.

— Позор мне, — заключила досадливо.

Отрицательно мотнув головой, Мрак изобразил объятия и я поняла, что меня прикрыли ото всех и унесли сюда, в комнату, которую устроили для меня в ратуше.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась.

А в следующее мгновение резко села на постели, вспомнив, что собственно привело к столь печальной реакции моего организма — Динар. Гоблины раздери — Динар!!!

— Где гномы? — спросила у Мрака, частично окутывающего меня теплым одеялом из тьмы, а частично усевшимся в кресло, издали столь похожий на Адраса... никогда не прощу себе.

Мрак же посмотрел на кого-то справа от меня — я повернулась, узрела вззирающий на меня глаз и спросила:

— Где гномы?

«Строят», — меланхолично и как само собой разумеющееся, ответил мир.

Глаз моргнул, затем указал метнувшимся зрачком на внушительную приоткрытую уже шкатулку обитую алым бархатом. Я догадывалась, что это. Поднявшись, пошатнулась, постояла, придерживаясь за стойку удерживающую теперь не только балдахин над кроватью, но и меня заодно, отдышалась, затем продолжила нетвердый путь к столу. Откинула крышку, на миг прикрыла глаза, защищая от искрящихся кристаллов, взяла один, вернулась на постель и находящийся на моей ладони пространственный кристалл взмыл в воздух, затем собственно выполнил свою роль, преломляя пространство, и следующим, что я увидела, был сидящий в кресле у окна в нашей спальне кесарь. На моем супруге имелись ожидаемо белоснежная рубашка, и неожиданно темные брюки и туфли. Платиновые волосы, как и всегда зачесаны назад, и лишь одна прядь небрежно устроилась на плече, в глазах пресветлого застыл лед, он же отчетливо прозвучал в холодном:

— Ты осознаешь, что я сотру с лица этого мира весь свободный остров, если ты повторно доведешь себя до обморока? — это был даже не вопрос, меня с холодной учтивостью поставили на место.

Ядовито улыбнувшись в ответ, холодно ответила:

— Я осознаю, что как принцесса, леди, и прочая женская братия, имею полное право на незапланированные обморочные, полуобморочные, многообморочные и прочие истероидные состояния. В конце концов, я женщина, и меня такой создали. К слову, учитывая, что вы приложили руку

к моему созданию, мы приходим к логичному выводу — вы так же виновны в моей склонности к обморокам, соответственно не вправе наказывать кого-либо за вами же совершенную ошибку!

На красивом холодном лице едва заметной тенью промелькнула улыбка, и кесарь, пристально глядя на меня, произнес:

— Я вижу тебе лучше, нежная моя.

— Значительно, мой кесарь, — учтиво ответила я.

И не сумела задать следующий вопрос. Хотела, хотела настолько, что перехватывало дыхание, потому что понимала, что сделаю это с разрешения кесаря, или же без него, но в любом случае — сделаю. И все же, создавшиеся между нами отношения требовали соблюдения условностей, и потому я была вынуждена уведомить:

— Я хочу встретиться с Динаром.

Кесарь усмехнулся, откинулся на спинку кресла, и поигрывая кристаллом, который создал над затянутой в белые перчатки ладонью, язвительно поинтересовался:

— Даже учитывая то, что даллариец практически старик?

— Ой, кто бы говорил! — воскликнула я.

Глаза пресветлого императора Эррадараса опасливо сузились, но он не став комментировать мои слова, продолжил:

— Встретиться с человеком, который был женат на твоей сестре?

— Сказал тот, кто мне в глаза заявил, что моя бабушка была очень неплоха в постели, — как-то после обморока у меня прибавилось язвительности, даже не ожидала.

Но решив, что конфликт в данный момент мне вовсе не нужен, я все же сдержалась, и вежливо, с оттенком просьбы в голосе, произнесла:

— Я хочу встретиться с Динаром.

Кесарь не отреагировал, лишь нечеловеческие глаза медленно сузились, медленно и угрожающе. Вскинув подбородок, с вызовом посмотрела на супруга и императора. Несколько секунд, несколько долгих секунд и холодное:

— Я распоряжусь, чтобы его сопровождали на остров.

Вздрогнула, менее всего ожидая такого ответа. Темное тревожное чувство заставило затаить дыхание, но я не стала спрашивать.

Учтиво склоненная голова кесаря.

Моя нервная улыбка.

Кристалл самоуничтожился, вернув однородность окружающему пространству.

Судорожно выдохнув, я повернулась к глазу, задумчиво висящему у

окна, и спросила:

— Ты можешь закрыть мои мысли от кесаря?

Мир ответил печальным и кратким:

«Нет».

Поднялась, дерганным движением, подошла к окну, с удивлением поняла, что уже практически рассвет, но работы продолжают и в основном силами огромных лысых гномов. И судя по тому, что они привезли с собой наковальни, меха для раздува пламени, и прочие инструменты — их работу оплатили, и я даже знаю кто.

— Сатарэн, а ты сможешь сообщить, когда кесарь покинет собственно тебя? — все так же глядя за окно, спросила я.

«Да», — пришел несколько напряженный ответ.

Кивнула с мрачным удовлетворением. И постаралась не думать о том, каким образом кесарь собирается распоряжаться тем, кем, насколько мне известно, и насколько я надеюсь — не владеет. Территории орков закрыты даже для Араэдена, и маги там, не чета эллара — все же есть разница между тем, кому триста лет и теми, кому по три тысячи!

«Я распоряжусь, чтобы его сопроводили на остров»...

Как интересно? Просто до крайности интересно, что же я пропустила, скрывшись на Свободных островах?! И у кого я могу это узнать?

В следующее мгновение я подошла к столу, достала еще один кристалл из россыпи ему подобных в шкатулке, разместила на открытой ладони и произнесла:

— Къяр.

Кристалл увеличился, преломля пространство, и через мгновение на меня взглянули багрово-черные глаза принца Ночного Ужаса.

— Катрина, рад видеть, — произнес он, приветственно полусклонив голову, но при этом, не отрывая от меня взгляда, что выглядело крайне непристойно.

Могла бы не отреагировать, но каковы шансы, что в этом случае темный осознает насколько важен этот разговор для меня? Демонстрировать собственную уязвимость было бы глупо. И я ступила на тонкий лед, на лезвие ножа, на самый край пропасти — метафор можно было бы подобрать множество, но все они отражали ситуацию превосходно, потому что один неверный шаг и Акъяр поймет то, что понимать темному не следует. Это кесарь Динара не тронет, вероятно решив, что мои чувства в данном случае подостыли, как и чувства бывшего правителя Даллarii, а вот Къяр убьет Динара едва лишь заподозрит в нем соперника.

— Я бы попросила... — холодно потребовала, царственно усаживаясь на стул.

Это с кесарем я могла разговаривать сидя на кровати, а данный принц совершенно иная категория.

Акъяр понял, что истинно темная наглость в данном случае неприемлима, поклонился, на сей раз опустив взгляд, как и требовалось, и, отбросив фамильярность, холодно спросил:

— Чем могу быть полезен?

Вежливо улыбнувшись, начала издалека:

— Вам не составит труда ввести меня в курс дела с проникновением высших в наш мир?

Къяр несколько удивленно приподнял бровь, и вопрос «Почему бы вам не спросить у мужа?» практически читался в его взгляде, но учитывая, что целью темного с непонятно чего в принципе, было мое завоевание, он решил, что любой разговор со мной будет вполне полезен. А потому, откинувшись на спинку кресла выполненного из черного дерева, и обитого алым бархатом, принц Ночного Ужаса начал собственно вводить в курс дела:

— В данный момент нам удалось полностью блокировать Тэнетр от вторжений.

Что? Какого дохлого гоблина, начали с защиты территорий темных? А как же Эррадарас? Территории гномов? Песчаных демонов? Драконов? Да чтоб вас! Чем кесарь вообще думал?

Но внешне я лишь улыбнулась, вполне одобрительно, и очень мягко поинтересовалась:

— Только Тэнетр?

Къяр учтиво кивнул, и пояснил:

— Думаю вам уже известно, что Светочи при переносе в мир ориентируются сразу на наиболее сильных магов. Это довольно успешная стратегия — Светочи практически неуязвимы, способны ограждать себя защитным контуром, и самое главное — обладают магией построения межмирных пространственных переходов. Переход открывается для агнаров — сильнейших из высших, тех с кем ни мне, ни Араэдну лучше не встречаться в принципе — эти раздавят и не заметят.

Как интересно.

— То есть Светочи переносятся поближе к сильным магам, чтобы явившиеся через открытый ими проход высшие-из-высших сходу убили сильнейших магов этого мира, лишив тем самым народ даже призрачного шанса на противостояние? — уточнила я.

Темный принц улыбнулся и произнес:

— Вы поняли совершенно верно.

— Хорошая стратегия, с этим не поспоришь, — была вынуждена признать я.

Но собственно тогда возникают вопросы — почему блокировали только Тэнетр? Ведь сильные маги есть и в Эррадарасе и насколько я понимаю у орков тоже.

Спрашивать не пришлось, Акъяр, задумчиво пропустив темную, упавшую на его плечо прядь между пальцами, продолжил:

— Мы приняли решение заблокировать Тэнетр по причине того, что на темной стороне дать отпор Светочам, как оказалось, способен лишь я.

Помолчал и добавил:

— А допустить гибель еще одного принца мы не можем себе позволить.

Удивленно взглянула на него. Къяр улыбнулся моему удивлению, откинул голову назад, уперевшись в спинку кресла, и... и из-за него начало появляться что-то чудовищное. Действительно чудовищное. Ужасающий, черный, с неровными острыми клыками оскал... просто ужас. Натуральный ужас!

— Идеальное владение собственными эмоциями, — с нескрываемым восхищением произнес Къяр, пристально и явным удовольствием глядя на меня. — Все женщины из тех, кому доводилось видеть мою силу, обыкновенно теряли сознание, наиболее выдержанные бросались прочь со всех ног. Вы невероятно сдержанны, Катрин.

Я могла бы поспорить с этим утверждением, но не стала, спросив прямо:

— Что вы пытаетесь сказать мне этой демонстрацией вашей силы?

Усмехнувшись, принц протянул руку, и Ужас, многократно уменьшившись, но оставаясь столь же ужасающим, разместился на ладони хозяина, словно окруженный темным дымком череп какого-то жуткого монстра.

— Я хотел сказать, — переведя взгляд со своего Ужаса на меня, медленно проговорил Къяр, — что убийство темного принца, спускает с поводка его силу. Силу, для которой жизнь владельца приоритетна. А мы, находясь на грани выживания, способны выпивать жизнь. Наша сила так же. Именно поэтому тьма, при нахождении владельца на грани, становится смертельно опасна для всех — она отбирает жизни, ради выживания своего носителя.

В моем взгляде промелькнул нескрываемый скепсис. Къяр уловил его,

и произнес:

— Я рассказал вам об этом, чтобы вы поняли — Адрас убил себя сам. Это первое. И второе — если Светоч убьет, либо сильно повредит кого-либо из трех находящихся сейчас на Тэнетре принцев, половина населения будет уничтожена просто вырвавшейся из-под контроля силой самих принцев. Именно поэтому закрытие Тэнетра мы с Араэденом посчитали приоритетной задачей. Из-за вас.

Сильно удивилась подобному заявлению.

Къяр улыбнулся, и пояснил:

— Будем откровенны — что мне, что моему светлому брату абсолютно плевать сколько и каким образом жителей пострадает. Темных вырвавшаяся сила не тронет, а люди для нас не имеют никакого значения.

Недосказанным осталось «Они имеют значение только для тебя, Катриона».

— Я... поняла, благодарю за пояснения, — вежливо ответила принцу. И тут же спросила: — А что с территориями орков? Насколько мне известно, у них тоже достаточно сильных магов. Что если Светочам удастся проникнуть туда, и вторжение начнется с оркских территорий?

Вопрос на грани падения в пропасть... и я старалась ничем не показать, насколько важен для меня ответ. Ничем не выдать. Не позволить измениться даже взгляду.

— Орки, — задумчиво произнес Къяр. Помолчал, глядя на маленького, сотканного из черного клубящегося тумана монстра на своей ладони, и произнес, — уже не проблема.

И у меня сжалось сердце.

Не просто сжалось — забилося втрое сильнее, словно хотело вырваться из груди напроць, но я оставалась сидеть, все с тем же внимательно-учтивым выражением на лице, все с тем же легким интересом во взгляде, все так же идеально прямо держа спину, и величественно вскинув подбородок. Это где-то там, внутри все рушилось, а внешне я превосходно держала лицо. Это я умела как никто иной, уступая в данном искусстве разве что кесарю.

— Уже не проблема? — переспросила ровным тоном.

Переведя взгляд со своего ручного монстра на меня, Къяр кивнул и добавил:

— Араэдену невероятным образом удалось договориться с их новым правителем. Мой светлый брат вызывает откровенное уважение.

С трудом сдержала порыв уничтожить кристалл, и прекратить разговор. Потому что кричать захотелось от отчаяния! «Араэдену

невероятным образом удалось договориться с их новым правителем»?! Да он просто купил Динара, призрачным шансом встречи со мной! Вызывает уважение? Нет, вызывает ярость, так вернее будет! Потому что кесарь играл, кесарь опять играл нами как куклами, и что-то мне подсказывало, что Къяр уже тоже на крючке, и его аккуратно и уверенно оплетают узами, чтобы превратить в очередную марионетку великого пресветлого императора!

Разбить бы сейчас что-нибудь. Хоть что-нибудь! Упасть на пол и, обняв колени, повыть от отчаяния!

Но...

Но я продолжала сидеть, все с той же задумчивой полуулыбкой на губах, не выдав ничем охвативших меня эмоций. Да уж, моей выдержке мог бы позавидовать любой, но едва ли я хоть кому-либо пожелаю оказаться на моем месте. Меня наказывали! Довольно жестоко и показательно. Сбежала на Свободные острова и избавилась от рун влияния? Получи того, кто пришел за тобой сквозь время и миры, но в изрядно подпорченном состоянии! Потому что я сильно сомневаюсь, что Динар сумеет противостоять магии светлых рун.

«Я распоряжусь, чтобы его сопровождали на остров»...

Где же сейчас Динар?! Великий Белый Дух, только бы он не был во дворце кесаря! Только бы не покидал территории орков! Только бы...

Но вслух, слегка ироничное замечание:

— Удивительно, что моего императора пропустили на территории орков.

— Нет, — покачал головой Къяр, — что вы, они слишком опасаются Араэдена. Встреча состоялась в Радужном дворце.

А чтоб вас всех серые гоблины пожрали!!! О, Мать Прародительница! Он пошел к кесарю! Этот наглый не поумневший с годами рыжий пошел к кесарю! За каким демоном?! Зачем, о Великий Белый Дух, зачем?!»

«За тобой... — отозвалось в душе, — он пошел к нему за тобой...».

— Что ж, благодарю за время, уделенное мне, ваше темнейшее высочество, — вежливо улыбаясь, произнесла я.

— Всегда искренне счастлив видеть вас, Катрин, — произнес Къяр.

Вновь улыбнувшись в ответ, протянула руку, коснулась кристалла, уничтожая, и взвыла. Молча. Беззвучно. Отчаянно.

С другой стороны смысл отчаиваться — у меня всегда под рукой воды Эхеи, она смывает любые руны со всем их влиянием, но тут... тут я поняла, что именно сказал кесарь: «Я распоряжусь, чтобы его сопровождали на остров». И до меня дошло очевидное — он не сказал, на какой именно

остров! В его словах не прозвучало «на Свободные острова»...

Я потянулась к шкатулке, схватила следующий кристалл, и лишь подумав «кесарь» преломила пространство.

Кесарь сидел все там же и все так же, разве что на тонких губах играла едва уловимая победная улыбка, а левой руке император Эррадараса держал бокал с алым как кровь вином. С усмешкой отсалютовав мне, император, не отрывая от меня взгляда, отпил глоток, затем любовался игрой света на хрустальных гранях бокала, и произнес:

— Один: один.

Так значит, да?

— Именно, — его глаза победно сверкнули.

Едва зубами не заскрежетала!

— Ну что ж, — кесарь сделал еще один глоток вина, после посмотрел на меня и совершенно спокойно произнес, — я полагаю моей нежной супруге самое время вернуться домой, не так ли?

А чтоб тебя серые гоблины сожрали!

— Это вряд ли, — издевательски ответил супруг, — мир не тот, да и гоблины мне не соперники.

Он даже не стал говорить, что орки, и тем более полуорки ему не соперники тоже! Не стал, но я все прекрасно поняла. Сложно не понять стол явного намека.

Откинувшись на спинку стула, посидела, кусая губы и стараясь не сорваться на крик, вопли, вой и высказывания всего того, что я по поводу некоторых вечно-живущих думаю. И главное мог бы сказать сразу, но нет — позволил до всего дойти самой, и явно с огромным удовольствием проследил за моим разговором с Къяром.

— Ты была великолепна, — подтвердил мои мысли Араэден.

Посмотрела на него со всей ненавистью, на которую только была способна, а способности у меня запредельные, в смысле давно вышли за пределы того, что я о себе вообще знала.

— Где Динар? — ровно спросила я, сдерживая эмоции.

Хотя какого демона, кесарь и так о них знал, но видимо попытка сохранить лицо была тем единственным, что у меня оставалось.

Араэден улыбнулся, откровенно посмеиваясь над моей попыткой выглядеть невозмутимой, протянул руку и преломленное пространство отразило камеру. Темную, едва освещенную камеру, в которой на полу сидел полуобнаженный покрытый татуировками мужчина с небрежно собранными в хвост медными, до боли знакомыми во всех их оттенках прядями.

Динар.

Я узнала его даже со спины. Широкой, с могучим торсом не парня — заматеревшего мужчины. Я узнала его сразу. Я узнала бы его из тысячи мужчин. Узнала бы, даже будь он седым стариком. Узнала бы даже через сотню лет, что уж говорить о паре недель. Я...

Я узнала не только его. С болью отозвавшейся где-то глубоко внутри, я узнала и ту руну, что едва заметно сверкнула над головой бывшего правителя Даллarii. Руна забвения.

Кристалл заискрился, возвращая меня к кесарю. Великому Ледяному свету, на губах которого играла победная улыбка, а глазах стыл вечный лед.

Да, Динар, ты оказался недостаточно подлым, для схватки с таким противником как кесарь. Просто недостаточно подлым. А вот у всех остальных подлости хватило. У орков, власть над которыми ты захватил, и вероятно именно по этой причине, они не стали посвящать тебя в возможности магии пресветлых. У кесаря, использовавшего меня как приманку. У тех, кто сопровождал тебя к границам территории орков, не сообщив — что эти земли единственное, что способно защитить от светлых рун.

— Это так подло... — прошептала я.

— Разумно, — парировал мой супруг.

— Подло... — повторила помертвевшими губами.

И больше не смогла сказать ничего, с ужасом осознавая — Динар не мог поступить иначе. Просто не мог. Как не мог не появиться там, в храме, где его собирались принести в жертву, потому что там была его бабушка. Есть ценности, которые ты ценишь в жизни, а есть сверхценности — которые для тебя важнее жизни. Для Динара такими сверхценностями были семья и я, поэтому он и пришел, не мог не прийти.

— Примерно так, — согласился с моими рассуждениями кесарь. И произнес: — Я жду тебя, нежная моя.

Я отвела взгляд, и несколько секунд с тоской смотрела в окно, за которым медленно неспешно алело небо, предвещая рассвет, и в этом нежно-розовом небе багряно сияло темное светило — Черная звезда. Ее сияние затмевало все — рассвет, тускнеющие луны, исчезающие звезды... Забавно, когда я появилась в этом мире у темного светила не было никакого ореола, да и сияния не было тоже, если припомнить, а сейчас Черная звезда сияла. Сияла все ярче.

Медленно повернув голову к кесарю, я взглянула в его холодные глаза, и так же холодно произнесла:

— Нет.

Кесарь, собиравшийся было отпить еще глоток вина, отставил бокал, и взглянул на меня, вскинув бровь.

— Два: один, — я смотрела на него прямо, не отводя взгляда.

Потому что ошибки Динара я не совершу, и марионеткой больше не буду. С меня хватит!

— Кари, — очень ласково произнес кесарь. И добавил почти угрожающе: — Я не собираюсь больше спать один в нашей постели.

— Постель — ваша! — парировала я.

Пресветлый император несколько секунд мрачно смотрел на меня, а затем убийственно-нежно произнес:

— Мне прислать тебе далларийца... по частям?

Я сдержалась. Не знаю как, даже не знаю, откуда силы взялись, но сдержалась. Мило улыбнулась кесарю, и тем же убийственно-нежным тоном, что и он, поинтересовалась:

— Мне переспать с Къяром?

Мы оба перешли черту, за которую ступать не стоило ни мне, ни его бессмертию. И как бы не хотелось продолжить, но мы оба были прожженными политиками, и поступили, как следует поступать политикам, в запале перешагнувшим черту — сделали вид, что ничего не было.

Несколько напряженных секунд, и неожиданно усталое от кесаря:

— Ты нужна мне.

— Я ваша, — просто констатировала факт.

Чуть не спросила язвительно «по частям?», но естественно спрашивать не стала. Глядя на кесаря, я отчаянно искала выход из положения, который удовлетворил бы обоих... хотя бы на время.

— Полагаешь, такое возможно? — поинтересовался вновь становясь ледяным и отстраненным император.

— Полагаю, мы в ловушке, мой кесарь. Причем оба, — совершенно серьезно сказала я.

Властитель Эррадараса лишь усмехнулся в ответ, недвусмысленно намекая, что как раз он совершенно и полностью свободен — к стенке прижали меня.

— Все не так просто, — глядя на супруга, спокойно заметила я. — Вы слишком долго жили среди людей, мой император, и привыкли манипулировать нами, используя наши чувства. Но есть одна маленькая проблема — я уже достаточно пожила среди элларов, и подобные провокации со мной уже не сработают.

Араэден смотрел на меня, слегка сузив глаза, внимательно и настороженно. Еще бы — игрушка вдруг перестала играть по правилам. И

это явно не понравилось пресветлому манипулятору.

— Ты вернешься в мою постель, нежная моя, — с нажимом произнес император.

Без явных угроз, но с явным намеком на них.

Холодно посмотрела на кесаря, и ответила:

— Вы не тронете Динара. Я не требую его освобождения, боюсь, после всех наложенных на него рун он едва ли будет способен вернуть себе положение, завоеванное в кланах орков, но вы не тронете Динара.

Почти ультиматум, несмотря на то, что я превосходно знала — ультиматумы кесаря бесят, исключительно бесят. Но иного выбора не было.

— Ты в этом уверена, нежная моя? — насмешливый вопрос.

— Более чем, — я поднялась, заложив руки за спину, подошла к окну. И глядя на Черную звезду, сияющую все ярче, произнесла: — Оставлять Динара в Радужном дворце глупо. Вам, как и мне, известно, что сильные маги притягивают стремящихся захватить наш мир Светочей. А с высшими на данный момент способны справиться всего трое — я, вы и Къяр. Но вам и Къяру приходится покидать этот мир, потому что лучшая защита, это нападение и вам об этом прекрасно известно. Именно поэтому вы защитили Тэнетр, но Радужный дворец... Интересно, как быстро очередной Светоч заявится в Радужный дворец, если там будет Динар... и что произойдет в том случае, если в этот момент там не будет вас?

Я не оборачивалась и не следила за реакцией кесаря на мои слова, я выкладывала на стол все свои козыри, в отчаянной попытке защитить Динара, и не стать игрушкой кесаря одновременно.

— Вы переправите Динара на Свободные острова, — продолжила, глядя исключительно на Черную звезду, — я дам слово, что... останусь в вашем мире.

Несколько секунд кесарь молчал, я старалась ни о чем не думать, отмечая, что сияние темного светила становится все ярче и ярче. А затем за моей спиной прозвучало:

— Нежная моя, забавное предложение. Но мое значительно лучше, ты не находишь?

Нет. Я была слишком хорошей ученицей, чтобы поверить в то, что едва я вернусь в Радужный дворец — Динара отпустят. Как бы не так. Динар и его прорыв в Нижний мир привел к тому, что теперь в него проникают светочи. Соответственно только смерть бывшего долларийского правителя и станет тем, что вернет целостность Сатарэну, оградив от вторжения высших. Следовательно, для Къяра и кесаря смерть Динара была лишь вопросом времени, крайне небольшого времени, пока эти двое ищут пути

закрытия переходов с двух погибших миров в один вот этот невероятно живой.

— Кари, — очень мягко позвал Аразден.

Я не обернулась.

— Нежная моя, ты же все понимаешь, — уже очень спокойно, и с нескрываемой решимостью произнес кесарь.

— Вы доставите Динара на свободные острова! — непримиримо повторила я.

— Разве что труп, — не менее непримиримо сказал император.

Патовая ситуация.

Развернулась, присев на край подоконника, пристально посмотрела на кесаря и с хладнокровием, которого ранее в себе даже не представляла, напомнила:

— Ну вы же нашли способ перенестись в этот мир не убивая меня. Проявите повторно ваши невероятные умственные способности и верните Динара в Рассветный мир живым, это не так сложно, мой кесарь. Это гораздо легче, чем пытаться заполучить меня, используя руны забвения и подчинения, потому что и вы и я, мы оба прекрасно знаем — рано или поздно я освобожусь, и тогда вам не поможет все ваше бессмертие с магией и опытом вместе!

Кесарь отреагировал на мои слова истинно в духе кесаря — молча.

Но молчание продлилось недолго.

— Ты сказала «я дам слово, что... останусь в вашем мире». Я не услышал в этой фразе «Я останусь с тобой».

И ледяной взгляд кристальных глаз, в которых был даже не вопрос — скорее требование.

Но я ответила спокойным:

— У вас превосходный слух, мой кесарь, вы слышали все, что я хотела сказать.

Лед во взгляде сменился ледяной же яростью. Но затем император усмехнулся и уничтожил кристалл, разрывая связь.

Я поднялась с подоконника, повернулась и вновь посмотрела на сияние Черной звезды. Нам предстояло сиять в этом мире долго, нам обоим... потому что мои условия кесарь примет, это знаю я и это знает он. В ином случае я наступлю на горло своей совести и чести, и в игру вступит Къяр.

Подавила все мысли по этому поводу, вскинула подбородок и окинула взглядом изломанную линию объединенных Свободных островов.

Что ж, Катриона, добро пожаловать в твой собственный мир!

Привычной жизни больше не будет. Призрак возвращения домой истаял в сиянии взошедшей Черной звезды! Но среди руин и изломанных линий крепостных стен, среди отчаяния и понимания, на что только что подписалась, у меня все равно оставалась я. Я! А я не из тех, кто способен сдаться.

Мрак, возникший за моими плечами, обнял, словно темная шаль, глаз Сэтарена мигнул и исчез, а я, обернувшись к двери, крикнула:

— Аджана!

Помимо бывшей наложницы кесаря, так же с докладом явился лорд Альрис, опустившийся на колено у двери и не смевший поднять голову, в то время как я за убогой деревянной ширмой быстро окунулась в принесенной слугами ванне, а после одевалась с помощью Аджаны.

— Строители работают в четыре смены, как вы и приказали, пресветлая. Недовольные высланы на дальний остров. Храмы речного бога... моя императрица, я попросил бы...

— Я бы тоже, — позволив Аджане расчесывать мои влажные волосы, холодно произнесла я.

Лорд Альрис опустил голову еще ниже, и глухо произнес:

— Пресветлая, Речной бог наша защита...

Я дернула головой, высвобождая недоплетенную косу из пальцев Аджаны, вышла из-за ширмы и холодно глядя на хранителя бесстрастно произнесла:

— Лорд Альрис — я ваша единственная защита. Храмы снести!

* * *

— Говорят, они спустились с небес, — торопливо рассказывала Аджана, ступая за мной.

Я была ниже, девушке приходилось подстраивать свой широкий шаг под величественный мой, но она старалась, я искренне ценила и ее старание, и ее стремление посвятить меня в историю своего народа.

— Они были прекрасны. Казалось, они впитывали солнечный свет, и усиливали его многократно, озаряя наш мир своим сиянием. Сияющие боги — прозвали их те, кто жил тогда. Сияющая смерть — назовут позднее. Ледяные убийцы появятся спустя всего год... И тогда разлилась Эхея, защитив своих детей...

Она прервалась на миг, потому что передо мной бухнулся на колени огромный совершенно пугающего вида мужик с нарисованным на лбу

глазом, необъятных телесных размеров, в серой идеально выглаженной мантии.

— Пресветлая! — рыдающе воскликнул он, воздев ко мне весьма пугающего вида руки.

Я обернулась через правое плечо. Это Аджана шла слева, справа меня сопровождал лорд Альрис. Хранитель острова нервно откашлялся, прочищая горло, и ввел меня в курс дела:

— Отче Нораэн, великий праведник.

Информация ничего мне не говорила, поэтому я продолжила смотреть на хранителя. Воин откашлялся повторно, нахмурился и выдал уже без пафоса:

— С просьбой о принесении в жертву девственницы.

Медленно повернулась к жрецу несуществующего бога, внимательно посмотрела в рыбы почти прозрачные глаза.

— Во славу пресветлой! — провозгласил жрец.

Я медленно огляделась — из-за развалин домов, крепостных стен, из-под наскоро сооруженных для ночи убогих шалашей, отовсюду выглядывали люди. С надеждой, с мольбой, с верой в то, что жертвоприношение непременно поможет им справиться с такой напастью, как собственно свалившаяся на их голову я. И люди, тысячи глаз, следили за каждым моим жестом, следили затаив дыхание.

В этот момент я вдруг поняла, почему кесарь сохранил у нас культ Матери Прародительницы — просто не хотел связываться. Верите себе в кого-то, вот и верьте, ничтожества. Его сияющее величие такие мелочи, как верования не интересовали вовсе... Но это кесарь, он мог позволить себе быть над народом, откровенно посмеиваясь над нашим невежеством более трехсот лет. Я себе подобного позволить не могла. Религия определяет слишком многое. Она может стать опорой и поддержкой государственного строя, а может повиснуть кандалами на руках правителей, связывая не только государственных мужей, но и искусства, науки, медицину, и собственно весь ход развития цивилизации. На Свободных островах, к моему искреннему сожалению, властвовал второй тип религии. Не удивлена, люди в этом мире вообще имели склонность к поиску максимально легких путей. Спустились завоеватели с неба — будем восхищаться, пока нас не поработят. Или сбегим, авось мир поможет. Пришли темные — опять таки бежать, мир-то в беде не оставит, Эхейя опять же подсобит. А ежели делов натворим, или будем не правы, то мы это дело искупим, а как же — ценой чужой жизни, правда, но искупим.

— Великий праведник, значит, — медленно проговорила я, взглянув

вдаль и заметив девочку, практически ребенка, прикованную цепями к колонне.

— Да, пресветлая! — воскликнул, воздевая руки к небу, отче Нораэн.

— Святой! — подала дрожащий голос какая-то старуха.

— Праведный, а уж сколько жертв богу принес! — поддакнула ей еще одна.

— Всю жизнь Речному посвятил, — пробасил позади лорд Альрис.

Я покивала, продемонстрировав всем, что они были услышаны, и уточнила:

— Посвятил жизнь богу? — и вкрадчиво поинтересовалась: — Что-то вроде обета безбрачия?

— Да, императрица, — напрягся лорд Альрис.

Он уже понял то, что еще не дошло до жреца и остальных. Умный мужик, умный и достаточно сообразительный, чтобы вскинув руку, подать знак воинам приблизиться, ограждая меня от толпы. Меня и застывшего на коленях священника.

— Итак, — заложив руки за спину, я обошла священнослужителя, — вы явились ко мне с просьбой принести в жертву девственницу, не так ли?

Отче Нораэн, испугано озираясь, промямлил:

— Дда, пресветлая.

— Императрица, — поправила я, обойдя его и направляясь к храму. — Я — ваша императрица. А вы, насколько я понимаю, девственник. Так принесем же во славу Речного бога достойную жертву! Поистине достойную!

На его вопль я не обернулась, не заинтересовалась и схваткой, в которую попытались вступить затесавшиеся в ряды жителей города остальные жрецы. Меня это волновало мало.

— Всех в храм! — не оборачиваясь, отдала я приказ.

Люди падали на колени и отползали с моего пути, образуя узкую дорогу — просто отползать особо было некуда, иначе дорога была бы крайне широкой. А я шла, уверенно и величественно, к храму, после частичного разрушения удивительно напомнившего мне тот, другой храм, в котором цепями к колоннам были прикованы я, Динар и Аршхан, а на алтаре лежала Лориана. Прекрасная Лориана... не хочу думать о том, как сжимал ее в объятиях Динар, зачиная наследника за наследником.... А впрочем, какая разница? Динар девственником с ранней юности не был, Лориана так же. У него до меня были целые бордельные острва, у Лоры и при мне вереница постоянно меняющихся фаворитов — темпераментом младшая принцесса Оитлона пошла в папеньку, а он при всей любви к моей

матери, половину театральных актрис содержал... пока я не вмешалась, возмущившись неправомерными растратами. И после моего возмущения актрис осталось всего шесть... плюс дворцовые фаворитки... И это не считая хорошеньких селянок и горожанок, за которыми папенька так же никогда не стеснялся приударить.

К чему эти мысли, Катриона?! К чему эти мысли?!

Я не знала.

Придерживая юбки, медленно поднялась по ступеням в храм, мельком взглянув на застывшего дрожащего ребенка с разбитой губой, ссадиной на скуле и сбитыми в кровь скованными цепью руками.

— Мрак, — попросила одними губами.

Мой добровольный спутник растворил цепи и те опали к ногам ребенка грудой проржавевшего до трухи металла.

— Беги к матери, — не глядя на девочку, приказала я.

Она бросилась со всех ног, поскользнувшись на ступеньках, была придерживана следующим за мной лордом Альрисом, и шарахнувшись от него, помчалась прочь, не оглядываясь. Едва ли ее можно было осуждать за это.

— Императрица... — лорд Альрис стоял, поставив одну ногу на ступеньку храма, и с едва уловимой мольбой глядя на меня.

Я холодно взглянула в его светлые глаза, и он осознал, что на жалость рассчитывать бесполезно. Хрипло выдохнул, хотел было что-то сказать, но под моим насмешливым взглядом промолчал.

— Принести в жертву всех, — безжалостно произнесла я. — Всех, кто хоть когда-нибудь убивал детей в этом храме!

И от толпы волочимых к храму жрецов, отшвырнули одного — совсем мальчишку, обритого наголо, как и полагалось жрецам Речного бога, тощего, состоящего казалось из одних только костей. Его оставили, а вот остальные пытались молить. Молили, рыдали, плакали, стонали, заклинали, просили...

Я отстраненно взидала на то, как приковывают сразу по пять-шесть жрецов к каждому столбу, как на алтарь возлагают сразу троих... какая-то странная мысль вдруг встревожила. Странная, с трудом осознаваемая... И она лишь стала еще более тревожащей, когда после приказа лорда Альриса, мальчишка-жрец принес ржавую внушительную чашу, и ржавый же кинжал. Как-то мне все это подозрительно напомнило тот переход между мирами, ради которого не так давно приносили в жертву саму меня. Отступив к краю храма, я с интересом проследила за тем как жрец передает лорду Альрису ржавый меч...

— Я вот не поняла, — подала голос, чуть повысив, дабы перекричать все еще тщетно молящих меня о спасении жрецов, — чаша вам зачем?

Мальчишка, удерживающий ее, удивленно на меня посмотрел и пролепетал:

— Ккккровь собирать...

— Зачем? — действительно не понимала я.

— Ррритуал, — испуганно сжался жрец. — Все кто изопьют глоток священной пролитой крови, отчистятся от грехов и делов неправедных...

И я потеряла интерес к этой рухляди:

— Выбросить, — приказала отворачиваясь.

И уже лорду Альрису:

— Приступайте!

Предсмертный крик раздавшийся позади, продемонстрировал что к выполнению приказа он уже приступил. Я же, приступила к совершенно иному.

— Народ, — голос, великолепно поставленный лучшими преподавателями ораторского мастерства, разнесся над всей разгромленной воссоединением островов площади, — я скажу раз, и повторять не буду! Люди от животных отличаются тем, что несут ответственность за свои поступки! От-вет-стен-ность! За каждый поступок, за каждое дело, за каждое принятое решение. Ответственность! И ни один бог, не снимет с вас ответственность за то, что вы коллективно убиваете ребенка, обозвав это ритуальным жертвоприношением! Это не ритуал. Это позор! Позор для всего гордого человечества!

В абсолютной тишине, в которую погрузились все свободные люди, за моей спиной отчетливо слышались смертельные всхрипы, но о пощаде более не просил никто.

— Боги — любые боги, наши создатели и родители! Они подарили нам жизнь, и как любые родители, хотят видеть в своих детях готовность жить и дарить жизнь своим детям. Убийства не желает ни один человеческий бог! Как не пожелали бы вы увидеть убийство собственного ребенка, которое совершают на ваших глазах!

Мимо меня по ступенькам заструилась кровь...

Очередные окровавленные ступени в моей жизни...

Не стала ни отступать, ни поднимать юбку, лишь обернулась, посмотреть на результат работы. Лорд Альрис и его подчиненные в данный момент дорезали горла последним пяти жрецам...

И в этот момент произошло нападение!

Они упали тремя световыми лучами — три Светоча, каждый из

которых оказался стоящим на одном колене, прижимая ладони к полу храма и крови издыхающих жрецов. Трое сразу! Они переглянулись, повторно ударили ладонями в перчатках с обрезанными пальцами по крови, разбрызгивая ее в пространство и это самое пространство вдруг поло рябью, корежась, разрываясь, и открывая моему взору тех, кто стоял там, по другую сторону от перехода.

Это были высшие.

Я потрясенно рот приоткрыла, в полном изумлении разглядывая их, тех кто по праву мог носить звание «Убийцы миров». Это были воины. Не светловолосые, как те трое Светочей, что продолжали на износе своих сил и способностей разрывать пространство, нет, эти все были с длинными черными волосами, сейчас, в преддверии боя заплетенными в десятки кос, на концах которых вместо заколок имелись острые стальные перья. Высшие оказались... другими. В них не было красоты и благородства ракардов, не было надменности и презрения элларов, не было коварства и вкрадчивости темных. Они были иные. Совершенно иные. Выше ростом. С руками превышающими стандартный размер. С длинными ногами и узкой талией. Широкоплечие. Одеты довольно странно на мой взгляд — в основном в черную клепанную железом кожу. И да — судя по одежде, империя высших переживала не лучшие свои времена — воины единой армии обыкновенно одеты в мундиры этой самой армии, здесь мундиров не было — разнобой в одеянии, вооружении, амуниции, оружии. Отрепье, уничтожившее два мира подданных им элларов и тэнетрийцев и доведшие свое собственное государство до разорения.

С трудом сдержав улыбку, насмешливо произнесла:

— Какая встреча!

Стоящий впереди отряда высший, итак разглядывающий меня с интересом едва пространство начало трещать по швам, криво усмехнулся и произнес:

— Строптивая жрица. Мне уже начинает нравиться мой новый мир.

Я вскинула бровь, и издевательски рассмеялась. «Мой мир?», «Жрица?».

Несмотря на мой смех и мое абсолютное спокойствие, лорд Альрис и его люди мгновенно покинув храм, встали рядом, готовые защищать меня от вторжения, чем вызвали усмешку уже у высших. Те слишком хорошо знали, что никакие воины им не соперники, им — убийцам миров, какие-то люди были просто смешны.

Но в отношении меня, мужики ошиблись. И сильно.

«Стоять!» — отдала мысленный приказ всем трем Светочам. И те

застыли, в неестественных позах, сотрясаясь от напряжения, из их носов на итак изгвазданный кровью каменный пол полуразрушенного храма, заструилась алая, слишком светлая для человеческой кровь.

— Я не жрица, высший, — произнесла, все так же продолжая улыбаться и пристально глядя на того, кто уже начинал нервничать — вторжение по непонятным ему причинам откладывалось.

Высший окинул взглядом всех троих застывших Светочей, затем резко повернув голову абсолютно черными глазами уставился на меня, и наконец, хрипло, но пафосно, произнес:

— Я Ран сидион Агнар, наследный повелитель Северных земель, единовластный властитель Южных, последний правитель Западных!

— Ммм, — понятиливо протянула я, и тут же поинтересовалась: — А на Восток что, силенок не хватило?

Высшего перекосило так, что я откровенно говоря даже несколько заперевживала по поводу его здоровья — кажется магу очень непросто давалась попытка удержания уже сотворенного Светочами, его даже трести начало. Ну или просто взбесился, кто их высших знает.

— Если ты не жрица, то кто? — холодно спросил он.

Неодобрительно посмотрев на него, насмешливо произнесла:

— Ну, давайте рассмотрим ситуацию логически — запредельная наглость, способность блокировать разум и действия ваших Светочей, откровенное наплевательство на все ваши титулы и вместе с тем, обратите внимание, поддержание беседы на достойном уровне — в конце концов я, в отличие от вас, не опустилась до снисходительно-пренебрежительного «ты». Итак, ваши предположения?

Едва ли он был способен на предположения — высший титаническими усилиями пытался сдержать разрыв пространства, но без Светочей у него не было и шанса. Пространство восстанавливалось, стягивая разрывы, отбрасывая непрошенных завоевателей, блокируя силу «убийц миров».

— Так ты не жрица! — прошипел в итоге как оказалось весьма недалекого ума высший.

— Нет, — насмешливо подтвердила его утверждения. — Я не жрица. Я практически богиня. Ну и так, к слову, если вы, крайне неуважаемый мной Ран сидион Угнар, еще не поняли...

— Агнар! — прорычал теряющий силы высший.

— Это вы у себя Агнар, — усмехнулась я, — а у нас будьте так любезны стать Угнаром, в смысле угоняйте отсюда основательно и навечно. Потому что, высший, если ты еще не понял — этот мир МОЙ!

И приказ Светочам «Уничтожить проход».

И все три светловолосых мага разом оборвали нити привязки. Неслучившийся портал вспыхнул, и самоуничтожился, расплескав кровь уже на все — стены, развалины, людей. Меня от крови прикрыл Мрак, все остальные вокруг стояли в ужасе и красных пятнах.

Последнее, что перед вспышкой увидела я — черные полные ненависти и бессильной ярости глаза высшего. Но от самого взрыва как оказалось была ощутимая польза — из храма вынесло и кровавые потоки и тела жрецов. Остались только три застывших у колонн Светоча и треснувший алтарь. Да еще ржавый меч...

Ну и несколько вопросов, что появились лично у меня.

Мягко шагнув вперед, я подошла к ближайшему Светочу, порадовавшись тому, что сегодня в перчатках, коснулась его подбородка, заставляя запрокинуть голову и посмотреть на меня небесно-зеленоватыми совершенно огромными глазами и мягко спросила:

— Этот храм копия ваших храмов?

Просто совпадений оказалось много. Слишком много. Три колонны, к которым приковывают тех, кого приносят в жертву, алтарь, на котором кто-то должен лежать, меч, чаша для крови. А я не из тех, кто верит в совпадения.

— Отвечай, — приказала гибнущему Светочу.

Тот ощерился, продемонстрировав клыки похлеще чем у кесаря и прохрипел:

— Да... богиня.

То оригинальное чувство, когда еще пару минут назад ты была всего лишь императрицей...

Я выпрямилась, глядя на коленопреклоненного высшего, и задала следующий вопрос:

— Так, и почему этот Угнар еще не захватил Восток?

Высшему явно коверкание имени его повелителя не нравилось, но пришлось стерпеть — богиня я или как.

— Восток пал, — хрипло произнес Светоч. — Пустошь неизбежно пожирает земли...

— А справедливость оказывается вовсе не миф, — усмехнулась я.

Заскрежетав зубами, Светоч промолчал.

А передо мной в этот момент вспыхнул кристалл, следом раздвинулось пространство, являя мне супруга в весьма непрезентабельном виде — кесарь был полугол. И все бы ничего, но позади него виднелся столь же полуобнаженный Акъяр.

— Не смей даже думать! — прошипел Араэден, прежде чем я успела сказать хоть что-то.

— Нет, ну не думать это уже как-то через чур, вы не находите, — выразительно переводя взгляд с одного полуголого мужчину на другого, издевательски протянула я. — Человек, все-таки существо мыслящее... а мысли бывают разные... особенно если вождь выносливый...

В следующее мгновение на кесаре, закрывая его идеальное обляпанное явно чужой кровью тело, появилась рубашка, затем мой супруг словно стряхнул с рук два сверкающих инеем меча, и те растворились в пространстве, и только после, сотворив себе кресло прямо посреди полуразрушенной столицы Эррадараса и усевшись, кесарь произнес:

— Три отвлекающих отряда и один основной.

Честно говоря, даже стало обидно, что не могу себе вот так же вот легко сотворить практически трон, и потому мне приходилось вести разговор стоя.

— Основной, как я понимаю, достался мне, — нервно постукивая туфелькой по каменному полу храма, заметила я.

— О да, моя богиня, — язвительно подтвердил кесарь. И с самой ласковой улыбкой добавил: — Видишь ли, нежная моя, кровь, храм и жертвоприношения в целом весьма привлекательны для высших!

На меня злились. Даже не пытаюсь скрыть это. И судя по взгляду, кесарь вообще был в ярости, в той крайней ее степени, что делала его взгляд убийственно ласковым... Считав мои мысли, он на миг прикрыл ресницы, затем взглянул на меня уже привычно ледяным взглядом и неожиданно устало произнес:

— Возвращайся туда, где я могу защитить тебя.

Практически просьба.

Молча указала рукой на храм, продемонстрировав, что и сама неплохо справляюсь со своей защитой. Но не желая развивать тему наших непростых отношений и далее, перешла к гораздо более важным вещам:

— Мир высших гибнет, насколько я поняла пожираемый какой-то пустошью. Восток они уже потеряли, на трех оставшихся четвертях их мира власть захватил Ран сидион Агнар. Знаком?

Судя по взгляду кесаря — нет. Но вот подошедший ближе Къяр переспросил:

— Повелитель Северных земель?

— И их в том числе, — подтвердила я.

На лицо принца Ночного ужаса набежала тень.

— Ну вот, хоть кому-то сей индивид знаком, — заключила я.

Къяр посмотрел на меня так, что сразу стало ясно — знакомство с этим высшим было последним, чего желал принц темных.

— Видишь ли, нежная моя, не все умеют быть на высоте посылая собственно высших в максимально далекие дали, — усмехнулся кесарь.

Невольно улыбнулась ему в ответ. Затем мысленно спросила: «Что будем делать со Светочами?». Мысленно, потому что демонстрировать прилюдно свои сомнения по поводу убийства еще и этих мне не хотелось, а решать что-либо следовало и сейчас. Араэден несколько секунд пристально смотрел на меня, затем произнес:

— Их жизнь здесь будет притягивать им подобных.

Я поняла.

Повернулась к трем дрожащим от перенапряжения Светочам и приказала:

«Умрите».

Уходила из храма, не обернувшись и ни на кого не глядя. Остановилась лишь раз, когда мальчонка-жрец, догнав, запинаясь, спросил что делать с телами.

— Высших в реку, жрецов сжечь.

Когда он, поклонившись, убежал, продолжила путь по острову, в какой-то момент, осознав, что Мрак давно обнимает, словно теплый платок плечи. Остановилась, дойдя до края главного острова, прошла через пролом в крепостной стене, и встала на самом краю обрыва, глядя, как внизу беснуются речные волны.

Кристалл, возникший в воздухе, расширился до пространственного окна и кесарь, мрачно глядя на меня, устало спросил:

— Если я скажу, что Динара уже везут на остров, тебе станет легче?

— Да, — честно ответила я.

Араэден, сидевший уже в нашей спальне в Радужном дворце невесело усмехнувшись, кивнул, и произнес:

— Он лучше меня, да, нежная моя?

Ветер ударил мне в лицо, взметнул волосы, заставил сильнее закутаться во Мрак, поэтому я не сразу, но все же ответила:

— Будем откровенны — все кто угодно, лучше вас, мой кесарь.

Он застыл. А я сухо добавила, вспомнив бойню в храме:

— И точно такое же утверждение абсолютно верно в отношении меня.

Властитель Эррадараса промолчал. Я же, глядя вдаль, на остатки обрушенной нами с миром крепости, спросила:

— Откуда Къяр знает этого высшего. И кто он? Помимо титула, естественно.

Кесарь ответил задумчивым:

— Насколько мне удалось понять — бог, погоревший на чувствах к ночной дриаде.

Удивленно посмотрела на кесаря. Аразден поведя плечом, усмехнулся и произнес:

— Даже сильнейшие из нас гибнут, если сражаться приходится с собственными чувствами.

Из этого я вычленила главное:

— «Бог», «сильнейшие из нас»... И как давно вы решили причислить нас к богам, мой кесарь?

Пресветлый едва заметно улыбнулся, и иронично поинтересовался:

— Желаешь страстного признания в любви?

— Избави Великий Белый Дух! — мгновенно открестилась я. — Поверьте, ваши чувства в принципе последнее, с чем бы я желала столкнуться!

Он усмехнулся.

Я же поправив растрепавшиеся волосы, уточнила:

— Так что с этим Угнарм? Бог спустился с небес ради любимой и тем самым загубил свое царствие, ибо жадные и продажные советники разворовали к гоблинам всю казну?

Кесарь посмотрел на меня очень странно, и кажется, с трудом сдержал улыбку.

— Нет, все было не так? — поняла я. — Ммм... бог ради любимой оставил царствие, и оно развалилось само, под гнетом невыполненных государственных обязанностей?

Улыбка императора стала шире.

— Опять не то? — возмутилась я. — Но, послушайте, судя по одежде его воинства — им там толком уже даже шить некому, что в принципе не удивительно — где швейная игла и где ночная дриада. К слову, учитывая голодный вид высшего воинства, и повариха из этой дриады такая же, как и швея. Я полагаю, ему в принципе не стоило укладывать свое царствие к ее ногам, она определенно не умеет править.

И кесарь расхохотался. Искренне, от всей души, наличия которой у него я лично не подозревала в принципе.

— Что? — невольно и сама улыбнувшись, спросила я. — Версия опять далека от правды?

— Да, наивная моя, — отсмеявшись, произнес кесарь. — Весьма далека. Ради дриады с небес никто не спускался, как собственно никто не складывал империи к ее ногам. Дриаду изнасиловали, цинично и жестоко,

более того — продолжили в том же духе впоследствии. А после и вовсе лишили возможности даже прикасаться к деревьям. Ревность страшное чувство, нежная моя.

Улыбка померкла. Помолчав некоторое время, я тихо спросила:

— И что случилось с?.. — договаривать не стала.

Знала, что кесарю это не требуется, он понимал меня с полуслова, полупамятки, полумысли... да и вообще всегда, везде и во всем. Понял и сейчас.

— Насколько мне стало известно после допроса светочей, первыми в мире высших начали гибнуть деревья, — тихо сказал Араэден.

Я задумчиво заметила:

— Нужно будет быть повежливее с нашими дриадами.

— Определенно, — улыбнулся кесарь.

Вдали у пристани призывно и тревожно зазвучал звук горна, синим окрашенным медной пылью пламенем вспыхнули огни на уцелевших крепостных стенах, неподалеку раздался голос лорда Альриса, зовущего меня.

— Динар прибыл, как ты и просила, нежная моя, — уже без улыбки произнес кесарь.

А я стояла, смотрела на него и чувствовала, как все сильнее бьется мое сердце.

— Динар, который и не вспомнит меня, не так ли? — уточнила, хотя и так все понимала.

Араэден улыбнулся, повел плечом и тихо повторил уже ранее сказанное:

— Ревность страшное чувство, нежная моя.

И пространственное окно заискрившись исчезло, оставляя меня наедине с моей надеждой. Надеждой, у которой как и у любви было два крыла, потому что одно я знала точно — сколько бы лет не прошло, сколько бы событий не миновало, сколько бы вод в реке не утекло — Динар меня вспомнит.

И развернувшись, я поспешила навстречу разыскивающему меня лорду Альрису...

Конец пятой книги.